

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МИХАИЛ БАБКИН

ГОНЕЦ

Михаил Бабкин

Гонец

Повесть

С

стоять на солнцепёке было утомительно - помахав на прощание поезду рукой, Игорь сразу пошёл к высокому зданию вокзала: выйти в город здесь можно было только через него, пройдя сквозь ряды всяких книжно-продуктово-сувенирных прилавков, миновав обязательный милицейский контроль на входе и выходе. Конечно, имелась возможность пойти и иным путём, по рельсам, по солнцепёку, след ушедшему поезду - мимо складов, ремонтного депо, мимо вечно закрытой столовой для железнодорожников, а там и вокзал заканчивался, никаких тебе лотков и милиции, иди куда хочешь... Но топать в такую даль Игорю было лень, да и не чувствовал он за собой каких-либо подозрительных недостатков, за которые его могли остановить и устроить глобальную проверку с обязательной конфискацией денег: трезвый, гладко выбритый, с паспортом в заднем кармане брюк для возможной проверки той милицией; одежда хоть и поношенная, но чистая – серая рубашка с короткими рукавами, линялые джинсы и выдавшие виды кроссовки.

К тому же внешность у Игоря была самая что ни на есть славянская: рослый и плечистый, с тёмно-серыми глазами; светлые волосы – длинные, как и положено вольному художнику, - были сейчас собраны на затылке в привычный конский хвост. В общем, придаться вроде бы не к чему... Хотя если менты захотят, то всё одно придерутся! Работа у них такая.

Было Игорю двадцать восемь лет, возраст не мальчика, но и не утвердившегося в жизни мужа, как иногда в шутку говорила Маша, когда они в очередной раз оставались без денег и надо было снова занимать у родителей или у друзей. Но к финансовым проблемам и Маша, и Игорь относились легко, по-философски, не переживали и не впадали в панику. Нет денег сегодня – значит, будут завтра! И все дела.

Зарабатывал Игорь на жизнь разной халтурой, в основном ремонтом квартир, сантехники и электрики. Собственно, он был тем самым умельцем, о котором говорят «мастер на все руки», и мог бы зарабатывать гораздо больше и чаще, займись он теми работами всерьёз. Например, заключив договор с какой-нибудь строительно-ремонтной фирмой и влившись в бригаду таких же умельцев, подотчётных и контролируемых... Но никуда «вливаться» Игорь не хотел, не желал он быть подотчётным, и точка!

Тем более что о живописи тогда пришлось бы забыть надолго, если не навсегда.

Вчера Игорь закончил довольно выгодную работу – расписывал стены в небольшом частном ресторане по эскизам заказчика, владельца того

ресторана. Эскизы были ужасные, подобной безвкусицы Игорь давно не видел! Но платили хорошо, за скорость и за качество: под качеством заказчик подразумевал точное следование его эскизам, без художественных вольностей и отклонений. И чтобы краски яркие и толстым слоем! Представление о работе художника у заказчика было весьма своеобразное...

Деньги пришлось кстати – жена давно собиралась провести маму. Теперь Маша ехала в купе, а Игорь на пару недель стал холостым. Что его никак не удручало.

— Свобода, братцы! – весело сказал Игорь, выйдя из кондиционированной прохлады вокзального здания. – Вот оно, холостяцкое счастье-то! – и, не замечая ни услужливых таксистов, что толпились перед вокзальными дверями, ни подъехавший к остановке автобус, пошёл домой пешком.

Ранняя осень почти ничем не отличалась от минувшего жаркого лета: всё также грело солнце, так же зеленели деревья, так же, совсем полетнему, были одеты прохожие. Но уже чувствовалась в воздухе некая осенняя свежесть, что-то неуловимое, особое... То, что свойственно именно ранней осени – ощущение скорых перемен.

Игорь вышел на центральную городскую улицу с дивным названием Большая Парковая (раньше она носила фамилию товарища Энгельса, но ей, как и многим другим, в своё время вернули старое, историческое название) и неторопливо двинул по ней, с удовольствием поглядывая по сторонам: давненько он не был в этих краях! За работой уже и подзабыл, как выглядят места, где он столько раз ходил раньше...

Места выглядели замечательно: сверкающие солнцем витрины магазинов, броские рекламы, яркие вывески; чистые тротуары и зелёные ещё деревья вдоль проезжей части – всё было нарядно и празднично. Даже как-то чересчур празднично... Флаги на зданиях, транспаранты над головой... Мимы и клоуны возле крупных магазинов... Небольшие оркестрики там и тут: Музыка была слышна отовсюду и, смешиваясь, порой становилась похожа на бодрую какофонию.

По проезжей части, к большому удивлению Игоря, машины сегодня не ездили – там гуляли прохожие. Тоже праздничные, улыбчивые и добродушные; а ещё на улице было много детей с разноцветными воздушными шарами. Короче, в городе несомненно случился какой-то праздник – Большую Парковую отдают для народного гулянья не каждый день! – а Игорь понятия не имел какой.

— Совсем я уже заработался,- с обидой пробормотал Игорь,- эдак вообще от жизни скоро отстану,- и внимательней пригляделся к развешанным над улицей транспарантам: ба! Да сегодня же День Города! То-то народ веселится... Игорь глянул на календарик наручных часов: тринадцатое сентября, пятница, всё верно. Однако пятница и тринадцатое – как-то оно не очень... Впрочем, веселью это совпадение вряд ли повредит. Суеверия суевериями, а праздник – праздником!

— Едут! Едут! – закричали на другой стороне улицы. Гуляющий по проезжей части народ поспешно стал тесниться, отступая к тротуарам.

Игорь, заинтересовавшись, подошёл к дороге: издалека, приближаясь, доносился дробный цокот копыт. Наконец показались и всадники – впереди на гнедом жеребце ехал разодетый в парчу знаменосец с развёрнутым знаменем: золотом по голубому полотнищу был вышит герб города. За знаменосцем нестройными рядами ехали другие участники конного парада в разношёрстной средневековой одежде и военных доспехах: кто в кольчугах, кто в кирасах, кто в декоративных латах, кто просто так, но все при оружии – были тут и мечи, и луки, и арбалеты, и секиры, и булавы... Игорь невольно усмехнулся – смешение веков и стилей было невероятное! Но смотрелось оно неплохо, празднично смотрелось. Чего, собственно, от того парада-алле и требовалось.

Дети вопили от восторга; родители поднимали своих чад повыше, давая им возможность разглядеть всё-всё, – от счастья детишки забывали о своих воздушных шариках, и те уносились в синюю высь: небо над Большой Парковой стало напоминать цветную мозаику, лёгкую, подвижную.

Игорь полюбовался на небо, и ему вдруг нестерпимо захотелось нарисовать этот праздник – с ярким солнцем и лёгким запахом осени, с разудалыми конниками, с радостными детьми и воздушными шарами в небе. Недолго думая Игорь свернул с центральной улицы и пошёл домой.

Дойдя до Красноармейской – этой улице не вернули её историческое название, потому что она с самого начала именно так и называлась, – Игорь сел в троллейбус и через несколько остановок был уже возле своего дома, панельной многоэтажки семидесятых годов постройки.

Но прежде чем вернуться к этюднику и краскам, Игорь решил зайти в ближайший магазин, купить хлеба на всякий случай – он совсем не помнил, есть ли дома хлеб; вроде бы, собираясь в дорогу, Маша смела всё подчистую... Ну и колбасы взять, чтобы наверняка, и пару бутылочек пива заодно – праздник всё же! Можно и пива чуток выпить, для настроения.

Игорь направился к магазину. Но, не дойдя до него, с удивлением обнаружил, что на знакомом ему пути появился павильон-тент, уставленный красными пластиковыми столами и стульями; над входом красовалась выполненная серебром по брезентовому козырьку заманчивая надпись: «Пиво». Павильон был разборный, из числа тех, что сами по себе возникают на городских улицах в неожиданных местах на день-другой, а потом так же таинственно исчезают. Вспомнив о Дне Города, Игорь удивляться перестал и решил зайти в пивной домик, раз уж тот оказался у него на пути. Народу в павильоне было много, почти все столики заняты, но Игорь и не собирался долго рассиживаться, выпьет кружечку – и вперёд, за хлебом и колбасой. А после домой, к этюднику...

У стойки Игорь передумал и взял у продавщицы пару кружек: жарко как-никак, да и гулял долго – можно и задержаться в тенёчке, куда торопиться!

Ни магазин, ни краски с кистями от него не убегут... Игорь огляделся, выискивая, где можно присесть.

Свободным оказался стоявший возле тротуара столик. Ну, не очень-то и свободный: за ним сидел сухощавый мужчина, седой, коротко стриженный и в необычной одежде, отдалённо похожей на ту, что Игорь видел на некоторых всадниках во время конного проезда. На мужчине была коричневая рубашка с длинными рукавами, чёрный кожаный жилет с кучей нагрудных карманов, чёрные же брюки-галифе, тоже со множеством карманов, даже на штанинах; галифе ныряли в высокие мягкие сапоги – Игорь невольно оглянулся, высматривая коня, на котором по-походному одетый гражданин прибыл к пивной палатке. Но никакого коня поблизости не было. Наверное, друзья-конники в конюшню увели...

Примечательно одетый посетитель сидел и неспешно потягивал пиво из высокой кружки, заедая выпитое дежурными крабовыми палочками. Игорь подошёл к столику.

— Не возражаете? – Он поставил кружки на стол и, не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, сел напротив мужчины.

— Отнюдь нет, - вежливо ответил тот, - присаживайтесь, мой юный друг, я рад нашей доброй встрече, - и любезно пододвинул на центр стола блюдец с крабовыми палочками, чтобы Игорю удобнее брать было.

Тут бы и призадуматься Игорю, тут бы выпить одну кружку по-быстрому и уйти, оставив вторую, чёрт с ней! Потому что незнакомец и выглядел, и вёл себя неправильно – во всяком случае, не так, как положено в подобном месте. Во-первых, костюм не нём был вовсе не карнавальный, надетый на один день ради потехи, а ношенный и заботливо чиненный: на кожаном жилете кое-где имелись аккуратно зашитые порезы и почти незаметные латки. Во-вторых, жёсткое обветренное лицо мужчины было в шрамах, словно он неоднократно попадал в переделки, где незастенчиво пользоваться любым холодным оружием; блекло-голубые глаза ни на миг не теряли настороженного выражения... Да и манера разговаривать – нет, люди с такой внешностью никак не могут изъясняться столь высокопарно! Тем более в пивной.

И крабовыми палочками случайного соседа вот так, с ходу, никто не угощает, не принято... Разве что после второй-третьей совместной кружки, после необязательного, но сближающего разговора.

Недаром странный человек сидел за столиком один-одинёшенек: было в нём что-то подозрительное, что-то чуждое – неопределённое, но вполне осязаемое; обычно с такими типами нормальные обыватели предпочитают не связываться. И за столик к ним подсаживаются лишь те, кто совершенно не разбирается в людях или кому глубоко плевать на возможные последствия от такого соседства.

Но Игорь поначалу на внешность странного человека внимания не обратил – очень уж ему хотелось пива, да и присесть тоже хотелось, ноги гудели от долгих проводов и хождений по городу. А когда обратил, то никакой внутренней тревоги не почувствовал, наоборот, с интересом

принялся рассматривать колоритного соседа. В городе столь характерное лицо не часто увидишь, не свойственен подобный типаж городскому жителю... Более всего незнакомец походил на человека рискованной профессии: может быть, каскадёр, или вольный золотоискатель, или цирковой укротитель. Или путешественник. Во всяком случае, вряд ли он служил в тихой конторе бухгалтером-счетоводом... Конечно, интересоваться у незнакомца вот так с ходу, кто он и кем работает, было крайне не вежливо, хотя Игорь и подмывало задать этот вопрос.

Игорь отпил пива – холодного, терпкого – и потянулся за любезно предложенным крабовым угощением. Тут-то оно всё и случилось, быстро и непоправимо...

Сосед глухо охнул, Игорь резко поднял глаза: из шеи соседа, чуть выше воротника, торчала большая серебряная игла... нет, не игла, а что-то похожее на неё – оно, серебряное, вдруг ожило, забилось, вгрызаясь в плоть глубже, и исчезло, за секунду уйдя в шею полностью. В широко раскрытых глазах незнакомца плескалось безмерное удивление и недоумение. Если бы Игорь сам не видел ту живую иглу, то никогда бы не поверил, что такое возможно.

— Но почему? – прохрипел сосед, хватаясь за шею и с трудом поворачивая голову к тротуару. Игорь, ошарашенный увиденным, тоже посмотрел туда, но ничего поблизости не было. Лишь неподалёку, удаляясь от павильона, шёл человек в однотонном сером костюме и такой же невзрачной шляпе, спокойно шёл, уверенно; в правой руке прохожего была зажата прозрачная жёлтая трубка – Игорь мимоходом подумал, что это, наверное, флейта, очень уж похоже было... Больше он ничего не успел разглядеть: сосед внезапно ухватил его за протянутую к крабовым палочкам руку.

— Ты... - просипел незнакомец, с надеждой глядя в глаза Игорю; голос у соседа стал глухим, слова звучали невнятно, - значит ты... дойдёшь...

Игорь с ужасом увидел, как изо рта незнакомца идёт розовая пена, как лопаются сосуды в глазах, заливая белки алой кровью, как становится меловым лицо, исчерченное сеткой шрамов; сосед что-то пытался сказать ещё, но уже не мог.

Игорь попробовал выдернуть руку, но хватка оказалась железной, не вырваться; кровавые глаза незнакомца закатились, он обмяк и упал грудью на столик, столкнув плечом недопитую кружку на пол... В тот же миг Игоря обдало изнутри жаром, как будто зажглось в нём на краткий миг нечто яростное, обжигающее; одновременно что-то случилось с миром – волна запахов и красок накатила на Игоря, прошла сквозь него и исчезла: мир стал прежним.

Игорь выдернул руку из ослабевших пальцев, в растерянности огляделся – разговоры за столиками утихли, все смотрели на него. И на бездвижное тело.

— С человеком плохо, – сдавленным голосом произнёс Игорь. – Здесь есть врач? – Горло вдруг перехватило, словно с судорожным рукопожатием

он заполучил и серебряную дрянь, убившую Эрона, по паспорту Кашина Виктора Иннокентьевича, проживающего по адресу... Откуда-то он сейчас знал, как звали погибшего. И адрес его знал. И ещё точно знал, что тот мёртв – окончательно, бесповоротно. Знание это не радовало, потому как теперь его, Игоря, жизнь должна была круто измениться – что-то подсказывало ему это; рой непонятных образов и мыслей вихрем пронёсся в сознании, оглушив и ослепив парня. Впрочем, неприятные ощущения почти сразу исчезли, оставив в голове лёгкий звон, точно Игорь крепко затылком ударился.

— Я типа врач. — Из-за одного из столиков, поставив кружку на газету с чищенной рыбой, поднялся давно не стриженный здоровяк, пузатый, бородатый, в синей линялой футболке и грязных потёртых джинсах, более похожий на байкера, чем на представителя медицины. — Чего там у вас случилось?

На ходу вытирая руки о футболку, здоровяк подошёл к Игорю; остальные посетители с нескрываемым интересом наблюдали за происходящим.

— Вот, — Игорь встал, указал на соседа, — сидел, сидел, а потом пена изо рта и вообще... Упал, короче, и не дышит. — Говорить о серебряной игле Игорь не собирался — не место и не время. Нельзя было о ней здесь говорить... Почему-то он это чувствовал.

— Сейчас посмотрим, — пообещал бородач, легко приподнял тело и усадил его на стуле: голова Эрона откинулась назад, кровавые глаза незрячие уставились в брезентовый потолок. — Кранты, — без тени сомнения сказал здоровяк, мельком глянув в белое лицо и пощупав пульс на руке, — тут и реанимация не поможет. Разрыв мозгов, натурально! Инсульт называется, ежели по-умному, во как. — Здоровяк с подозрением глянул на Игоря. — Родственник твой, что ли? Или Кореш?

— Нет. — Игорь пожал плечами. — Понятия не имею, кто такой. Я всего лишь пиво хотел выпить...

— Ну тогда и не бери в голову, — настоятельно посоветовал бородач, — допивай своё пиво, если охота ещё не пропала, и дуй отсюда... Вот-вот «скорая» приедет и милиция. — Здоровяк кивнул в сторону продавщицы: та негромко говорила по сотовому телефону, с испугом поглядывая на труп. — Затаскают как свидетеля, — громко добавил врач-байкер. Сказанное им как будто послужило сигналом: народ за столиками принялся спешно допивать и дожёвывать, а после потянулся к выходу.

Трогать оставшееся на столе пиво Игорь не стал, какое там! Глянул ещё раз на покойника, сглотнул судорожно и пошёл прочь. Ноги сами понесли его в магазин, сработала заданная накануне программа, хотя и не до покупок было сейчас Игорю, ох не до покупок...

Взяв полкило варёной колбасы и буханку хлеба, Игорь пошёл домой. Хотел было вернуться кружным путём, чтобы не видеть злосчастного места, но не получилось: дорогу, ведущую в обход, как раз асфальтировали,

– видать, не успели к празднику и теперь навёрстывали. Пришлось идти мимо павильона-тента.

У павильона стояла легковая милицейская машина с выключенной мигалкой; усатый гражданский водитель, открыв дверцу, читал газету, не обращая ни на кого внимания.

В самом павильоне больше пиво не пили, там вообще никого из посетителей не было. У стойки молоденький лейтенант внимательно слушал продавщицу, которая болтала без умолку, размахивая зажатым в руке сотовиком; лейтенантик с утомлённым видом пытался всю эту болтовню зафиксировать в блокноте, но получалось у него плохо, он то и дело останавливал продавщицу, задавая ей уточняющие вопросы. Та, коротко ответив, начинала свой рассказ по новой, с самого начала. Вид у лейтенантика был горестный и измученный.

Убитого Эрона не было, увезли уже. Игорь поначалу удивился оперативности медслужбы, но тут же сообразил, что сегодня праздник. А в праздник трупам не положено валяться где попало, тем более в местах народного увеселения! В пивной то есть.

Игорь пошёл дальше, размышляя о судьбе человека, убитого у него на глазах. И о его неуместном предсмертном рукопожатии... и о своих непонятных ощущениях, и... Тут Игорь чуть не споткнулся, увидев впереди знакомого врача-здоровяка – высунувшись из-за угла ближней многоэтажки, здоровяк разглядывал павильон в театральный бинокль, что-то шепча себе в бороду. Или не шепча, а жуя резинку: борода у него ходила ходуном. Заметив Игоря, бородач поспешно сунул бинокль в карман джинсов, испуганно округлил глаза и нырнул за дом. Когда Игорь поравнялся с углом многоэтажки, то никого там не обнаружил, пустой был двор... Игорь эти места знал хорошо, рядом ведь живёт: проходной двор упирался в домишки частного сектора с узкими улочками-переулочками, где по незнанию запросто можно было заблудиться. Искать в том лабиринте подозрительного врача Игорь не собирался... Да и врача ли?

С неприятным осадком на душе Игорь вернулся домой: первым делом запер дверь на ключ, хотя раньше обходился только щеколдой, а после разгрузив кулёк, поставил на плиту чайник – пиво покупать он не стал, спасибо, напился уже... Сунув колбасу в холодильник и упрятав туда же по рассеянности хлеб, Игорь прошёл в комнату.

Квартирка у Игоря и Маши была однокомнатная и располагалась на шестом, продуваемом всеми ветрами этаже давно не отремонтированного здания – стандартная квартира-«гостинка» с малой площадью. Но Игорю она нравилась, здесь было как-то очень по-домашнему уютно: вдоль одной из стен стояла мебель, доставшаяся от покойной бабушки, – неказистая с виду, но крепкая, сделанная на совесть; на полу лежал ковёр, старый, местами вытертый, тоже от бабушки; широкую тахту возле другой стены Игорь с Машей купили первым делом, ещё до свадьбы – святое дело! – когда в квартирке было шаром покати, ни тебе мебели, ни ковра. На

стенах, где только можно, висели картины Игоря, что придавало комнате особый вид – то ли музея, то ли выставочного зала.

В углу, между балконной дверью и тахтой, стоял журнальный столик со стопкой газет и бабушкиным телефоном. Телефон не работал: подключение стоило дорого, денег вечно не хватало, и аппарат уже год безмолвствовал. Лишь иногда тихо брякал, когда столик дверью цепляли.

Игорь взял этюдник, хранившийся под столиком, и вернулся на кухню.

Пока закипал чайник, пока настаивалась крутая заварка, Игорь установил этюдник у окна, неторопливо подготовил кисти и вонючий разбавитель для красок, а сами краски выдавил из тюбиков на заботливо очищенную палитру; потом укрепил загрунтованный картон и сделал первый мазок. Писать Игорь решил без подмалёвка, чернового эскиза, – как получится, так и получится!

Собирался Игорь написать праздник с воздушными шарами, радостными детьми и разудалыми конниками... Собирался, да. Но светлое настроение было полностью испорчено недавним происшествием, и Игорь принялся рисовать без всякой задумки, как придётся. Как кисть захочет и как краски лягут.

То, что получалось на картоне, к нынешнему празднику вообще никакого отношения не имело... Чёрт-те что получалось, а не городской пейзаж! Какая-то равнина, покрытая нереально фиолетовой травой, с возвышающимися то тут, то там рыжими глыбами-валунами; у горизонта на фоне вечерней зари темнел контур обнесённого стеной высокого замка с остроконечными крышами и реющими над ними флагами. Поверх зубчатой стены огненным прочерком змеилось что-то волнистое, непонятное. То ли молния, то ли змея какая... И ещё на рисунке был идущий к тому замку седой человек в чёрной одежде. Человек был выполнен небрежно, кое-как, но висящий на боку у него меч Игорь прорисовал очень тщательно. Только непонятно – зачем?

— Бредятина, – убеждённо сказал Игорь, с интересом рассматривая эскиз, – чего это меня на эдакую тему пробило? – Он положил кисть, вытер руки тряпкой, мимоходом глянул в окно.

На улице вечерело: небо заметно потемнело, налилось густой синевой; из-за крыши дальней многоэтажки выглядывал край чёрной тучи, закрывшей солнце, – видимо, – собиралась гроза. Деревья, росшие под окнами гостинки, стояли тихие, поникшие в ожидании ливня; возле подъезда, вольготно развалившись на лавочке, сидел давешний «типа врач». Сидел, закинув ногу за ногу, и не таясь на окно кухни Игоря в театральный бинокль.

От неожиданности Игорь отпрянул от окна, и его вдруг разобрала жуткая злость, хотя ничего предосудительного бородач вроде бы не делал – ну, сидит себе человек на лавке, никого не трогает, в бинокль птичек разглядывает... Совпадение, не более! Очередное.

— Вот же скотина, – с ненавистью сказал Игорь, – чего ему от меня надо-то? Может, выйти разобраться? Морду набить, что ли... – Он

решительно направился в прихожую, к двери. И в этот момент в дверь требовательно постучали, хотя там имелся звонок.

— Кто? — раздражённо спросил Игорь, не донеся руку с ключом до замка.

— Открывайте, милиция, — грозно сказали за дверью. А может, и не грозно, а излишне громко, но дела это не меняло: Игорь щёлкнул замком и открыл дверь. И только после с тревогой подумал, что милицией назваться может кто угодно: глазка в двери не было, как-то всё руки не доходили его поставить.

На пороге действительно стоял милиционер, и даже не сержант, чего Игорь внутренне ожидал — как правило, именно у матёрых сержантищей такие громкие и неприятные голоса, их, наверное, инструктора специально дрессируют для психической атаки, — а целый полковник! Полковники милиции по пустякам в квартиры незнакомых граждан не ломаются, не по чину оно им: значит, случилось что-то серьёзное, из ряда вон выходящее.

— Разрешите? — Полковник козырнул и уставился на Игоря, явно чего-то от него ожидая. Видимо, разрешения войти.

— Пожалуйста, входите. — Несколько удивлённый визитом столь высокого чина, Игорь посторонился. Полковник ещё раз козырнул и вошёл в прихожую, откуда прямоком двинул на кухню; Игорь закрыл дверь на щеколду и последовал за неожиданным гостем.

Полковник уже сидел за столом, положив фуражку на столешницу, и с неприятно смотрел на незаконченную картину: похоже, картина ему не нравилась. Очень не нравилась!

Игорь сел за стол напротив, старательно загородив собой эскиз. Впервые, он не любил показывать кому-либо неоконченную работу, а во-вторых не глянулся ему этот милиционер, совсем не глянулся! Ощущалась в нём некая фальшь... хотя вроде бы всё было на месте: и погоны, и чистенькая, отутюженная серая форма, и новенькая кокарда на красном околыше, и золотой орёл на тупье высокой фуражки. И, как пишут в книгах, благородная седина на висках с усталым прищуром глаз тоже имелись. «Чересчур типичный полковник, — с сомнением подумал Игорь, — ему только в кино сниматься». Тут он наконец понял, что ему не понравилось в страже порядка. Вот именно — киношный! Рекламно-глянцевый полковник, словно только что сошедший с обложки специализированного милицейского журнала... хотя существуют ли те милицейские журналы, Игорь не знал. Скорее всего, существуют.

— Резин? — Полковник уставился на Игоря немигающим взглядом. — Игорь Андреевич?

— Да, это я, — не понимая, куда клонит гость, согласился Игорь.

— Я и вижу, что не Репин, — криво усмехнулся милиционер. — Вы тут паспорт обронили, в пивной... Мне поручили его вам занести. — Полковник достал из внутреннего кармана кителя тёмно-красную книжицу с золотым гербом на обложке и небрежно швырнул её на стол. — Нехорошо, молодой человек, по пивным шляться, где бомжи от пьянства мрут, нехорошо! Эдак

вы и сами, того гляди, ненароком помереть можете... Хотел я было вам заодно пару вопросиков задать, да не вижу теперь в них смысла... Знатные картиночки рисуете, Игорь Андреевич, знатные! Много чего объясняющие. – Милиционер потянулся к фуражке.

Игорь с подозрением нахмурился: слыханное ли это дело – полковник на побегушках! Утеранные документы он, видите ли, по чьему-то поручению разносит хрен его знает кому на дом... Если бы паспорт и впрямь попал в милицию, то в лучшем случае вызвали бы Игоря в районное отделение и там вернули бы ему золотогербовый, а в худшем – ещё и оштрафовали, чтоб неповадно было... Да и потерять паспорт он никак не мог, карман-то на молнии! Значит, выкрали... врач-байкер в павильоне постарался, успел. И ещё – эскиз! Картинка, которая глянцевого полковнику что-то объяснила...

Игорь напрягся в тревожном непонимании, чётко ощущая нависшую над ним опасность – неведомо какую, неведомо откуда, но реальную, сиюминутную, – и тут время замедлило свой бег: полковник медленно-медленно дотянулся до фуражки, медленно-медленно сунул под неё руку...

Игорь резко повернулся, схватил с этюдника кисть с невысохшей ещё краской и неумовимо быстрым для гостя движением нарисовал на его лбу замысловатый знак, похожий то ли на древнегерманскую руну, то ли на китайский иероглиф. Нарисовал и опешил от собственной наглости – уж чего-чего, а такого он от себя не ожидал. И понятия не имел, что именно нарисовал. И, главное, зачем.

— Хулиганите?! – гневно взревел полковник, враз позабыв о фуражке. – Нападение на стража порядка при исполнении служебных обязанностей?! – Голос милиционера становился всё ниже и ниже, переходя в рычание; два острых клыка вылезли из-под верхней губы; лицо... морда лжемилиционера покрылась крупной прозрачной чешуёй, глаза превратились в узенькие щёлки.

Нарисованная на лбу руна налилась багровым светом, бывший полковник изо всех сил пытался стереть её рукавом кителя, но тщетно – мало того что знак въелся в кожу не хуже клейма, но к тому же светился из-под чешуи, надёжно ею защищённый.

Чудище вскочило с табурета – Игорь в испуге подался назад, едва не перевернув этюдник, – и попятилось, грозя парню когтистым пальцем. А потом кинулось бегом в прихожую: раздался взрывной грохот, как будто дверь с маху высадили, потом в коридоре заорали дурным голосом, послышался удаляющийся топот... и стало тихо.

Игорь выглянул в окно: из подъезда как ошпаренный вылетел бывший милиционер и, закрывая лицо руками, помчался куда-то; форма на оборотне висела лохмотьями, расплываясь на бегу. Озадаченный бородач на лавочке нацелил бинокль на удирающего полковника – видимо, случившееся и для него тоже оказалось полной неожиданностью.

Ветвистая молния прорезала чёрное небо, грянул пушечный гром, и немедленно хлынул ливень, настолько мощный, что скрыл за собой и убегающее существо, и лавку с толстяком-наблюдателем.

— Твою мать,— изумлённо сказал Игорь, больше слов у него не было. Он обернулся, посмотрел на забытую оборотнем фуражку: милицкий головной убор на глазах стал мятой серой шляпой. А чуть погодя шляпа обмякла, осела и превратилась в грязную тряпку, засаленный шейный платок. Игорь, содрогаясь от омерзения, подцепил ветошь спичкой, чтобы выбросить рвань в мусорное ведро, и замер — под тряпкой, стеклянно поблёскивая в грозовом полумраке, лежала прозрачная желтая трубка. Та, которую Игорь когда-то принял за флейту...

Внутри трубки, свернувшись в клубочек, пряталась живая серебряная игла: достаточно было хорошенько дунуть в ту трубку, чтобы убийственный комочек полетел по назначению.

— Вот, значит, какие полковники на свете бывают, — огорчённо пробормотал Игорь, — такие, понимаешь, совсем нехорошие, мать их...— и, ни с того ни с сего захихикав, швырнул тряпку в ведро. А потом, всё ещё нервно посмеиваясь, пошёл смотреть, что случилось с дверью.

Вообще-то ежели по-житейски, то должен был сейчас Игорь биться в истерику или орать благим матом, снимая истошными воплями крутой стресс... или срочно звонить в психушку на предмет полного пансиона и длительного проживания в местах душевной скорби. Однако ничего такого делать Игорь не собирался: почему-то произошедшее его не сильно зацепило, словно с ним уже происходило нечто подобное. Когда-то.

Дверь, как он и ожидал, была выбита напрочь — выбита и выброшена аж на середину коридора. Неподальёку, прислонившись к косяку, в дверном проёме своей квартиры стоял замечательный сосед Валера, как всегда, в грязном трико, как всегда, нетрезвый, как всегда, с полным стаканом в одной руке и надкусанным пирожком в другой. Замечателен Валера был тем, что никогда не пьянел, как он сам о том говорил. Ну а то, что сосед регулярно валялся в коридоре, не добравшись до дому с дружеской попойки, не в счёт — виноваты в том были магнитные бури и злобный НЛО, повадившийся облучать Валеру усыпительными лучами. Как он сам о том говорил.

— Слышь, соседник, — Валера приложился к стакану с вином и понюхал пирожок, — чего стряслось-то? Жинка твоя сегодня уехала — я видел, как ты её провожал... Так что не хахалю ты морду бил, однозначно! Кого ж тогда дубасил так, что он, гад, по-людски дверь открыть не смог? Да ещё, кажись, то мент был... Одобряю, конечно, но жди неприятностей.— Валера с сочувствием посмотрел на Игоря.

— То не мент, то натуральный оборотень ко мне приходил.— Игорь поднял дверь, прислонил её к стене.— С клыками и когтями. Убить меня хотел, но не получилось.

— Оборотень? – оживился Валера. – Случаем, не с энэлошки, что над нашим домом по ночам кружит? Она, блин, для всех незримая, только я её могу видеть... Оттуда, да?

— Может быть, – рассеянно ответил Игорь, прикидывая, какой инструмент потребуется для ремонта. – Может, и с энэлошки, кто его знает.

— Молодец, – горячо одобрил Валера. – Мы, русские земляне, завсегда постоять за себя можем и любому инопланетному агрессору в полный рост хрюндель начистим, ежели что... Вермута хочешь? – радушно предложил он.

Со стороны Валеры это предложение было высшим актом доброй воли и человечности, но Игорь широты поступка не оценил, не до того ему было.

— Спасибо, Валерик, но мне дверь ремонтировать надо.

— Угу, – не обиделся Валера. – Тогда я пошёл. Ты, ежели чего, заходи – морду там инопланетянам набить или вина выпить... Не стесняйся! – И скрылся в квартире.

... Через час Игорь повесил дверь на место. У непрочных типовых дверей в общежитиях и «гостинках» есть одно неоспоримое достоинство: они легко и быстро ремонтируются. Хотя и не менее быстро ломаются.

Проверив, как открывается-закрывается починенная дверь, и положив инструменты на место, Игорь вернулся на кухню. Старательно не глядя на стол и лежащую на нём трубку, Игорь снял с этюдника сырой рисунок и убрал его с глаз подальше, спрятал в комнате, на шкафу – пусть там сохнет! Смотреть на фиолетовый пейзаж у Игоря настроения не было, сразу вспоминалась чешуйчатая морда, похожая на змеиную, и отвратительное ощущение незащищённости... Хорошо хоть кисть рядом оказалась! А вообще-то для таких визитёров неплохо было бы припасти меч или саблю. Или знатно наточенный топор, на худой случай. Об огнестрельном оружии Игорь тоже подумал, но что-то внутри него было против пистолетов-автоматов: шума много, а толку мало... уже пробовали.

Это непонятное знание уже начинало Игоря беспокоить – откуда оно? Откуда взялось умение растягивать секунды в моменты смертельной опасности, откуда он ведал о руне изгнания... Да-да, изгнания, теперь змей-оборотень и на сотню шагов не сможет приблизиться к дому Игоря – кстати, вот ещё одно необъяснимое предчувствие! Предчувствие-уверенность.

И вся эта свистопляска началась сразу после рукопожатия умирающего незнакомца. Хм, а не передал ли он Игорю перед смертью нечто своё, личное – некое знание и опыт, совершенно чуждые окружающей Игоря реальности? Хотя, конечно, бред полный, но, говорят, умирающие ведьмы именно так передают свой колдовской талант любому, кто им под руку подвернётся, иначе они помереть толком не смогут и будут мучиться между жизнью и смертью неведомо сколько.

Разумеется, Эрон на ведьму не походил. И на ведьмака – тоже. Игорь почувствовал необъяснимое отвращение при мысли о том, что Эрон – он же гражданин Кашин – мог быть умельцем в наведении порчи, сглаза, в

чёрном колдовстве и прочих антинародных зловерностях. Отвращение настолько сильное, что Игорю на миг стало дурно: опять же это было не его, Игоря, чувство! Да по барабану ему сдались те ведьмы-колдуны, обязательные персонажи сказочных фильмов и фэнтезийных романов. Не бывает их в жизни, не бывает! Но то, что нынче обитало в нём, говорило противоположное: бывает. И ещё как!

От всех этих мыслей у Игоря начала побаливать голова – его жизненный опыт и новые знания никак не желали состыковываться, слишком уж они были разными. Диаметрально противоположными.

Игорь подошёл к окну, на дворе была ночь; мелкий дождик сыпал из чёрного неба на чёрные деревья, в размытой моросью дали тускло светились пятна соседних многоэтажек. Игорь глянул вниз, на лавочку, но увидеть, сидит ли там байкер-следопыт или убрался восвояси, не смог. Слишком было темно. Вряд ли, конечно, сидит, по такой-то погоде... Чудной тип! Может, тоже оборотень?

— Ладно, – устало сказал Игорь, – в общем, ну вас всех на фиг, господа, хрен вас знает кто такие! Пошёл я спать, сил уже нету голову ломать, что оно да как, – и действительно пошёл.

... Разбудил Игоря телефонный звонок.

Спросонья он протянул руку, взял трубку и сказал хрипло: «Алле, слушаю», а уж после этих слов проснулся окончательно: телефон-то к линии подключён не был! Но, однако, работал.

— Слушай, Гонец, у меня есть выгодное предложение, – просипела трубка простуженным голосом. – Значит, так: я грузу тебя жучиным хабаром, просто смешную цену предлагают, а ты дуешь в кошачий уезд и сдаёшь его кошкоголовым за двойной против обычного номинал – у них сейчас пропало всё, огневухи постарались. Можешь ещё накинуть, по обстановке, лишнее себе возьмишь, а с выручки, как положено, десять процентов твои. Как, берёшься?

— Кто это? – прокашлявшись, спросил Игорь.

— Да Мозель это, Мозель, – раздражённо сказали в трубке, – своих не узнаёшь?

— Не знаю такого. – Игорь сел, опустив ноги на холодный пол. – Какой, к чёрту, гонец? Какой хабар, какие огневухи? Вы о чём, уважаемый?

— Дык, знамо дело, жучиный хабар, – растерялись на другом конце провода. – Из майских жуков по весне сок гнали... фениксы у кошкоголовых всех жуков пожрали, кошкам теперь балдеть не с чего... Эй! А ты кто такой? – с нарастающим подозрением спросили в трубке. – Эрон, это не ты, что ли?

— Нет, не он, – отрезал Игорь.

— А где же Эрон? – В трубке тяжело задышали. – Я ж на Гонца выходил, вот вышел...

— Убили Эрона. – Игорь зевнул. – Вчера и убили.

— Вон оно что-о, – с сожалением протянул сиплый голос. – А ты, значит, теперь за него... Новенький, да? Понятно, понятно. Ладно, я тебе в

другой раз позвоню, когда вспомнишь и работать начнёшь. Жаль, такая сделка пропадает... — В трубке стало тихо, ни гудков, ни шороха.

Игорь положил трубку на место, встал и проверил телефонный шнур. Шнур конечно же никуда воткнут не был, по-прежнему висел за столиком свёрнутый в жгут. Игорь, позёвывая, сходил в туалет, вернулся, лёг. Но спать не хотелось, перебили сон напрочь; Игорь, чертыхаясь, опять встал, включил свет и посмотрел на будильник: было три ночи.

— Совсем озверели,— пожаловался Игорь невесте кому,— звонить в такую пору... — и только сейчас понял, что ни странный звонок, ни отключённый телефон его не удивили. Как будто так и надо было, как будто всё происходило естественно, как и должно. И голова больше не болела.

— Чума на ваш хабар и фениксов с жуками,— без особой злости ругнулся Игорь.— Чего мне теперь делать, а? — Он подумал, накинул куртку и вышел на балкон подышать свежим воздухом, решив заодно глянуть, как оно там, не бродят ли внизу щитомордые оборотни, голодные вампиры да ведьмы-колдуны с ночными горшками, полными свежего приворотного зелья.

Ни ведьм, ни оборотней-вампиров внизу не было: лишь тихо шелестели под ночным ветерком мокрые деревья да пара котов на сырой лавочке дружелюбно обнюхивала друг дружку, совсем не собираясь драться — либо это были неправильные коты, либо один из них был кошкой. Дождь закончился, небо очистилось от туч, Игорь поднял голову — полная луна освещала двор не хуже галогенного дорожного фонаря; мелкие осенние звёзды в лунном сиянии выглядели больными и рахитичными.

Над крышей «гостинки» висела серебристая летающая тарелка, неподвижная, загадочная; висела, вразной помаргивая красными и синими огоньками на днище.

— Привет от Валерика! — Игорь помахал тарелке рукой, та в ответ моргнула всеми огоньками сразу и нехотя стронулась с места, уплывая в мелкозвёздную высь.— «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»,— пробормотал Игорь, зябко передёрнул плечами и пошёл в ванную, чистить зубы и бриться.

Выпив горячего чаю, съев пару бутербродов с колбасой, Игорь решил прогуляться. Действительно, не сидеть же сиднем дома, когда спать не хочется, а погода замечательная... хотя раньше подобных желаний у него никогда не возникало! Но то ведь было раньше... Одевшись потеплее, Игорь вышел из квартиры, запер дверь и направился к лестнице — лифт давным-давно не работал, сожгли лифт пироманы, а новый ставить никто не собирался, денег у лифторемонтников на это не было. Хотя плату за лифт вносили регулярно.

На первом этаже, привалившись спиной к облепленной стене и далеко вытянув ноги, сидел на перевёрнутом ведре бородатый соглядатай, сидел и спал, негромко похрапывая во сне. Новоявленный шпион ухитрился где-

то раздобыть драный ватник и облезлую кроличью шапку (по помойкам искал, не иначе), отчего сомлел в тепле и от своих обязанностей временно отошёл.

— Не всех дураков на войне убило,— философски заметил Игорь, выходя на улицу.

Был тот ранний час, когда на улицах практически никого не встретишь: ещё не закончилась ночная смена у трудового народа, а утренняя пока что не началась; ещё спят в своих тёплых постелях служащие-бюрократы и радуются счастливым снам о прибавке жалованья; ещё оттягиваются в казино и саунах крутые прожигатели жизни, проматывая незадекларированные доходы; с чистой совестью почивают разбойники и воры, уже взявшие свой ночной оброк с припозднившихся прохожих и с неосмотрительно оставленных хозяевами квартир. Милицейские патрули тоже пёхом не ходят, не дураки они по ночам ноги бить: катаются в дежурных машинах и ждут, когда по радиации чего преступное сообщат... Лишь недрёманные алкоголики да пугливые кошки скользнут порой в тени домов, спеша по своим тайным делам... Спит город! И никому нет дела до одинокого художника, бесцельно бредущего по ночным улицам. Бесцельно ли?

Изядно прошагав замысловатым маршрутом — с одной улицы на другую, затем через проходные дворы, снова по улице, снова через дворы,— Игорь с изумлением понял, что не гуляет, как собирался, а идёт целенаправленно, придерживаясь определённого маршрута. И не просто идёт, а петляет, отсекая неведомых преследователей, ежели таковые имеются. Поняв это, он рассмеялся — ну какие, блин, преследователи в пять утра! Разве что неугомонный бородач-сыщик с театральным биноклем, так и тот дрыхнет в подъезде... Посмеявшись над собой, Игорь тем не менее продолжил свой запутанный кружной путь, пошёл, как ноги вели.

...Дом, к которому он пришёл, ничем особо не выделялся среди подобных ему: безвкусная трёхэтажная постройка в новорусском денежном стиле, псевдозамок из красного кирпича с башенками, увенчанными жестяными колпаками,— такие дома как грибы начали расти где попало лет семь-восемь тому назад. Здесь же, на незнакомой Игорю улице, каждый второй дом был с башенками и колпаками — дурной пример, как известно, заразителен не хуже гриппа.

Игорь прошёл вдоль чугунной ограды, толкнул чугунную же калитку, та беззвучно отворилась. Постояв немного в ожидании — не выскочат ли откуда-нибудь сторожевые псы? — он вошёл во двор.

Выложенный плиткой двор был пуст, ровен и гладок; ни гаража, ни хозяйственной пристройки, ни скамейки у крыльца, ни лампочки над тем крыльцом... Совсем не обустроенный двор, словно не жил здесь никто. Игорь поднялся по мраморным ступенькам и нажал на дверную ручку. Кованная, в виде изящного дракона, ручка сначала не поддавалась, застряла на месте, но тут в двери тихонько щёлкнуло, и ручка легко ушла вниз —

Игорь вошёл в дом; дверь сама закрылась за ним, но Игорь на это внимания не обратил, не до того было.

Никакой прихожей в доме не оказалось, сразу за дверью начинался зал, чрезвычайно просторный и высокий; зал, который далеко выступал за пределы дома и был архитектурно невозможен: подобный объём более соответствовал настоящему замку, а не декоративному новострою, пусть и сделанному с размахом.

Потолок и стены тонули во мраке, но Игорь различал — нет, помнил! — что в потолке есть множество утопленных ламп, и не все из них работали по своему прямому назначению... (Он сам видел, как действует смерть-луч: мгновенная вспышка, вонь горелого мяса и облачко пепла — всё, что осталось от... не важно, не важно!) Стены, если их не успели переоформить, должны были быть увешаны холодным оружием современного изготовления: мечами, саблями, алебардами и прочим железным хламом, красивым, дорогим, но в бою неудобным и порой даже опасным для владельца. Потому-то и висели железяки на стенах, создавая необходимый антураж — действительно хорошее оружие хранилось не здесь. Но где, Игорь не помнил. Пока что не помнил.

В глубине зала уютно светился живым пламенем камин, освещая центральную часть зала. На фоне оранжевых всполохов чернел силуэт кресла с высокой спинкой: в кресле кто-то сидел, поверх спинки была видна голова с маленькой круглой шапочкой. Игорь, нарочито громко кашлянув, уверенно зашагал к камину по натёртому паркетному полу.

— Гонец? — не оборачиваясь спросил человек в кресле. — Это ты?

— Я, — ответил Игорь. — Наверное.

Возле камина нашлась резная скамеечка, Игорь пододвинул её ближе к огню: промёрз на улице, не лето как-никак — сел к камину спиной и лишь затем посмотрел на собеседника в кресле.

Собеседник был в возрасте, но не стар: густые тёмные волосы без единой седой пряди, гладко выбритое лицо с острым подбородком; ясный взгляд, крючковатый орлиный нос, тонкие губы. Чёрная мантия, в которую кутался собеседник, напоминала судейскую, но отличалась от неё материалом — при малейшем движении ткань переливалась отблесками каминного пламени, словно была сделана из тонированного стекла; шапочка-таблетка тоже поблёскивала отражёнными костровыми всполохами. На коленях у человека лежал длинный свёрток, обмотанный грубой бечёвкой.

— Ты до сих пор сомневаешься? — усмехнулся человек в мантии. — Зря. Дверь не открылась бы, не будь ты Гонцом... или кем-нибудь из нашего Содружества. — Собеседник многозначительно улыбнулся. — Кстати, покажи-ка мне левую руку, всю. — Игорь, недоумевая, снял куртку и высоко закатал рукав тёплой рубашки.

— Ну вот, — сказал человек, — никаких сомнений.

Игорь, повернувшись к огню и неудобно вывернув шею, осмотрел руку. Выше локтя, почти у самого плеча, обнаружилась цветная картинка:

скачущий белый кентавр в зелёном лавровом венке; задрал голову, кентавр трубил в витой серебряный рожок.

— Раньше у меня такого не было,— задумчиво сказал Игорь, опуская рукав и надевая куртку.— Занятная татуировка.

— Раньше ты не был Гонцом,— негромко ответил человек в кресле.— И это не татуировка. Впрочем, не будем о знаках профессии, сейчас это не столь важно... Ты ведь специально шёл сюда, чтобы узнать, кто ты отныне?

— Наверное, да,— подумав, согласился Игорь.— Я ещё толком не разобрался... как-то странно оно всё получается. Слишком много всего со мной приключилось! Вчера, когда убили Эрона...

— Я знаю,— кивнул собеседник.— Можешь не продолжать, Гонец, такие новости мне сообщают в первую очередь. Что ж, попытаюсь тебе помочь вспомнить нужное, для того и ждал тебя... Хотя со временем ты и сам во всём разберёшься, когда произойдёт окончательное слияние.

— Слияние чего? — насторожился Игорь.

— Памяти, твоей и всех бывших Гонцов.— Человек в мантии отвлёкся, протянул руку за подлокотник, отчего по его одежде заметались оранжевые блики, выкатил из-за кресла антикварный двухъярусный столик с набором фарфоровых чашек на столешнице и объёмистым термосом на нижней полке.— Кофе будешь? Горячий, с сахаром.

— Не откажусь.— Игорь смотрел, как Наместник, положив свёрток на край столешницы, аккуратно наливает из термоса кофе в чашки... Да, это был Наместник, Игорь уже вспомнил, а имени у него не было... Вернее, было, конечно, паспортное имя-фамилия-отчество, как же без них... но какие, Игорь не знал. Да и не нужно оно ему было, потому что Наместник в городе один... В каждом крупном городе есть свой Наместник. Но не в каждом — свой Гонец.

Игорь взял свою чашку с кофе, сказал:

— Спасибо, Наместник! — и сделал глоток. Кофе был крепкий, с незнакомыми Игорю специями, ароматный, в меру сладкий.

— Ты вспомнил меня,— утвердительно сказал Наместник, ставя на место термос.— Очень хорошо! Надеюсь, твоя память скоро окончательно проснётся. Я ей в этом помогу.

— Давайте,— кивнул Игорь,— помогайте. Я не против.

— Для начала определимся с твоим именем.— Наместник тоже взял чашку, побаюкал её в ладонях, грея руки.— Ты должен выбрать себе новое, которым и будешь представляться... э-э... адресатам.

— Мне и моё нравится,— пожал плечами Игорь.— Какая разница?

— Есть разница,— твёрдо сказал Наместник.— Там, куда ты будешь ходить, произносить истинное имя смертельно опасно. Потому что оно неразделимо с тобой, потому что через него можно узнать о тебе слишком многое, есть такие приёмы... Или можно навести на тебя необратимую порчу. Или подчинить тебя при помощи магии, хотя это и сложно. Сложно, но возможно.

— М-да, задачка.— Игорь допил кофе, поставил чашку на стол.— Ну, Гор, например, подойдёт? Сокращённое от моего имени. Чтобы привыкнуть поскорее.

— Вполне,— разрешил Наместник.— Истинного твоего имени не спрашиваю, хотя и догадываюсь, какое оно. Итак, Гор, какие у тебя будут ко мне вопросы?

— Много их, вопросов-то,— вздохнул Игорь.— Что за Содружество, кто такой Гонец и куда мне придётся ходить? Почему убили Эрона, кто был тот щитомордый змей-оборотень, что вчера ко мне наведалься?..

— Уже? — удивлённо поднял брови Наместник.— Уже наведалься? И ты до сих пор живой?

— Да я ему на лбу знак какой-то нарисовал,— с досадой ответил Игорь,— сам не знаю, что на меня нашло... Глупо, конечно, но подействовало: сразу показал свою настоящую морду и умчался, словно наскипидаренный, даже янтарную трубку с серебряным глистом у меня на столе забыл.

— С глистом, говоришь? — Наместник, о чём-то задумавшись, едва не поставил чашку с недопитым кофе мимо столика, рассеянно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.— Забыл? Невероятно... Видимо, Гор, ты серпенса врасплох застал, не ожидал он, что память Гонца у тебя настолько быстро проявляться начнёт, вот и допустил промашку. Хотя на серпенсов это не похоже, своё дело они знают туго! И не глист то, а личинка бабочки-аспида... Им, личинкам, для полноценного развития обязательно чей-нибудь мозг нужен. Причём живой.

— Неужто они человеку в голову влезают и начинают оттуда им управлять? — брезгливо поморщился Игорь, невольно вспомнив соответствующие фильмы ужасов.— Кукловоды, да?

— Нет, они попросту жрут мозг,— сухо ответил Наместник.— Не обязательно человеческий, любой сгодится, хоть крысиный... Сразу же и начинают, как только до него доберутся, а когда нажрут, то выползают из трупа, прячутся в тихом месте, окукливаются и... Какой знак ты серпенсу на лоб поставил? — резко сменил тему разговора Наместник.

Игорь, припоминая, нарисовал пальцем в воздухе. Наместник расхохотался — громко, до слёз.

— Смело и крайне неожиданно,— сказал Наместник, утирая глаза ладонью.— Уж не знаю, вlepил бы ты тот символ, если бы знал его смысл и действие... Впрочем, главное, что знак сработал!

— Не понимаю,— нахмурился Игорь.— Это же руна изгнания, как я думаю... как мне кажется.

— Правильно, изгнания.— Наместник подмигнул Игорю.— Но — изгнания женой мужа за половое бессилие, мощнейший наказательный знак супружеского отторжения из семейной магии самок-серпенсов! Он теперь на пушечный выстрел подойти к тебе не сможет.— Наместник, не удержавшись, захихикал.— И ни одна самка его к себе больше не подпустит с эдаким-то позорным клеймом! А без регулярного спаривания

взрослый самец-серпенс обречён на мучительную гибель... Ох и удружил ты оборотню, ох и отомстил ему за Эрона! Молодец! — Наместник внезапно стал серьёзным.— Или, скорее всего, эту месть придумал не ты, а...

— Эрон,— мрачно сказал Игорь.— Перед смертью придумал, я только что вспомнил.

Действительно, множество воспоминаний — не Игоря, нет — вдруг разом открылись ему, стали личными! Игорь не знал, что послужило толчком: возможно, слова Наместника о придуманной Эроном мести; возможно, пришёл срок и чужая память слилась с памятью Игоря — не столь важно! Главное, что это произошло.

...Содружество возникло давно. Много сотен лет тому назад некие военные колдуны-экспериментаторы, разрабатывая новые виды чар для наступательной магии, случайно изготовили удивительно несложное заклинание, позволяющее проникать в ближайший параллельный мир. В мир, о котором никто до этого даже не подозревал! Как таковой боевой ценности заклинание не имело, поэтому военное руководство по своей недальновидности его рассекретило, а когда спохватилось, было уже поздно: заклинание стало общедоступным. Первыми завоёвывать тот неведомый мир кинулись всяческие маги-авантюристы, следом — беглые волхвы-каторжники; за каторжниками поспешили едва изучившие основы магии разные прохиндеи всех мастей. Разумеется, не оставили без внимания параллельный мир и осторожные купцы-торговцы, но те действовали осмотрительно, не торопясь, с оглядкой на возможные последствия. Скрытно действовали, не привлекая к себе внимания: сначала требовалось изучить особенности нового рынка, а уж после...

Как торговцы и предполагали, параллельный мир встретил буйных пришельцев сурово: наглых колдунов-авантюристов отлавливали и сжигали на кострах, волхвов-душегубцев топили в прорубях и выгребных ямах, вороватых чародеев протыкали осиновыми кольями... Принятые жителями меры по защите от незваных гостей оказались весьма действенными — волна нахальных иммигрантов стала понемногу спадать. Чему, между прочим, здорово посодействовали и сами купцы: они втихую «сдавали» пришлых магов местным антиколдовским службам, в первую очередь инквизиции; также купцы не брезговали и платной помощью наёмных убийц, оборотней-серпенсов, обитавших в подземных лабиринтах мира колдунов,— торговля с параллельным миром обещала быть настолько выгодной, что гопники-конкуренты убирались безжалостно и повсеместно.

Со временем торговые отношения между двумя мирами стали постоянными и взаимовыгодными; о существующем положении дел никто из обычных жителей параллельного мира не знал — ни в России, ни в Америке, ни в Японии, ни где бы то ни было ещё. В курсе были лишь главы правительств, да и то далеко не все, только члены Содружества, которых Содружество и сделало главами правительств... Хотя во многих странах,

не ведая того, пользовались купленными в колдовском мире производственными технологиями и лекарственными препаратами. Например, телевидение выросло из устаревшей и снятой с производства модели военного дальновидения типа «яблочко-тарелочка», а пресловутая операционная система Windows была ничем иным, как частным случаем оцифрованного заклинания по одушевлению самолепных големов, ненадёжного и капризного. Что уж говорить о пенициллине, виагре и аспирине...

Всеми делами здесь ведало Содружество, сообщество настолько иерархическое и закрытое, что по сравнению с ним самая законспирированная мафия выглядела оплотом демократии и гласности.

Единственным неудобством в торговле было то, что канал между мирами действовал не часто, во многом зависел от фаз Луны и активности Солнца, да и от времени года тоже зависел. Маги колдовского мира давно бились над этой задачей, но у них пока что ничего не получалось — модификации путеводное заклинание не поддавалось. Какое есть, такое и есть.

Откуда взялись Гонцы, никто не знал. Возможно, они были всегда, ведь недаром существует множество легенд о людях, побывавших в опасной стране фей (как по малограмотности называли всех жителей колдовского мира те путешественники) и вернувшихся оттуда; опять же, древние сказки о драконах, фениксах и оборотнях, о песиголовцах и кошколюдях, о том, чего в параллельном мире никогда не водилось.

Главным было то, что Гонцы умели, невзирая на Лунные фазы и времена года, запросто переходить из мира в мир. Причём безо всяких каналов, чем и пользовалось содружество, взяв Гонцов под свою опеку: срочные и секретные послания или особо ценный груз доверялся только им. Гонцы могли доставлять из мира в мир немного, сколько можно было унести на себе, но порой и этого было достаточно; Содружество не скупилось на оплату гонцам — срочность важнее денег — и закрывало глаза на мелкую контрабанду, проносимую Гонцами, — такие пустяки Содружество не волновали.

А ещё Гонцы были бессмертными. Не в физическом — в ментальном понимании: умирая, Гонец передавал свой жизненный опыт преемнику, и тот наследовал знания всей линии предыдущих Гонцов. Но передавать тот опыт можно было только мужчинам, женщины для этого не годились. Как, впрочем, и маленькие дети тоже.

Гонцов было мало, очень мало: убивать их категорически запрещалось в обоих мирах... Ну а если Гонца всё же убивали — мало ли что он натворил, тоже ведь человек со своими страстями и пороками! — то обязательно в людном месте, чтобы Гонец успел отдать свой дар другому человеку. Убийство Гонца без возможности передачи умения каралось беспощадно: за убийцей (и теми, кто стоял за ним) начиналась охота в обоих мирах, спрятаться от которой было невозможно.

Видимо, произошло нечто из ряда вон выходящее, если серпенс-наёмник решил уничтожить всю линию Гонца Эрона вместе с его случайным преемником — и созрело это решение у серпенса внезапно, скорее всего когда он увидел эскиз Игоря... Похоже, за убийцей-оборотнем стоял кто-то, ничуть не боявшийся той охоты...

— Да.— Игорь тряхнул головой, с силой потёр лоб, останавливая поток чужих воспоминаний.— Теперь мне всё ясно.

— А почему убили Эрона? — с живым интересом подался вперёд Наместник.— Это ты знаешь?

— Н-нет,— неуверенно ответил Игорь,— пока не знаю. Оно всё как-то кусками вспоминается, непоследовательно. То одно, то другое...

— Всеу свое время,— огорчённо вздохнул Наместник.— Но главное ты понял. Что ж, Гонец Гор, ты принят на службу, вот твой меч.— Наместник взял со стола холщовый свёрток и торжественно протянул его Игорю.— Эрон оставил на хранение. Ходить с мечом на поясе у нас не положено, но в ином мире без оружия никак нельзя.

Игорь взял свёрток, ощутил привычную тяжесть: он уже знал, какой меч находится внутри. Знал его досконально — каждую царапину на потёртых ножнах, каждый виток шнурка, обвивающего рукоятку; помнил шероховатость кожи ската под шнуровкой и блеск отточенной стали клинка в солнечном луче. Катана — оружие самураев эпохи Синсинто, боевое и неоднократно проверенное в деле... проверенное не Игорем, но он той проверке доверял полностью.

— Думаю, на сегодня достаточно.— Наместник повёл рукой в сторону выхода.— Вспоминай, Гор! Когда будешь готов к работе, приходи.

Поняв, что аудиенция закончена, Игорь встал, коротко поклонился Наместнику и, взяв свёрток под мышку, пошёл к двери. Но на полпути остановился, обернулся и спросил в недоумении:

— А... э-э... а как я попаду в тот колдовской мир? Я же понятия не имею, как оно делается!

Наместник усмехнулся, махнул рукой:

— Сам разберёшься,— и отвернулся к камину.

На улице всё ещё было темно, хотя чувствовалось приближение утра: луна ушла за новорусские замки, спряталась где-то за непрочными жестяными колпаками и светила оттуда, расчерчивая улицу косыми тенями; звёзды на небе, и без того еле видимые, затянуло лёгкой серой дымкой. Игорь вышел за чугунную калитку, закрыл её и пошёл домой, погружённый в мысли — очень много чего нового он узнал за последний час, это надо было непременно обмозговать...

Игорь шёл задумавшись, не глядя по сторонам. И потому нападение оказалось для него совершенно неожиданным, хотя нападавший и не скрывался, не прятался в тени: ждал, стоя посреди улицы, с агрессивно включенной бородой, выпирающим из расстёгнутого ватника животом и с лихо заломленной на затылок кроличьей шапкой.

— Попался, вражина! — радостно воскликнул здоровяк, цапая Игоря за грудки и притягивая к себе.— Влип, шпиён американческий! Всё, узнал я, где ваше шпиёнское логово окопалось, уже ФСБ вам перцу задаст, буржуи проклятые! — Поворачивая туда-сюда голову, отчего борода метлой елозила по лицу Игоря, следопыт-шпионоборец завопил на всю улицу: — Граждане добрые! Я шпиёна арестовал! Граждане, выходите, свидетелями будете! Граждане...

Где-то наверху хлопнуло окно, вслед зачем на шапку бородача грохнулась початая алюминиевая банка пива.

— Гражданин, ты не прав! — гневно крикнул в сторону закрывавшегося окна бородач.— Ты не патриот, гражданин! Террорист ты после этого, а не патриот!

— Слушай, отстань.— Игорь начал злиться.— По-хорошему прошу — отпусти. Не то...

Здоровяк, не слушая Игоря, облапил его, как медведь улей.

— Прав, прав был полковник,— хлопотливо забормотал шпионоборец, норовя дать Игорю подножку,— здесь не только шпиёнство в крупной форме, здесь вообще антинародная коалиция проживает... Ужо мы вам!

Игорю эта возня надоела. Выскользнуть из неуклюжих объятий ничего не стоило, но мешал меч под мышкой, а бросать оружие Игорь не хотел. Он схватил бородача одной рукой, слегка приподнял — и откуда силы-то взялись! — чтобы правильно уронить его, одновременно вынырнув из захвата, и... И тут, то ли от напряжения, то ли от злости, он вспомнил, как проходить из своего мира в мир колдовской: не через особую дверь, не через зеркало или отражение в воде, а через ощущение, особое, необъяснимое... которое тут же возникло, полыхнув моментом истины, и пропало.

Право же, не вовремя вспомнилось оно Игорю, ох и не вовремя! Потому как в тот же миг перенёсся Гонец по имени Гор в мир фей, колдунов и оборотней с патриотом-следопытом в обнимку. Впрочем, о том, что они перенеслись, Игорь понял не сразу, никакими спецэффектами перенос не сопровождался: не раскололось от молнии небо, не загрохотал гром, не за клубился вонючий серный дым... Хотя нет, кой-какой запах всё же появился — резкий запах свежего навоза. И ещё стало гораздо светлее: в колдовском мире наступало утро.

— Ёксель-моксель! — ахнул бородач, уставившись остекленелым взглядом куда-то вдаль, над головой арестованного им шпиона. Игорь воспользовался моментом и уронил-таки доморощенного следопыта в удачно оказавшуюся рядом навозную кучу, заодно выскользнув из захвата. А уж потом и сам огляделся.

Колдовской мир назывался Квоар, вспомнил Игорь, а город — Великий Ростон, хотя ничего особо великого в нём не было, город как город, не слишком маленький, но и не слишком большой. Во всяком случае, до столичных масштабов он никак не дотягивал. Географически находился Ростон аккурат на том же месте, что и город, откуда только что прибыла

сцепившаяся парочка, и во многом походил на своего двойника, даже расположение некоторых улиц совпадало, один к одному.

Улочка, на которой оказались Игорь и гражданин патриот, была не из центральных, тихая и узкая, мощёная тёсаным булыжником; по обеим её сторонам тянулись чугунные решётки из часто поставленных копий с нацеленными в небо чёрными наконечниками. За решётками непролазной чащей рос кустарник и зеленели деревья — вдали, над верхушками деревьев, виднелись остроконечные колпаки крыш, но не жестяных, а черепичных. Правда, флагов над ними не было, не дозволены вымпелы на шпилях типовых малых замков. Из тех, что для среднего класса.

То, что удивило бородача, уже улетело куда как далеко — большая стая мигрирующих фениксов, огненных птиц, из-за них между защитниками природы и городскими пожарными до сих пор шло разбирательство, на котором было сломано немало копий — как в прямом, так и в переносном смысле.

— Вот ты какая, Америка буржуйская,— уныло пробурчал здоровяк, поднимаясь с навозной кучи и меланхолично счищая с себя ошмётки пальцем,— знал я, что всё тут не по-людски, но чтобы настолько! У нас-то коровы на улицах не гадят, нет! Сволочь ты, шпиён, и всё тут... Нет чтобы сдаться и честно сесть в тюрьму навсегда, взял и окайнным способом меня в свою Америку уволок! Зачем ты это сделал, зачем? Охо-хо, какой я ужасно несчастный...

Тем временем Игорь, посмеиваясь, сорвал бечёвку со свёртка и вынул из него меч, ножны которого были обмотаны узорчатым поясом. Игорь подпоясался и, уперев руки в бока, снисходительно посмотрел на здоровяка.

— Тебя как, несчастный, зовут-то? — Игорь отшвырнул ногой упаковку от меча к ближайшей решётке.— И учти, мы вовсе не в Америке. И, между прочим, не в нашем мире... Так что давай без вранья, начистоту, не то брошу тебя здесь и останешься ты навеки... хм-хм... ужасно несчастным.

— Агапий я,— угрюмо ответил бородач, вытирая палец о ватник.— Можешь называть просто Агапом, я не против.— И тут же уверенно добавил: — Бреешь ты всё, американ пакостный! Что я, вашу американскую страну не знаю, э? Вон крылатые ракеты куда-то полетели, аж пламя на пол неба! Опять, значит, захватнические инстинкты мускулами играют... — Агап снял с головы шапку и утёр ею потное лицо.— Жарко у вас,— пожаловался он американцу с мечом,— совсем природу сгубили! Парковый эффект поразвили, понимаешь, с озонутыми дырками до кучи. Тьфу, буржуйская держава! И всё тут.

— Парниковый,— механически поправил Агапа Игорь.— Впрочем, ты прав, жарковато.— Игорь расстегнул куртку.— Наверное, здесь лето... Июль, скорее всего. Ладно, Агап, чего стоять-то, пошли.

— В российское посольство, да? — обрадовался бородач.— Сдаваться будешь? Эт правильно, это я одобряю. И про меня, про меня-то сказать не забудь! Как я тебя изобличил, во.

— Да ну тебя,— махнул рукой Игорь и направился по улице в ту сторону, куда улетели фениксы, они же американские крылатые ракеты. Потому как идти было всё равно куда — этот район города Игорь не помнил.

Агап тащился позади, побряхывая и вздыхая, как дряхлый бабуин над гнилым бананом, одновременно бормоча себе под нос что-то о зловредности лиц буржуйской национальности; Игорь скоро привык к непрерывному бубнению за спиной, как привыкают к гудению старого холодильника на кухне, и не обращал на него внимания. Идти и смотреть по сторонам было необычайно интересно: воспоминания воспоминаниями, но личные впечатления куда как лучше! Хотя пока что впечатлений было маловато.

Мощёная улица вскоре закончилась, уткнувшись в бетонированный проспект, за которым поднималась высокая кирпичная стена с частыми сторожевыми башенками наверху: стена тянулась вдоль всей улицы, из башенок то и дело выглядывали скучающие стражники. Как назывался тот проспект и что было за стеной, Игорь определить не смог, слишком безлико — в городе хватало и проспектов, и стен, и стражников. Пока что он стоял и попросту смотрел по сторонам, пытаясь сообразить, в какую сторону идти. Хотя, если гуляешь по незнакомым местам с ознакомительной целью, то в общем-то какая разница куда...

На проспекте было оживлённо: по широченной проезжей части, разделённой вдоль низким каменным бортиком, ездили кареты с золотыми и серебряными гербами на дверцах, разные кареты — чёрные и белые, красные и зелёные, всякие. Были среди них и дорогие, лаково блестящие, фасонистые, и простые — старые, обшарпанные. В некоторые из карет были запряжены обычные лошади, в некоторые — звери пострашнее: то рогатые кошки-переростки, то седые белки ростом с коня, то вообще невесть что о восьми ногах и без головы. Но с круглой зубастой пастью спереди и длинным голым хвостом позади.

Игорь, сунув руки в карманы куртки, с любопытством смотрел на зверей: как они зовутся и где водятся, он не знал, наверное, не самое ценное воспоминание было, затерялось где-то среди других, более важных... Единственное, что пришло на ум, это то, что ездовые звери в городе специально зачарованы и потому спокойно воспринимают друг дружку. Иначе бы здесь такая грызня и свалка началась, что ой-ой...

Пешеходов на узеньком тротуаре было мало,— видимо, проспект служил транспортной магистралью и для пеших прогулок не предназначался; те несколько человек, что прошли мимо Игоря, были одеты довольно странно, если не сказать нелепо. Впрочем, нелепо лишь на взгляд Игоря, но не Гонца: костюмы походили на те, что Игорь неоднократно видел в исторических фильмах. Прохожие кидали в сторону парня любопытствующие взгляды и, чему-то ехидно улыбаясь, шли дальше. Поначалу Игорь не понял, в чём дело, но загадка быстро разрешилась сама собой.

— Ужыс,— замогильным голосом сказали рядом,— вот до чего ваши мутанческие эксперименты живность довели-то.— Сложив руки на пузе и скорбно глядя на кареты, возле Игоря стоял и пах навозом Агап.— Ан говорил же вам трудовой народ: не клонируйте зверят, гадость получится! Вот, доклонировались, эхма...

— Ты бы хоть ватник снял,— посоветовал Игорь.— Выглядишь как бомж. И навоз, знаешь ли...

— А я и есть бомж,— невозмутимо ответил Агап, доставая из кармана ватника бинокль и нацеливая его на миловидную даму по другую сторону улицы.— И ничего в том зазорного не вижу. Вольный человек я! Э, какая цыца...

Словно почувствовав назойливый взгляд вольного бомжа, дама глянула в его сторону и легонько махнула рукой. Агап дёрнул головой, чуть не уронив бинокль, взвыл и схватился за щёку.

— Что, оса ужалила? — участливо поинтересовался Игорь.

— Не,— ошарашено ответил бородач.— Тётка мне типа пощёчину влепила... Аж полморды онемело!

— А ты не подглядывай, дружок,— назидательно сказал Игорь.— Мы ж нынче в мире колдунов, будешь наглеть — не заметишь, как в козлёночка превратишься. Вернее, в козла с рогами.

— Враки,— отрезал Агап.— Колдуны не в Америке живут, они в Зимбабвах в тумтумы стучат.— Но бинокль тут же спрятал, на всякий случай.— Есть хочу,— потирая щеку, озабоченно сообщил Агап.— Ты меня сюда приволок, ты за меня и отвечаешь. Пока я тебя в ФСБ не сдам...

— Слушай, надоел ты мне со своими стукаческими замашками,— возмутился Игорь.— Запомни: здесь нет ни ФСБ, ни ФБР, ни Массادا, ничего нету! — И с сожалением понял, что Агап прав в одном: действительно, приволок его сюда Игорь, значит, он и впрямь за него в ответе. Хочет того Игорь или нет.

— Так не бывает,— уверенно помотал головой опытный бомж,— ежели большой город, то какая-нибудь служба безопасности в нём однозначно есть! Только прячется где-нибудь... Ну уж полиция-то наверняка имеется.

Полиция действительно имелась, в чём Игорь и Агап убедились немедленно: пока они толковали, к ним тихонько подъехала жёлтая карета без герба, запряжённая страхолюдным безголовым существом; на крыше кареты, тараща глаза, сидела громадная синяя жаба. Из кареты, одновременно хлопнув дверцами, вышли двое в чёрной форме, в чёрных же беретах, в сапогах, с длинными кинжалами на поясах и с дубинками в руках.

— Нарушаем? — Утвердительно спросил один из них, ростом повыше и, в отличие от напарника, с серебряным черепом на берете: видимо, старший.— Оскорбляем граждан внешним видом, взглядом и действием? Так, да? — Полицейский смотрел только на Агапа, Игорь его не интересовал.— Ты чых будешь, смерд безоружный?

— Я? — Агап понурился, даже ростом стал как-то ниже.— Я ничьих, я сам по себе... Гуляю я, вот.

— Он со мной,— надменно сказал Игорь, положив руку на рукоять меча.— Какие-то проблемы, уважаемый? — Он подивился собственному поведению, но чувствовал, что говорить надо именно так. Надменно и вежливо.

— А вы, вольный, кто будете? — глянув сначала на меч, с подозрением смерил Игоря взглядом полицейский.

— Я — гонец,— коротко ответил Игорь.

— Го-о-онец? — Вростяжку переспросил старший. Полицейские с ухмылкой переглянулись.— Много вас таких, гонцов-то. Как без документов и денег, так сразу: «Я — Гонец! У меня неприкосновенность!» Вот что, господин... э-э... Гонец, полезайте-ка в карету, в участке с вами разбираться будем. И холопа своего не забудьте! Быстро, быстро.— Старший многозначительно похлопал себя по ладони дубинкой.

— Это произвол,— пискнул Агап.— Я буду жаловаться в ООН! — И трусцой побежал к карете, где младший полицейский уже открыл заднюю дверцу. Игорь, вздёрнув подбородок, с каменным выражением лица последовал за правдорборцем.

— Да хоть самому королю жалуйся, равнодушно ответил младший, запирая за ними дверцу на ключ.

В карете было темно: Зарешеченное окошко в запертой двери, маленькое и грязное, света почти не давало; вдоль обитых железом стен тянулись две лавки. На одной, понурясь, сидел толстый гражданин в усыпанном звёздами синем халате и таком же остроконечном колпаке, сидел и, вздыхая, флегматично ломал на кусочки чёрную палочку. Палочка, верно, была волшебной — при каждом переломе из неё сыпались разноцветные искорки.

— Садись, борец за права человека,— пригласил Игорь.— Отдыхай, всё ж не пешком топать.— И сел на свободную лавку.

Агап, фыркая от возмущения, пристроился рядом.

— Ты слышал, как он меня обозвал? — Бородач повернулся к Игорю.— И слова-то заковыристые отыскал, жутко унижительные! Не, что ни говори, но хваленые права личности у американов кривые и не на те личности направлены! Не на наши, русские.

— Достал ты уже меня со своей Америкой! — Игорь закинул руки за голову, прислонился к холодному железу.— Тебе не кажется, что американцы и говорить должны по-американски? По-английски то есть.

— Эмигранты,— бодро ответил Агап.— А чё? Пол-Америки сплошные эмигранты, оттого и русский знают. Отщепенцы, бежавшие от народной волны гнева, во как. Они на соотечественников особо злые, завидуют...

Карета тронулась с места, ускоряя ход, на крыше что-то пронзительно и ритмично завизжало. Наверное сигнальная жаба очнулась.

— Ладно тебе.— Игорь зевнул.— Пусть будет Америка, чёрт с тобой... Хм, а ведь и в самом деле по-русски они говорили! Или не по-русски, а

попросту какая-то языковая магия?.. А, какая разница.— Он толкнул Агап локтем в бок.— Слушай, Агап, чего я хочу знать — имя твоё у тебя настоящее или нет? При рождении дали или как?

— Какая разница? — уныло покосился на Игоря божж.— Оно тебе надо?

— Есть разница,— заверил его Игорь.— Здесь это немаловажно.

— Как меня мамка с папкой называли, я уже не помню,— сознался бородач.— Да и не в ходу у божжей имена, кликухи только... Обозвали как-то Агапом, вот я им и стал. Хорошее имя! Наше, исконное, не Жоржик какой! Да, кстати, а тебя как зовут?

— Гор,— не задумываясь, ответил Игорь.

— Я ж и говорю, что шпиён ты,— охотно завёл старую пластинку Агап.— Все вы там Горы, Буши и Моники, тьфу, креста на вас...

На противоположной лавке хрустнуло особо звучно: Игорь и Агап невольно посмотрели туда. Толстяк, доломав палочку, тихо растворился в воздухе; Агап с выпученными от удивления глазами осторожно перекрестил опустевшую лавку. Эффекта это никакого не дало, и Агап вернулся к теме разговора, сделав вид, что ничего особенного не случилось — одно слово, Америка, тут всякое бывает.

Однако Игорь прервал надоевший ему монолог:

— Ты как в пивном павильоне оказался-то? Ну, когда мужика там убили.

— Дык... — запнулся Агап, снял шапку и почесал голову.— Органам помогал, ясное дело. Подошёл ко мне, значит, полковничий чин и сказал, что в пивнухе встреча шпиёнов назначена. Главного, мол, ликвидируют во время той встречи, а кого он за руку схватит — за тем надо будет приглядеть, карманы ему пощупать да проследить, где живёт. Сказал, чтобы я сидел в той пивнухе и ждал: как в ящик кто сыграет, так, стало быть, начинать пасти его соседа... Тыщу рублей аванса дал! Обещал столько же, когда работу выполню.

— А ну-ка покажи,— категорично потребовал Игорь.— Сдаётся мне, что обжулил он тебя с оплатой. Не мог оборотень столько денег отдать, зачем ему эти расходы...

— Ну да,— забеспокоился Агап,— хорошо, что напомнил. Нас же в участке шмонать будут, всё отберут.— Бородач полез за пазуху, покопался там и выудил тщательно свёрнутую тряпицу. Он торопливо развернул её и ахнул: в тряпице вместо денег оказались лишь увядшие листья.

— Во жулик,— обиженно сказал бородач, роняя листья на пол.— Ловкий какой! Когда же это он успел?

Игорь от души расхохотался.

— Ничего смешного,— сердито буркнул Агап,— просто с юмором человек оказался... Пошутил, эге! Вот вернусь, тогда всё и отдаст, как обещал.

— Ну-ну,— согласно покивал головой Игорь.— Разумеется. Ты вот что, Агап, когда приедем на место, помалкивай, ладно? Соглашайся со всем,

что я буду говорить. И не обижайся на всяких там холопов и смердов... Я тебя как своего слугу представлю, понял?

— Чего? — не на шутку возмущился свободолюбивый бомж.— Я — и в роли слуги? Да не бывать этому никогда! А ну вертай меня взад, домой! Хватит, наигрался я в ваши забористые игры, не хочу больше разведчиком быть! Твоя моя понимай?

— Я бы не против,— Игорь сложил руки на груди,— но, во-первых, я сейчас не помню, как это сделать... Ты знаешь, оно как-то само собой получилось, вдруг ни с того ни с сего получилось и исчезло. А во-вторых... — Что должно было быть «во-вторых», Игорь сказать не успел: карета резко остановилась, жаба на крыше захлебнулась воплем и умолкла, то ли сдохла от непомерных усилий, то ли её выключили. В дверце лязгнул замок.

— Выходи,— сказал появившийся в дверном проёме младший полицейский.— Приехали.

Агап вышел из кареты последним и, заговорщицки понизив голос, спросил у полицейского:

— А кто у вас там на лавочке сидел-то? Ну, в синем халате и колпаке, он всё палку ломал и вздыхал. Исчез, однако... Я, типа, не закладываю, я всего лишь узнать хочу: это просто обман зрения был или мне лечиться пора?

— В халате и с волшебной палочкой? — равнодушно переспросил младший, запирая дверцу.— Какой же это обман зрения? Обычный призрак Мерлина Неуловимого. Известный преступник при жизни был, а когда помер, с повинной являться стал, и нет ему ныне упокоения! Пока протокол на него не составят, так и будет маяться.

— А полиция что? — Игорь замедлил шаг.

— Ничего.— Младший полицейский спрятал ключи в карман.— Пускай бессрочный срок мотает, заслужил... Вперёд, не задерживаться!

— Круто у вас тут,— с уважением сказал Агап, привычно сложил руки за спину и потопал вслед за Игорем.

В участке было тихо: за канцелярским столом сидел полицейский всё в той же чёрной форме, но уже с золотым черепом на берете и повязкой «Дежурный» на рукаве — офицер, наверное. На лице дежурного красовались неуместные для подобного места узкие пижонские очки с зеркальными стёклами. Офицер-дежурный писал что-то в толстой книге, не обращая внимания на прибывших. За светящейся решёткой, отгораживающей часть помещения, сидели на лавке трое задержанных: один пьяный, в сонной прострации, а двое других вполне трезвые — те двое исподтишка резались в карты и на дежурного внимания тоже не обращали.

— Кто? — не поднимая головы, спросил дежурный.

— Гонец и его слуга,— отрапортовал старший полицейский и, не удержавшись, хихикнул.

— Ну да.— Дежурный поднял голову, взглянул на Игоря смуро.— У меня вон один уже есть, нажрался с утра пораньше... Именно что гонец,

друзья за бутылкой послали. Ну, ежели ты и впрямь настоящий Гонец, давай-ка свой опознавательный знак показывай.

— Какой? — не понял Игорь.

— Рукав закатывай,— потребовал дежурный.

Игорь, сообразив, о чём идёт речь, снял куртку и закатал рукав рубахи. Патрульные с интересом уставились на кентавра с серебряным рожком; дежурный, покопавшись в ящике стола, достал оттуда аэрозольный баллончик с непонятной надписью «Гификатор», потрусил им и опрыскал рисунок холодной струёй. Белый кентавр внезапно ожил, забил копытами; от картинке донёсся слабый звук рожка, начальные такты неизвестной Игорю мелодии.

— Действительно, Гонец,— задумчиво сказал дежурный, пряча баллончик на место.— Редкий случай... Чего стоите? — сердито рявкнул он на патрульных.— На маршрут шагом марш!

Полицейские, отдав честь, поспешили к выходу.

— Что ж вы, уважаемый, слугу своего в столь оскорбительном для окружающих виде держите, а? — Дежурный посмотрел на Агапа с нескрываемым презрением.— И зачаровали его — зачем?

— Зача... Чего? — удивился Игорь.

— Вы разве не в курсе? — тоже удивился дежурный и постучал себе пальцем по очкам.— Магоскоп,— важно сообщил он, как будто это слово должно было Игорю всё объяснить.

Видя, что Гонец ничего не понял, дежурный снисходительно растолковал:

— Прибор такой, для определения наведённой порчи. В виде очков, для удобства. В некоторых случаях без него никак: привезут, скажем отпетого хулигана, хоть сразу бери и сажай! Однако нет — через прибор сразу видно, что вовсе он не злостный нарушитель порядка, а всего лишь гражданин, нравственно пострадавший от козней соседа-колдуна. К таким у нас и отношение другое...

— Не зачаровывал я Агапа,— отрицательно помотал головой Игорь,— может, он сам где подцепил, а я недоглядел.

— Снять? — негромко спросил дежурный, покосившись на клетку с задержанными: тем было не до происходящего в дежурке.

— Конечно,— так же тихо согласился Игорь.

Дежурный опять покопался в ящике стола, достал оттуда стеклянную палочку, тонкую, длинной с карандаш, встал и, поманив к себе пальцем Агапа, сломал ту палочку у него перед носом.

— Алчхи! — рявкнул Агап, отшатываясь от стола.

— С вас три гинеи,— бросая обломки палочки в мусорное ведро, сказал дежурный.

— Уважаемый,— замялся Игорь,— у меня при себе нет налички. Как бы нам... э-э... обоюдоудобно решить этот вопрос?

Агап чихнул ещё раз, отшатываясь всё дальше; пьяный за светящейся решёткой вдруг очнулся, немзыкально проорал: «Ой, жара, жара, не жар-

рынь меня-я!!» и утих; игроки, мгновенно попрятав карты, сделали скорбные лица, точь-в-точь как у внезапно раскаявшихся грешников.

— Солист из бардформирования,— поморщился дежурный.— Акын народный. Протрезвеет, сразу выгоню... У вас, как у официального Гонца, наверняка есть свой расчётный счёт в Королевском банке?

— Думаю, что есть,— осторожно согласился Игорь.

— Тогда никаких проблем.— Дежурный снова полез в ящик («Склад у него там, что ли? На все случаи жизни»,— с интересом подумал Игорь), вытащил оттуда серую, размером со школьный пенал, коробочку с большим тёмным окошком на корпусе и протянул её Игорю.

— Мнэ-э,— Игорь взяв коробку, в затруднении повертел её в руках.

— Приложите окошком к опознавательному знаку,— не удивившись, подсказал дежурный.— Потом назовитесь и скажите, какую сумму хотите получить. Я вижу, вы недавно Гонцом стали?

— Недавно,— согласился Игорь.— Вчера.— И, по новой закатав рукав, приложил окошко к уже замершему кентавру. В коробочке дилинькнул колокольчик, дежурный одобрительно кивнул.

— Я, Гонец Гор,— Игорю было непривычно произносить эти слова,— хочу получить со своего счёта три... нет, десять... нет, пятьдесят гиней. Прямо сейчас! — В коробочке вновь дилинькнуло, и она резко потяжелела.

— Вот и всё,— сказал дежурный.— С обратной стороны крышка, открывайте.— Игорь перевернул коробку, подцепил крышку ногтём и высыпал на ладонь грудку мелких золотых монет.

— Видите, как всё просто,— усмехнулся дежурный.

Игорь отдал ему три золотых кругляша, остальные рассовал по карманам.

— И где ж такой быстрый кошелёк можно раздобыть? — поинтересовался Игорь, возвращая коробку владельцу.

— В банке, разумеется.— Дежурный задвинул ящик стола.— За отдельную плату. Но сначала вам надо привести вашего слугу в нормальный вид. Иначе так и будете по участкам ошиваться — у нас к внешнему виду относятся строго! Неподалёку отсюда есть торговый центр с комплексом бытовых услуг, там и баня, и парикмахерская, и магазин одежды... В общем, настоятельно рекомендую.— Дежурный раскрыл книгу, давая понять, что разговор окончен и Гонец с его расколдованным слугой могут быть свободны.

Игорь вышел на улицу: пока они разбирались в участке, тёплое утро незаметно перетекло в жаркий день. Здание полиции — четырёхэтажное, с застеклённым фасадом первого этажа и скамейкой у входа, с таинственной табличкой «ГВЦ» на кирпичной стене — находилось в уютном парке и никаких особых полицейско-опознавательных знаков не имело. В парке было оживлённо, хватало как гуляющих с собаками, так и собак без гуляющих; беспризорные псины, радуясь жизни, лаяли в небо: там высоко-высоко кувыркались под облаками молодые разноцветные дракончики.

— Эта... как тебя... Гор! — Игорь обернулся: Агап стоял ни жив ни мёртв, тиская в руках шапку и глядя в небо.— Дык, сдаётся мне, что вовсе мы не в Америке! Ты глянь, что деется-то... Ой, лишеньки мне! Да где ж это мы? — Агап растерянно посмотрел на Игоря.

— Дошло-таки,— хмыкнул Игорь.— Поздравляю, гражданин наконец-то сообразивший! Мы, Агап, в колдовском мире, так уж получилось... Виду, три гиней не пропали даром.— Игорь оглянулся.— По-моему, нам туда.— Он указал в сторону выхода из парка, где серебрились выступающие над верхушками деревьев крыши.— Мыться и переодеваться.

— Ну ты придумал,— удручённо сказал Агап, роняя шапку на землю и как бы ненароком зафутболивая её под лавку,— у меня денег на эдакие бурж... необязательные развлечения нету! — подумал, снял с себя ароматный ватник и запихнул его ногой туда же.

— Насчёт денег не беспокойся,— Игорь похлопал себя по карману,— выкрутимся как-нибудь. Ты мне лучше скажи, где это ты заколдоваться успел, а? До такой степени, что везде шпионов с Америкой видел.

— Не знаю,— пожал плечами Агап.— Я в колдовство не верю, враки оно всё, но раз ты так говоришь... раз деньги листьями стали, и самосветные решётки в участке, и драконы в небе... то, значит так оно и есть. Я, когда с милицейским полковником о деле беседовал, вот тогда и понял враз, что враги кругом, шпиёны и шпикухи... Американческие, разумеется.

— Понятно,— Игорь ободряюще хлопнул бородачу по плечу.— Пошли, Агап, мыться-одеваться! Пивка только для баньки прикупим и вперёд, к водным процедурам. Нет возражений?

— А то,— согласился Агап.— Только пива, чур, в два раза больше наберём!

— В два раза больше чего? — удивился Игорь.

— Больше того, сколько тебе захочется взять,— с умным видом изрёк Агап.— Баня, она насчёт пива обманчива. Никогда в меру купленного не хватает!

— Уговорил,— согласился Игорь, и они направились к выходу из парка.

Водные процедуры удались на славу: отдельный блок с душем, парилкой и небольшим бассейном; пара комплектов нижнего белья за недорого, дюжина бутылок холодного пива (всё куплено тут же, при бане)... чего же ещё нужно для хорошего отдыха?

Ничто так не сближает людей, как толковая, правильно организованная баня! Не та суетная, общественная, со множеством намыленных и деловито-раздражённых людей в гулкой моечной, где вечно не хватает то шаек, то свободной душевой стойки; не та, в которой воздух в парилке сырой и тяжёлый от множества набившихся туда банных знатоков, истязающих друг друга горячими дубовыми вениками; не та, где приходится наслаждаться столь желанным после веникового избиения пивом в холодном и многолюдном зале-гардеробе. Нет! А та, где можно париться и мыться неторопливо, вдумчиво, ощущая с каждым новым

заходом в парилку, как становишься всё более и более духовно просветлённым. И чистым.

Баня, где мылись Игорь и Агап, была правильной. И Пусть она вообще-то оказалась не баней, а сауной – без веника и без обязательной кружки пива на раскалённые камни, пусть! Главное, что не было в ней суеты и досадной спешки. Душевно в ней было!

После баньки, завернувшись в свежие простыни, Игорь и Агап уселись за стол отпробовать местного пивка и поговорить о том о сём.

Пиво с громким названием «Королевский арсенал» пошло на ура, вкусное было пиво. Лишь после второй бутылки, когда банная жажда пошла на убыль, наконец-то завязался долгий, обстоятельный разговор.

Игорь поведал о своих приключениях – полностью, без утайки. Агап, выслушав историю о мире колдунов, о Гонцах, отнёсся к ней с доверием... Даже, пожалуй, с излишним: он настолько уверовал в реальность происходящего, что предложил немедленно записаться на курсы начинающих магов, поднатаскаться там в заклинаниях, а после рвануть назад, в свой мир, и устроить там всем равенство и благоденствие. Чтобы, значит, каждому по заслугам, а себе денег и жратвы веки вечные! И конечно же «мерседес» с рулём, а так же, и новую обувь, а то старая совсем прохудилась... и непременно, всеобязательно наручные часы с музыкой, чтобы как у всех!

Игорь посмотрел на этикетку бутылки – пиво было крепкое, а бомж-революционер голодный, вот его и понесло.

— Всё, баня закончилась,— решил Игорь.— Пора нам в магазин, переодеться, а после идём обедать.

...Из магазина Агап вышел преображённый и сияющий от счастья. Хотя одежда и обувь у него были дешёвые, неброские – коричневая рубашка-безрукавка, чёрные штаны да мягкие туфли, – но всё ж новые! Чего-чего, а обновок у Агапа давно не случалось, только грязное рваньё с мусорки... Игорь переодеться не стал, лишь сменил жаркую и старую куртку на кожаный жилет с карманам, точно такой же, какой был у предыдущего Гонца, – вещь удобную и практичную. Конечно, вид у Игоря после этого стал несколько странный, удивительный как для того, так и для этого мира: в чёрном жилете, при мече, но в джинсах и кроссовках... одно слово, Гонец! Человек, принадлежащий обоим мирам сразу.

А потом они пошли искать, где можно пообедать. С этим проблем не было – обошлись уличной забегаловкой, в которой подавали вкуснейший шашлык и терпкое сухое вино. Игорь опасался, что Агапа развезёт после выпитого в сауне, но тревожился он напрасно, всё обошлось: съев две порции жареного мяса и категорически отказавшись от вина, Агап пришёл в благодушное настроение. Мирно созерцая дракончиков в небе, бородач заявил, что ему здесь чертовски нравится и что он, пожалуй, согласен немножко пожить в этом мире. И не против за соответствующую кормёжку изображать слугу при знатном господине, раз уж тут нравы отсталые.

Мимо забегаловки, стуча колёсами и завывая сигнальной жабой, промчалась в сторону парка знакомо жёлтая карета, может быть та же самая, в которой они ехали недавно.

— Повезли, болезных,— флегматично сказал Агап, проводив карету взглядом.— Ан ты не балуй, не озоруй хулиганским колдовством!.. Да, кстати.— Агап повернулся к Игорю.— Ты, помнится, говорил мне в полицейской карете, что, мол, во-первых, не помнишь, как вернуться в наш мир: это ладно, это фиг с ним, коли деньги есть – оно везде дом родной, знамо дело! Но ты тогда добавил: «во-вторых», а не уточнил, что к чему.

— Во-вторых? — Игорь нахмурился, вспоминая.— Ах да! «Во-вторых», Агап, и есть то самое главное, из-за чего мне здесь придётся задержаться. Видишь ли, у предыдущего Гонца было какое-то важное дело в Квоаре, в здешнем мире. И связано оно с неким замком, который мне надо отыскать... Ну, ты помнишь, я тебе о нём рассказывал: высоченный замок среди фиолетовых трав, тот, что я когда-то нарисовал. Самое интересное, что я понятия не имею, для чего он мне нужен! Но помню, что сделать это крайне необходимо – с этим замком связано нечто важное. Может быть, прежний Гонец должен был что-то передать владельцу того замка или, наоборот, взять у него чего-то...

— Деньги, например,— радостно подсказал Агап.— Оплату за ранее выполненную работу. Деньги, знамо дело, причина для задержки весьма убедительная! Слушай, а ежели тот Гонец какую вещь принести в замок обещался? У тебя ж её нету, как я понимаю. Мы туда придём, а нас за это убьют, что порожняком припёрлись.

— Найдём сначала замок, а там разберёмся,— успокоил Агапа Игорь.— Ха! Так ты, стало быть, не против идти со мной?

— Не против,— помотал головой Агап.— Тем более что деваться-то мне всё одно некуда, кому я тут нужен? Решено, пойду с тобой. Но учти: кормёжка, выпивка, лечение и транспортные расходы – за твой счёт!

— Договорились,— улыбнулся Игорь.— Это я тебе гарантирую.

— Тэкс,— призадумался Агап.— Замок среди фиолетовых трав... м-м... где ж оно может такое быть? Место, знамо, приметное, тем более с этакой самобытной растительностью. А вот сейчас и узнаем.

Мимо столика, за которым сидели Игорь и Агап, как раз брёл испитого вида мужичок-уборщик с корзиной, полной грязных шампуров.

— Эй, друг,— позвал его Агап,— вопрос имею!

Уборщик остановился, покосился на полупустой кувшин с вином посреди стола, вытер мокрый нос рукавом и категорично заявил:

— За ответ – стакан вина. И всё тут.

— Идёт,— согласился Агап, наливая вино в стакан.— Значит, ответь-ка, мил человек, знаешь ли ты, где тут находится место, заросшее фиолетовой травой? Равнина, понимаешь, и вся напроць фиолетовая... Там ещё замок агромадных размеров построен, во какой! — Агап развёл руками, показывая.

Мужичок взял посудину, одним махом вылил в себя вино, утёр губы тем же рукавом, ответил равнодушно:

— Не знаю,— и побрёл дальше.

— Во зараза,— изумился Агап,— вот же порождение чёрных сил! Сейчас я его просветлять буду.— Он хотел было выбраться из-за стола, но Игорь вовремя остановил Агапа:

— Не надо! Нашёл с кем разбираться, ха! Да и ответил он на твой вопрос, за что ж его бить-то?

— За жадность,— угрюмо буркнул Агап.— Халявщик гадский...

— Знаешь что,— Игорь встал,— пошли-ка лучше поищем тех, кто сможет нам толком подсказать. Не за стакан, но за деньги.

— Горсправку, что ли, искать будем? — поднимаясь, спросил Агап.

— Может, и горсправку,— согласился Игорь.— Там видно будет.

Они вышли из забегаловки.

На улице было жарко, слепополуденный зной напомнил Игорю давешнюю сауну; прохожие держались тени, да и мало было тех прохожих – то ли в городе наступила сиеста, то ли все были на работе. Агап предложил было нанять извозчика, пускай везёт к нужному месту, а то после шашлыка ходить лень, Но Игорь не захотел – ему интересно было прогуляться по городу пешком. Агап подумал и согласился: и впрямь на извозчике завсегда успеется, коли устанут гулять, а ознакомиться с городом не худо, особенно с его магазинами, мало ли чего полезного для путешественников в них имеется! Судя по всему, Агап настроился на путешествие всерьёз.

Горсправку они так и не нашли. Может, её и не существовало вообще: прохожие, у которых Игорь спрашивал по пути о той службе, ничего внятного ответить не могли.

Устав без толку опрашивать всех встречных-поперечных, Игорь призадумался. Возможно, он попросту неверно задавал им вопрос, как Агап – уборщику? Если горсправок здесь нет и не было, то и правильного ответа он никогда ни от кого не получит.

Решив проверить свою догадку, Игорь обратился к очередному встречному прохожему, квёлому и унылому от жары толстяку в парусиновом костюме, с такими словами:

— Подскажите, уважаемый, где здесь можно узнать о некоем замке, местонахождение которого я не знаю? То есть его адрес или хотя бы направление, куда мне идти?

— Замок-то в городе? — отдуваясь от жары, спросил, ничуть не удивившись вопросу, толстяк прохожий.— Уф, духота какая... Явно к грозе, явно.

— Не знаю, в городе он или нет,— вздохнул Игорь.— В том-то всё и дело.

— Тогда вам к Фибии надо,— не задумываясь, посоветовал толстяк.— Я лично в таких случаях именно к ней и хожу... Кстати, её салон

неподалёку: свернёте на перекрёстке, вон там, потом направо и прямо,— отдышавшись, толстяк с утомлённым видом отправился в путь дальше.

— А кто она, Фибия-то? — крикнул ему в спину Агап.— Чего это такое, мил человек?

— Там вывеска есть, увидите,— недослышав, крикнул в ответ толстяк.— Мимо не пройдёте.— И ушёл.

— Фибия так Фибия,— решил Игорь.— Хоть какая-то зацепка. Пошли, Агап.— Они направились к перекрёстку.

Вывеску действительно трудно было не заметить: яркая, броская, она висела над стеклянной дверью; толстое стекло двери оказалось тонированным до черноты, и что делалось за тем стеклом, Игорю видно не было. На вывеске среди пляшущих языков зелёного пламени менялись поочерёдно рубиновые строчки: «Фибия! Предсказания и пророчества! Дальновидение и обнаружение! Цены умеренные! Тысячному посетителю — сюрприз!»

— Вот тебе и горсправка,— подивился Игорь.— Впрочем, какой мир, такие и справки.— Он толкнул дверь.

За дверью было сумрачно, прохладно. Игорь вошёл, сделал несколько шагов и остановился, привыкая к полумраку — видно после солнечной улицы было неважно, того гляди или споткнёшься обо что-нибудь, или налетишь на кого; Агап за его спиной прикрыл дверь. Тут же негромко пропели фанфары и приятный женский голос оповестил вкрадчиво:

— Тысячный посетитель! Оставайтесь на месте, я, великая Фибия, сейчас выйду к вам! Ждите.— Дальше что-то пискнуло, заиграла тихая музыка — точь-в-точь как в телефоне местной АТС, когда просят подождать собеседника и заполняют изрядную паузу дежурной мелодией.

— Это я — тысячный? — обрадовался Агап.— Вот свезло-то! Люблю сюрпризы, ага.— Он расплылся в широкой улыбке.

В глазах у Игоря наконец перестало рябить, он огляделся: широкий холл, видимо, служил местом ожидания для посетителей Фибии — вдоль серебряных стен располагались казённого вида кресла и редкие столики с лежащими на них обязательными журналами; зеркальные пол и потолок создавали впечатление, что Игорь угодил в бесконечную вертикальную трубу и вот-вот провалится неведомо куда, в зазеркальную бездну. Внизу у пола и вверху под высоким потолком тлели ряды жёлтых светильников, окончательно придавая залу вид технической шахты космолёта — вроде тех тоннелей, куда с завидной регулярностью падают то оплошавшие джидай, то низвергнутые Императоры всяких далёких-далёких галактик.

Посетителей в зале не было, и Игорь, надеясь, что таинственная Фибия вскоре объявится, с удовольствием развалился в кресле, закинув ногу на ногу; Агап же на всякий случай остался у входа, полный решимости никого больше сюда не пускать, чтобы того не перепутали с ним, «тысячным», потирая руки в предвкушении обещанного сюрприза.

Вновь промурлыкали фанфары: в серебряной стене, той, у которой не было кресел, открылась дверь — дверной проём засветился красным

светом, словно там фотографии проявляли, — но никто в зал так и не вышел. Агап, притоптывая от нетерпения, ждал, уставившись на дверь, ждал и Игорь, покачивая ногой, однако ничего не происходило.

— Может, заело у них чего? — озадаченно спросил наконец Агап, утомившись от зряшного ожидания.— Сдаётся мне, что нам самим туда сходить надо, проверить. А ну как та Фибия вид делает, что её дома нету! Типа зажала обещанный сюрприз...

— Пошли,— согласился Игорь, но встать с кресла не успел: как раз в этот момент в дверном проёме возникла тёмная фигура с копьём в руке.

— Граждане! — ничуть не ласковым голосом возмущённо сказала фигура.— Как это понимать? У меня санитарный день, вы что, вывеску не читали?

— Читали! — громко ответил Агап.— Но там про санитарный день ничего не написано! А вот про юбилейного посетителя очень даже написано. Я — тысячный!

— С чем тебя и поздравляю,— буркнула фигура, выходя на свет.

Фибия оказалась миловидной женщиной лет тридцати, высокой и в теле богатой. Одета предсказательница была в синий рабочий халат, из-под плотно повязанной синей же косынки спускались длинные чёрные волосы; обувью великой Фибии служили резиновые шлёпанцы-вьетнамки на босу ногу. В руке предсказательница держала не копьё, а швабру с мокрой тряпкой.

— Сейчас проверю,— мрачно процедила Фибия, прислоняя швабру к стене.— Если и впрямь объявление исчезло, я этому гарантийному магу не только голову оторву, но и чего похуже ему устрою.— Фибия быстрым шагом пересекла холл и скрылась за стеклянной дверью, едва не сбив с ног Агапа: тот еле успел посторониться.

— Бедный-пребедный гарантийный маг,— с сочувствием молвил Агап, присаживаясь рядом с Игорем.— Я ему не завидую... Ах, какая женщина, ах, какая! — совсем не к месту проникновенно сказал Агап.— Пронеслась мимо как ураган, как шторм какой... Не поверишь, меня словно током ударило, когда она рядом была. Эх, и почему я не красавец? — вдруг закончил Агап.— Я бы...

Что бы сделал Агап, будучи красавцем, Игорь не услышал: Фибия вернулась в зал.

— Кто? — остановившись напротив посетителей, грозно спросила Фибия, уперев руки в бока и гневно раздувая ноздри.— Ну, признавайтесь! Кто из вас?

— Что — кто? — вежливо спросил Игорь.

— Маг-вредитель — кто? — сердито уточнила предсказательница.— Кто стёр объявление о санитарном дне и заставил ложно сработать оповещение о юбилейном тысячном посетителе? А?

— Не я,— отрицательно покачал головой Игорь и встал с кресла. Агап тоже поднялся, но ничего не сказал: он влюблённо глядел на сердитую раздумывающуюся предсказательницу и был похож на счастливого

барбоса, которому чешут холку, разве что язык из пасти от удовольствия не вывалил.

— Тогда ты? — Фибия раздражённо ткнула пальцем в грудь Агапу.— Признавайся, не убью. Может быть.

Агап непонятно затряс головой, мол, то ли да, то ли нет. Судя по всему, у бородача приключился острый приступ любви с явным непониманием происходящего.

— Поверьте, это тоже не он,— поспешил вступиться за Агапа Игорь.— Агап мой слуга, и я за него ручаюсь!

— Сама вижу, кто из вас двоих господин,— сварливо ответила Фибия, мельком взглянув на меч Игоря.— Слуги оружие при себе не носят... Ого! — Предсказательница вдруг потеряла весь свой боевой задор: что-то в том оружии привлекло её внимание.— Эй, господин начальник,— она с удивлением посмотрела в глаза Игорю,— где ты взял этот меч? И давно ли он у тебя?

— Затрудняюсь ответить,— призадумался Игорь.— Видите ли, я — новый Гонец, и память предыдущего Гонца ещё не совсем...

— А, понятно,— нетерпеливо прервала его Фибия.— Пойдёмте.— Она направилась к комнате с красным освещением; Агап немедленно потрусил за предсказательницей, напроочь позабыв об Игоре. Впрочем, до того ли ему сейчас было!

Игорь, задержавшись, расстегнул пояс с прикреплённым к нему оружием и, поворачивая то так, то эдак, внимательно осматривал со всех сторон ножны с торчащей из них рукоятью меча. Ничего особенного он не заметил, ножны как ножны, рукоять как рукоять... Оружие выглядело точно таким же, каким его помнил погибший Эрон-Гонец. Или почти точно таким же... Что-то всё же изменилось, но что — Игорь понять не смог. Решив не ломать зря голову, он кинулся догонять удаляющуюся парочку.

В небольшой — по сравнению с залом ожидания рабочей комнате предсказательницы было ничуть не уютнее, чем в покинутом Игорем зале: на чёрном потолке светилась большая красная лампа, круглая, похожая на гигантскую линзу; на полу лежало ковровое покрытие непонятного тёмного цвета. На стенах, меж разнообразных амулетов и оберегов, тут и там висели страхолюдного вида маски, угрюмо взирая на неожиданных посетителей бездонными провалами глазниц; тянувшийся вдоль одной стены высоченный, до потолка, стеллаж заполняли весьма странные предметы. Были здесь и черепа (как звериные, так и человеческие), и какие-то закопчённые горшки, и узкогорлые бутылки, и пузатые латунные колбы; нижние полки стеллажа занимали книги — большие, увесистые и наверняка очень древние. Если бы Игорь не знал, чем занимается хозяйка этого заведения, то решил бы, что попал в логово самой настоящей колдуньи-некромантки. Лютой и безжалостной.

Посреди комнаты, под лампой, возвышался солидных размеров хрустальный куб-стол, похожий на языческий алтарь. На кубе стояла мусорная корзина, полная свечных огарков, мятых бумажек и жжёных

перьев; рядом со столом Игорь увидел стандартное оцинкованное ведро с грязной водой. Видимо, уборка шла полным ходом, когда хозяйка вышла разобраться с не вовремя появившимися клиентами.

— Вам бы пылесос сюда,— со знанием дела посоветовал Игорь, глянув на пол.— Тряпкой ковры плохо очищаются, даже мокрой.

— Сама знаю,— отмахнулась предсказательница.— Но он сейчас не работает: меня на днях отключили от сети за задолженность по оплате биоэнергии.

— Чего? — опешил Игорь.

— Не чегокай, а иди сюда,— потребовала Фибия.— И хватит мне выкать, терпеть не могу официального обращения! — Предсказательница сняла со стола мусорную корзину; Агап кинулся было помочь, второпях чуть не перевернул ведро с водой и в итоге получил увесистый тычок локтём в грудь.

— Не лезь,— строго приказала ему Фибия,— знаю я вас, мужчин! Сначала помощь кидаётся, затем в ресторан зовёте, потом — ясно чего хотите... а после — прости-прощай, милая. Так что ты поосторожнее с руками-то!

— Я не такой,— смутившись, пролепетал Агап.— Хороший я!

— Он не такой,— подтвердил Игорь,— он девушек по ресторанам не водит,— что было истинной правдой: бомжи по ресторанам и впрямь не ходят. Тем более с девушками.

— Ну-ну,— смягчилась Фибия.— Ладно уж, отнеси корзину вон туда, в дальний угол. И ведро с водой туда же унеси.— Дав распоряжение обрадованному Агапу, Фибия повернулась к Игорю.— Давай сначала с мечом разберёмся,— предложила она,— больно он меня заинтересовал, а потом я, так и быть, выслушаю, зачем ты ко мне пришёл. Пойду тебе навстречу, хотя это и против моих принципов: санитарный день — дело святое!

— Давай,— согласился Игорь и положил меч на хрустальный алтарь.

— Обычный свет, только на стол,— сказала в пространство Фибия. В ту же секунду фотографически-красный свет сменился белым, почти дневным: потолочная лампа послушно выполнила распоряжение предсказательницы, ярко высветив стол и погрузив остальную часть комнаты в темноту. В дальнем углу немедленно что-то грохнуло, одновременно раздался отчётливый вопль Агапа, но Фибия на тот вопль не обратила никакого внимания — она внимательно разглядывала меч, плавно вода над ним ладонью.

— У них тут что, проблемы с электричеством? — обиженно спросил Агап, выныривая из темноты.— Вот, поганое ведро на новые штанцы опрокинул... — Штаны у Агапа были мокрыми по колено.

— Не, только с биоэнергией,— вполголоса ответил Игорь.— Электричества у них вообще нету. Молнии разве что...

— Надо же, убого-то как! — огорчился Агап.— Значит, ни радио тебе с погодой, ни лампочек в подъезде, чтобы украсть и продать... Тоска!

— Тихо ты,— одёрнул его Игорь.— Видишь, работает человек.

Агап немедленно умолк, зачарованно следя за действиями предсказательницы.

Фибия задержала ладонь над рукоятью меча, пальцы её нервно подрагивали, словно она и хотела, и боялась к чему-то прикоснуться.

— Здесь оно! — Предсказательница осторожно убрала ладонь от меча.— В торце рукояти. Мне дотрагиваться нельзя, чересчур сильная магия, того и гляди обожжёт!

— Да? — Игорь с сомнением посмотрел на рукоять.— А я столько раз брался, и ничего. Странно...

— Сравнил,— насмешливо фыркнула предсказательница.— То ты, а то я! У нас восприимчивость к магии разная, понимаешь? Что для тебя ерунда, мелочь, для меня может стать проблемой. Не хочу я руку от ожогов лечить...

Игорь взял меч, подставил рукоять под яркий свет, пригляделся. В головке рукояти, в небольшом углублении, посверкивала то ли стальная бусинка, то ли шарик-шляпка декоративного гвоздика — маленькая, но приметная. Приметная лишь при ярком освещении.

Фибия заглянула Игорю через плечо.

— Раньше — было? — негромко спросила она.

— Не помню.— Игорь попробовал подцепить шарик ногтём, но тот держался крепко, не вытасишь.— Кажется, не было. Слушай, Фибия, а какая в этой штуковине магия? Ну, в смысле — для чего она предназначена?

— Чего не знаю, того не знаю,— призналась Фибия.— Может, защитный амулет какой, от воров, например. Или для удачи в бою... Или ещё для чего, мало ли вариантов! Одно тебе скажу: очень сильная магия в нём, очень. Но для тебя безвредная, раз ты уже за рукоять брался и ничего с тобой не случилось... Собственно, я узнала то, что хотела: гарантийный маг не виноват, зря я на него ругалась.— Фибия смущённо откашлялась.— Это твой меч расстарался... вернее, амулет в рукояти. Жаль-жаль — теперь опять придётся за наладку вывески платить.

— Раз моя вина, значит я и заплачу,— пообещал Игорь, прилаживая на место пояс с оружием.— Мы же по делу пришли! Если поможешь нам, то будет тебе соответствующая оплата, с учётом наладки.

— Разумеется,— усмехнулась предсказательница.— Я за бесплатно не работаю. Давай выкладывай, в чём проблема? — Фибия щёлкнула пальцами, и потолочная лампа вновь загорелась тревожным красным светом.

— Эта... — задрав голову, в недоумении уставился на лампу Агап,— а как оно так? Тут же электричества нету и с этой, как её... биоэнергией проблемы, а оно всё равно светит. Чудеса!

— Живая, потому и светит,— равнодушно ответила Фибия, выкатывая из-под хрустального стола круглый рояльный стульчик.

— Живая? — поразился Агап, что-то прикидывая в уме. — Раз живая, то значит, ест чего-то...

— Ест, ест, — подтвердила Фибия, усаживаясь за стол. — Только не спрашивай что! Тебе мой ответ, верно, не понравится.

— А раз ест, то и... — Агап с опаской отодвинулся от стола подальше. — Вдруг она мне какую говнюшку на голову уронит? — озабоченно пояснил он Игорю, хотя тот ничего у него не спрашивал. — А я сегодня уже того, и в навозе повалялся, и в баньке попарился, и в обновки обрядился. Что же, зря всё?

Фибия от услышанного поперхнулась воздухом, закашлялась, а после расхохоталась, грозя бородачу пальцем.

— Не, ну в самом деле, — оправдываясь, забормотал Агап, — я ж ничего против живых лампочек не имею, пущай себе! Просто такая чистота и опрятность вдруг пропасть могут...

— Агап, — с досадой прервал его Игорь, — хватит! Ты ж сейчас Фибию до смерти засмешишь, а у нас дело не сделано. Иди в зале меня подожди!

— Нет, почему же, — отдышавшись, сказала предсказательница, — пусть остаётся. Забавный какой! — Она подмигнула бородачу.

Понурившийся было Агап сразу воспрянул духом, расправил плечи и солидно огладил бороду.

— Бороду не гладить! — категорично приказала Фибия. — А то искры могут случиться. Лишнего не болтать, от работы меня не отвлекать: стой и молчи!

Агап кивнул согласно и замер по стойке «смирно», словно солдат у знамени.

— Итак, — Фибия повернулась к Игорю. — Какой у тебя ко мне вопрос?

Игорь, не вдаваясь в лишние подробности, вкратце рассказал ей о таинственном замке посреди фиолетовой равнины, особой приметой которого был огненный зигзаг на окружавшей замок стене. И о том, что ему, Гонцу, край как надо тот замок найти!

Фибия не поинтересовалась, зачем Гонцу необходимо в замок, у каждого своя работа — надо, значит, надо. Предсказательница сразу приступила к делу: для начала ушла куда-то в багровый полумрак, откуда через несколько минут вернулась переодетая в диковинную одежду, чем-то схожую с летним шаманским балахоном — наверное, множеством нашитых костяных и серебряных, которые брякали и позванивали на каждом шагу. С собой Фибия принесла дюжину восковых свечей, установила их под хрустальным столом и тут же подожгла фитильки от зажженного гусиного пера, отчего в воздухе едко запахло палёным, а хрустальный куб замерцал живым пламенем.

— Подойди ближе, — мягко сказала Игорю предсказательница, садясь на стульчик. — Смотри в куб предсказаний и думай о том месте, которое ты хочешь найти. — Они оба опустили взгляд к переливающейся огнями столешнице.

Игорь старательно представил себе и равнину, и рыжие глыбы-валуны, и траву, и...

— Пошёл вон! — вдруг взорвалась Фибия, вскакивая из-за стола.— Вон, кому говорю!

Она бурей сорвалась с места, подлетела к Агапу, с силой развернула его и пинком направила к выходу из комнаты: Агап, ойкая, помчался, как нашкодивший кот, не оглядываясь и не спрашивая: «За что?» Видимо, знал за что...

— Мерзавец какой,— остывая, буркнула предсказательница, садясь на место.— Ишь чего надумал.— Фибия потёрла щёки: в неверном пламени свечей Игорь увидел, как она разругалась.

— А что случилось-то? — поинтересовался Игорь.— Стоял, никому не мешал.

— Он слишком сильно фантазировал,— уклончиво ответила предсказательница.— Чересчур фонил на ментальном плане. И всё, хватит о твоём слуге-хаме. Продолжай думать.— Фибия уставилась в стол, но мысли её явно блуждали где-то далеко, она никак не могла сосредоточиться — то и дело хихикала, вспоминая что-то.

Наконец предсказательница успокоилась и дело пошло на лад.

— Вижу,— сонно, еле слышно сказала Фибия через несколько минут.— Да... трава, валуны... ветер, запах мяты... странное место. Оно и есть, но его и нету... Вот и замок. Дракон, огненный дракон! — Фибия в ужасе отпрянула от стола.— Всё! Довольно с меня!

Она обхватила плечи руками, словно замёрзла, уставилась на Игоря стеклянным взглядом.

— Он же меня чуть не съел! — чуть погодя изумлённо сказала предсказательница.— Ещё бы немного, и...

— На ментальном плане? — вспомнив слова Фибии, спросил Игорь.

— Именно,— вздохнула предсказательница.— Вот что я тебе скажу, парень: плохое это место! Не стоит тебе туда ходить. И Искать его не стоит! Может, там и впрямь сокровища Тридцати Королей лежат, а может, смерть тебя в тех краях давным-давно поджидает...

— Мне решать,— вздёрнул подбородок Игорь, невольно кладя руку на меч.

— Разумеется,— усмехнулась Фибия.— Какие мы гордые да самостоятельные, любо-дорого посмотреть! Значит, слушай: нет в этом мире твоего замка. И в нашем мире его тоже нету.

— Не может такого быть! — нахмурился Игорь.— Если не здесь и не там, то... Постой-ка,— спохватился он.— В нашем мире? Так ты...

— Да,— улыбнувшись, подтвердила Фибия.— Оттуда. Окорочками по молодости на рынке торговала, на картах за деньги гадала, судьбу по ладони предсказывала, то да сё... Бедствовала, в общем.

— А как ты... — начал было Игорь, но предсказательница громко сказала:

— Сеанс закончен! — И встала из-за стола.

— Сколько я должен? — сухо спросил Игорь, демонстративно вынимая монеты из кармана.

— Да нисколько.— Фибия выглядела усталой.— Брось, земляк, не обижайся. Здесь не принято лезть друг другу в душу, ни к чему оно! Захочу — сама всё расскажу. А не захочу... — Она умолкла, присела и загасила свечи под столом.

— Ладно.— Игорь подумал и решил не обижаться.— Но ты мне всё же не ответила: как пройти к замку? Которого нет ни там, ни здесь.

— Ну, если тебе туда настолько хочется,— поднимаясь, ответила Фибия,— то скажу, жалко, что ли. Видела я, что войдёшь ты в ту фиолетовую долину через самодельную дверь, а дверь та появится в часовне на Чёртовом кладбище, что находится в трёх днях пути отсюда. Направляйся на восток, там и найдёшь.

— Самодельная дверь? — остолбенел Игорь.— Чёртово кладбище? Мистика какая-то, а не предсказание... А что, иных путей в фиолетовую долину нет?

— Может, и есть,— не стала возражать Фибия.— Но войдёшь ты именно там и именно так! Я же не гадалка какая, чтобы всякие другие пути тебе придумывать, я предсказательница! Что вижу, то и говорю. Ладно, охотник за сокровищами, дуй отсюда, мне действительно уборкой заняться надо: завтра комиссия от санэпидстанции придёт, не управляюсь — опять взятку давать придётся, а у меня и так с деньгами напряжёнка.

— Погоди, какие сокровища? — упёрся Игорь.— Ты мне о них ничего не сказала!

— Разве? — хитро прищурилась Фибия.— Сокровища Тридцати Королей! Здешняя древняя легенда, сказка, врака... Иди-иди, двигай костями,— она легонько подтолкнула Игоря к выходу,— или тебя, как твоего слугу?

— Не надо,— быстро ответил Игорь,— я сам.— Он вышел из комнаты в зал ожидания.

Агап, зарывшись лицом в бороду и ладони, тихо страдал в ближайшем кресле — живое воплощение горя, да и только; смотреть на него было грустно.

— Пошли, Агап,— Игорь потрепал его по плечу.— Не убивайся ты, всё ещё наладится,— хотя он вовсе и не был уверен в своих словах.— Нас ждут великие дела, гражданин подопечный! Пошли, я тебе мороженого куплю, хочешь?

Агап замотал головой, мыча сквозь бороду что-то отчаянное. Вроде того, что не жить ему на этом свете без неё, что пропал он навсегда... и прочую страдальческую чушь, точь-в-точь как мальчик, которого только что бросила любимая девочка.

— Эй, борода! — На пороге комнаты стояла Фибия, снова в рабочей спецовке, деловая, решительная. Агап вскочил с кресла, одновременно приглаживая бороду, вытирая лицо рукавом и делая вид, что он вовсе не огорчился, а так, пыль в глаза попала.— Тебя как зовут, Агап, да?

Агап часто затряс головой, бессловесный и радостный.

— Когда из похода вернёшься, заходи,— милостиво разрешила Фибия.— Потолкуем о том, о сём. Зла на меня не держи, такая я вот, на поступки резкая... А теперь,— Фибия взяла оставленную у стены швабру,— теперь все — вон! Санитарный день, граждане! — И скрылась у себя в комнате. Наверное, за ведром пошла.

— Ах, какая женщина,— восхитился Агап гундосым голосом,— какая женщина! Мне б такую,— и потопал следом за Игорем к выходу из салона.

На улице был ранний вечер: солнце ушло за черепичные крыши соседних домов, унеся с собой дневную жару; похоже, недавно прошла гроза — брусчатка ещё не успела высохнуть и в воздухе пахло свежим дождём.

— Что дальше? — спросил Агап, оглядываясь по сторонам.— Мы типа в поход собрались, да? А куда?

— На Чёртово кладбище,— рассеянно ответил Игорь, вспоминая слова предсказательницы.— Завтра с утра и отправимся.

— На Чё... Куда? — вытаращил глаза Агап.— Кладбище? Это где покойники лежат? Чёртово? Ой мне!

— Там не только покойники,— успокоил приунывшего товарища Игорь.— Там ещё и вход в долину с замком должен быть. А в замке, как сказала Фибия, находятся сокровища каких-то Тридцати Королей, то ли легендарных, то ли сказочных.— О том, что долины не существует ни в одном из миров, Игорь благоразумно умолчал, хватит человека пугать.

— Сокровища, оно, конечно, здорово,— уныло заметил бородач.— Но сначала через кладбище идти придётся, а название мне ох как не нравится, подозрительное оно, шибко внушительное...

— Это точно,— вынужден был согласиться Игорь.— Остаётся надеяться лишь на то, что местные покойнички народ тихий, несуетной... Хотя бы днём несуетной,— добавил он мрачно.

— Сколько ж до того кладбища пути будет? — смирившись с неизбежным, спросил Агап.— Ежели долго, тогда припасы надо сделать, а то пока до места доберёмся, отошаем. Может, в дороге ни одного приличного магазина не будет, кроме поселковых... Э, знаю я эти жуткие магазины! Гнусная водка да крупа с червяками, никакой утехи желудку.

— Фибия сказала — три дня,— пояснил Игорь.— На восток и прямо, пока не упрёмся.

— Три дня пешком или на транспорте? — уточнил Агап.— На лошадках то есть?

— А я не знаю,— растерялся Игорь.— Забыл уточнить.

Он хотел было вернуться к предсказательнице, но, вспомнив её решительный настрой на глобальную уборку и взрывной характер, предпочёл не рисковать. Ещё шваброй по спине огреет, с неё станется!

— Думаю, на лошадках,— сделал вывод Игорь.— Всё ж лучше, чем на своих двоих! Пошли, Агап, лошадей покупать.— И двинул по малолюдной

после грозы улице, рассуждая на ходу: — Сейчас спросил у прохожих, где тут конями-лошадьми торгуют, прикупим, а завтра по утренней зорьке...

— Слушай,— догоняя Игоря, встревожено спросил Агап,— а ты хоть раз на коняке ездил? Я — нет! Убьюсь ведь немедленно! Хрясть башкой вниз, и всё.

— Интересная мысль,— замедлив шаг, озабочился Игорь,— действительно, мне тоже не приходилось... Нет, предыдущие Гонцы именно на лошадях и ездили, я помню, но личного опыта у меня никакого, а учиться во время похода — дело глупое и опасное! Н-да, ситуация...

Мимо, испугав Агапа громким звонком, промчался велосипед: на велосипеде, бодро крутя педалями, ехал дед с развевающейся по ветру седой бородой, в спортивном костюме и в кепке, повёрнутой козырьком назад. На спине деда-спортсмена Игорь успел прочитать написанное крупными буквами: «Пицца. Дед Матфей и Ко» — судя по всему, это и был сам дед Матфей; на велосипедном багажнике высилась стопка плоских картонных коробок, прихваченных резиновым жгутом с крючками, явно от спортивного эспандера.

— Велосипед! — переглянувшись, хором воскликнули Игорь и Агап: вопрос с транспортом, кажется, был решён.

— Ты на велосипеде-то ездил хоть когда-нибудь? — на всякий случай спросил Игорь.— С него башкой вниз не хрястнешься?

— Обижаешь,— завокнулся Агап.— Я, однако, и на велосипеде, и на мопеде по молодости... а на мотоцикле сколько раз! Сам посуди: ну как, не умея управлять техникой, её угонишь? Да никак!

— Верно,— подмигнул бородачу Игорь.— Угонять мы, разумеется, ничего не будем, а вот купить — купим. Пошли спортивный магазин искать!

...В нужный магазин они попали не сразу, для начала опросив множество прохожих: опрошенные прохожие, среди которых явно не было ни спортсменов, ни велосипедистов, давали самые противоречивые адреса и направления, но в конце концов магазин всё же нашёлся, на одной из дальних окраинных улиц. Добирались туда на извозчике — уже свечерело и надо было поторапливаться, чтобы успеть в магазин до закрытия.

Магазин назывался «В добрый путь!». Над входом болтался рекламный ковёр-самолёт, самый настоящий, прикованный цепью к железному кольцу на фасаде здания, — ковёр всё время пытался сорваться с привязи, но у него ничего не получалось, лишь снова и снова уныло звенела натягиваемая цепь; рекламный ковёр был похож на узника, навеки прикованного к стене тюремной камеры.

Сделать выбор Игорь доверил Агапу как опытному гонщику-угонщику. Тот первым делом поинтересовался у продавца, нет ли у них в продаже толковых мотоциклов вроде «Харлей-Девидсон» или «Судзуки», на худой случай и какая заваливающая «Ямаха» сойдёт. Получив отрицательный ответ, мол, «подобных товаров не держим-с, а, собственно, что оно такое — мотоцикл?», Агап покопался в бороде, раздумывая, чего бы ещё умного

сказать, потом махнул рукой и пошёл выбирать велосипеды. Игорь тем временем решил прогуляться по отделам магазина, без особой цели, просто глянуть, что здесь да почём.

Как оказалось, глянуть в «Добром пути» было на что! Кроме велосипедов магазин торговал и другими транспортными средствами, крайне необходимыми для любителей путешествовать с комфортом: в одном отделе вдоль стен были выставлены большие и малые рулоны ковров-самолётов с пришпиленными к ним предупредительными бирками: «Продажа только по водительским удостоверениям!» В другом оказались разнообразные мётлы – от классических деревянных до железных хромированных с кожаными сёдлами и стремянами; отдельным рядом стояли новенькие, пахнущие заводским лаком ступы. Игорь посмотрел на цены, криво усмехнулся и пошёл дальше.

В третьем отделе находилась скороходная обувь: и экспресс-сапоги для загородного использования, и туфли для молниеносных прогулок по городу, и даже тапочки-шлёпанцы для быстрого перемещения от кровати к туалету. Ценники на стеллажах с обувью были густо исчерканы – стоимость волшебной обуви неоднократно понижалась, и последняя цена осталась весьма умеренной; Игорь подумал, что, возможно, они поспешили с покупкой велосипедов.

Больше отделов в магазине не имелось, и Игорь отправился назад, тем более что из торгового зала доносилось весёлое треньканье – это Агап проверял велосипедные звонки.

Велосипеды Агап подобрал со знанием дела: не спортивные, лёгкие и многоскоростные, пригодные лишь для мощёных городских улиц, а эдакие «вездеходы-внедорожники» – с особо прочной рамой, широким багажником и крепкими, усиленными дополнительными спицами колёсами. Продавец назвал этот выбор удачным (впрочем, он одобрил бы любой выбор Агапа: главное, чтобы покупатель деньги в кассу отдал), сообщил, что шины на колёсах зачарованы стандартным заводским колдовством и не боятся ни проколов, ни ударов, да и подкачивать в них ничего не надо – заколдованные камеры в этом не нуждаются. Однако порекомендовал всё же приобрести за отдельную плату велоаптечку и насос, на всякий случай.

Агап, вдохновлённый услышанным, поинтересовался: а не заколдованы ли заодно и велосипедные педали? Чтобы их, значит, не крутить, ноги зря не тратить, а ехать с ветерком не напрягаясь. Продавец, снисходительно поглядывая на ленивого туриста, пояснил, что подобного рода физкультурные средства передвижения нарочно не обрабатываются «самоходным» колдовством, иначе какие же они после этого физкультурные? Но если уважаемого покупателя интересуют другие виды транспортных средств, то он может ознакомиться с ними в соседних отделах. Уважаемый покупатель призадумался, в нерешительности теребя бороду, и в разговор вклинился Игорь:

— Скажите, пожалуйста, а на сапоги-скороходы не требуется водительского удостоверения?

— Нет,— уверенно ответил продавец.— Только оплаченный страховой медицинский полис, да и тот вовсе не обязателен! Собственно, это личное дело покупателя, страховаться ему от несчастных случаев или нет.

— Можно подробнее? — заинтересовался Игорь.

— Э-э... — замялся продавец.— Ну-у... Иногда – повторяю, иногда! — при неправильном обращении с обувью, при чересчур широком шаге... мнэ-э... несколько травмирует владельца, разделяя его на две половины. Но современная медицина позволяя...

— Мы берём велосипеды,— поспешно сказал Игорь и полез в карман за деньгами.

Прикупив рекомендованные продавцом насос и велоаптечку, а заодно необходимый каждому туристу походный комплект «Быстроход» (вилка, ложка, стакан, консервный нож) и пару небольших рюкзаков (как заверил продавец, продукты в них никогда не портились), новоявленные туристы покинули магазин.

На улице окончательно стемнело: в черном небе среди крупных августовских звёзд повис тонкий серп месяца, предвещающий хорошую погоду; перед домами тут и там зажглись самосветные колдовские фонари, а витрины нечастых окраинных магазинов засияли многоцветной рекламной подсветкой. Наступала ночь, тихая, спокойная — даже рекламный ковёр-самолёт и тот, притомившись за день, уже не так часто звенел цепью. Агап, задрав бороду, мимоходом глянул на него и чуть не уронил свой велосипед, увидев в небе над ковром что-то необычное.

— Чего там? — Игорь тоже задрал голову,— Хм, и впрямь любопытно. У нас, в нашем мире, полнолуние, а здесь — новолуние. Астрономическая загадка прямо-таки...

— Не,— отмахнулся Агап.— Я на другое дивлюсь. Смотри, звёзды сами по себе туда-сюда шастают, вот чудеса-то!

Игорь пригляделся. Действительно, некоторые звёзды не стояли на месте, а плыли по небу... да что там плыли — многие из них неслись как разноцветные трассирующие пули, то иногда притормаживая, то вдруг меняя направление полёта.

— Сподобились,— благоговейно сказал Агап, осеняя себя крестным знамением.— Вот, Гор Батькович, и конец света настал... Славно, что мы в баньку сходили, теперь и помирать можно! Хотя не очень-то хочется...

Вверху раздался далёкий взрыв хохота, и чуть погодя рядом с ближним фонарём на мостовую упало что-то скомканное, тряпка какая-то; буквально через несколько секунд из небесной темноты к фонарю с включённой передней фарой спикировала на метле полуголая девица. На лету схватив тряпку, оказавшуюся юбкой, она показала Агапу язык и унеслась ввысь, победно размахивая над головой недостающей частью туалета.

— Тыфу ты,— в сердцах сплюнул Агап.— Я-то думал... А это попросту молодёжь бесится.— Не обращая более внимания на небесную чехарду, бородач повернулся к Игорю: — Эта, шеф, может, продуктов на дорожку прикупим?

— Само собой.— Игорь ткнул рукой в сторону разноцветных витрин.— Вперёд, на массовые закупки! Поход всё съест... Только скоропортящиеся продукты брать не будем: я, конечно, допускаю, что в наших особых рюкзаках ничего не испортится, да, но рисковать всё же не стоит.

— Правильно,— горячо одобрил слова Игоря Агап.— Я, ей-ей, больше в консервы верю, чем в бытовую магию.— И они, оседлав велосипеды, отправились за продуктами.

Закупки прошли быстро: понабрав всяческих консервов и взяв упаковку минеральной воды в первом попавшемся магазинчике, Игорь с Агапом приторочили полные рюкзаки на багажники, после чего Игорь объявил, что к походу они готовы, осталось только переночевать где-нибудь, а с утра можно и в путь отправляться. Однако тут мнения у путешественников резко разошлись: Игорь хотел остановиться в гостинице, а практичный Агап предлагал выехать за город в какой-нибудь лесок, там и переночевать. Мол, зачем зря деньги тратить, когда на дворе лето? Типа как та стрекоза, где «под каждым ей кустом был готов и стол, и дом»... вон еды сколько прикупили, почему бы и не двинуть на природу? Игорь сначала долго упирался, но, спохватившись, пересчитал оставшиеся у него монеты и вынужденно согласился с экономным предложением Агапа. Конечно, можно было потратиться на гостиницу, вполне, но где гарантия, что на счету Гонца ещё есть деньги? А ну как Игорь их все подчистую выгреб... Да и терять завтра время на поиски банка, чтобы проверить состояние счёта, совсем не хотелось — не это сейчас было главным!

Игорь внёс было поправку: найти какой городской парк и там выспаться на лавочках, но опытный Агап с ходу отмёл непрактичное предложение:

— Давно в полицейском участке не были, что ли? Им же только повод дай, заметут, и разбирайся после, кто ты, зачем на лавочке дрыхнешь... Побьют по темноте и деньги с великами отберут, ага, знаем! В лес, только в лес, к истокам, типа, природы. Там, конечно, тоже всякие разбойники бывают, ну так им и в морду дать не зазорно, не то что полицейским при исполнении.

Против этого довода Игорь возразить не смог. Спросив у продавца магазинчика, где здесь выезд из города, и узнав заодно, что они как раз находятся на восточной окраине Ростона, путешественники двинули в указанном направлении.

Меч Игорь перевесил за спину — надоело, что тот при езде по коленке всё время хлопает, — и стал похож на ниндзю, собравшегося в убивательный поход на врагов: об этом Игорю тут же любезно сообщил Агап, ехавший позади него. Агап, видимо, не любил путешествовать молча — он то затягивал какую-нибудь песню, то на ходу принимался размышлять о всяческих ненужных и отвлечённых вещах вроде того, есть ли жизнь на тутошнем Марсе и есть ли здесь Марс вообще; можно ли где в этом мире купить али спереть волшебную палочку и заделаться крутым магом или обязательно надо учиться; почему светят уличные фонари, коли в них электричества нету... При этих словах Агап отвлёкся, заглядевшись на

очередной фонарь, и немедленно врезался в столб с тем фонарём. Тут-то вопрос с освещением решился сам собой – фонарь рассыпался на сотни ярких светляков, которые покружились, покружились да вновь слипились в светящийся шар на верхушке столба. Агап встал, отряхнулся и, пока Игорь проверял, не погнулось ли колесо на Агаповом велосипеде, достал из рюкзака два полиэтиленовых пакета из-под хлеба. Бормоча, что «всё одно халява беспризорная, а нам фары нужны», Агап, пыхтя, забрался на столб и ополовинил светящийся шар. Игорь сначала возмутился, но, обнаружив, что привязанные к рулю кульки и впрямь неплохо освещают дорогу, ругаться не стал, лишь попросил впредь спокойней относиться к «беспризорной халяве». А то, не ровен час, и впрямь в полицейский участок заберут за порчу муниципального имущества. На что Агап возразил, что никакой порчи нету, а наоборот, он весьма благое дело сделал – ополовиненный рой теперь начнёт бурно размножаться и, стало быть, скоро пополнится молодыми, полными сил и света жуками. Отчего всем только польза будет, в смысле яркости омоложенного роя и рассеивания ночного мрака. Видя, что Агапа не переспорить, Игорь предпочёл поскорее уехать от разорённого фонаря, который пока что не омолодился и потому светил заметно тусклее остальных.

На выезде из города (блокпост №17, как было написано поверх здоровенного проёма в городской стене) произошла небольшая заминка: трое полицейских, вооружённых автоматами явно земного происхождения, откровенно скучающие у запертого на висячий замок шлагбаума, остановили велотуристов и потребовали багаж к досмотру. Полицейские долго копались в рюкзаках, но, не найдя там ничего достойного внимания, приволокли из постовой будки толстенную книгу с устрашающим названием «Портреты разыскиваемых» и начали сличать рисунки в книге с физиономиями задержанных, светя им в лица фонариками. Агап спокойно переносил неприятную процедуру, послушно поворачиваясь то в профиль, то анфас, а вот Игорь начал понемногу злиться: неуместное рвение стражей порядка ему уже порядком надоело.

В конце концов Игорь не выдержал, предъявил кентавра на руке и сообщил, что они едут по срочному королевскому делу и всякий, мешающий исполнению воли короля, будет наказан столь ужасно, что... Дальше слушать полицейские не стали – замок был немедленно снят, шлагбаум поднят, и Гонец со слугой, замороченные досмотром и ослеплённые фонариками, продолжили свой путь. Угроза оказалась настолько действенной, что о самодельных фарах из ворованных светляков никто из полицейских спрашивать не стал. Впрочем, ни кому из них и в голову не пришло, что те необычные фонари состряпаны из уличного светильника: разве ж будет нормальный гражданин заниматься подобной ерундой? Тем более – королевский Гонец.

Дорога, которую охраняли brave полицейские, оказалась малоезженной, заброшенной: минут через пять разбитое асфальтовое покрытие закончилось, сменившись обычной грунтовкой, а затем пошли

колдобины и ухабы. Игорь ехал не глядя по сторонам, не до того было – отвлечёшься от дороги, мигом в яму влетишь! – и не заметил, как они въехали в лес.

Лес был густой и, наверное, дремучий – по темноте не разберёшь, что там за ближними деревьями; дорога заметно сузилась и теперь более походила на широкую тропу. Было тихо, как в морге, только слышался мерный шелест колёс да далёкое уханье бессонной совы. Месяц на небе ушёл за облака, спрятались за ними и звёзды: в темноте светились лишь кульки-фары, да и те с каждой минутой становились всё тусклее и тусклее.

— Эт куда нас занесло-то? — изумлённо спросил за спиной Игоря Агап.— Я и впрямь хотел на природу, но не в такую ж глухомань! Тут небось и лешие с Бабами Ягами водятся... Гор, стой! Ну его ехать дальше, оно тут везде одинаково дико и страшно. Тем более что светляки наши, кажись, дохнуть начинают... без воздуха, поди, столько времени. Ах, я балда! Забыл дырочки в кульках проткнуть, вот они и помирают.

Игорь остановился, слез с велосипеда. Агап, расстроено побряхтывая, отвязал почти совсем погасшие кульки и вытряхнул несчастных жуков на дорогу.

— Амнистия, братцы! Пуцай живёт, кто уцелел,— мрачно сказал он, глядя, как светляки расползаются в разные стороны.— Кто ж знал, что оно так получится...

— «Гринпис» на марше,— зевнул Игорь.— Ну, гринписовец, тогда мы здесь и заночуем. Раз без света остались, дальше ехать нельзя, не то и сами покалечимся, и технику разобьём.

— Что, прямо на дороге спать будем? — уныло поинтересовался Агап.— А ну как задавят во сне... мало ли кто по ночам тут шастает! Я, по правде говоря, удивлён, что такую никчёмную дорогу столько полицейских на блокпосте охраняют. С «калашами», надо же...

— Наверное, есть причина с автоматами-то,— позёвывая, ответил Игорь.— Может, какая нечисть из леса в город по ночам лезет. А может, по этой дороге преступников-смертников в лес этапируют, где их волки едят... Кого не доели и кто назад удрал, тех на блокпосте встречают троекратным приветственным залпом, в упор. Кто знает?

— Спасибо, утешил,— окончательно сникнув, буркнул Агап.— Ладно, айда в лесополосу, ужинать и на боковую. Что-то я проголодался...

Зашелестели верхушки деревьев: поднявшийся ветер разогнал облака, вновь появился месяц, и стало немного светлее – достаточно, чтобы не наткнуться на деревья или не угодить в какую яму. Игорь, а за ним Агап сошли с дороги: впечатление что они ехали через густой лес, оказалось обманчивым – деревья по обочине дороги росли не так уж и часто, между ними вполне можно было пройти вдвоём, даже с велосипедами. Кроны деревьев – высокие и узкие, как у кипарисов, – небо почти не закрывали, в широких прорехах лиственной крыши был виден и месяц и звёзды, а вот движущихся фар-огоньков в звёздной вышине не наблюдалось: или мётлы

не могли вылетать за пределы города, что вряд ли, или полёт над лесом был запрещён.

Обнаружив среди деревьев небольшую проплешину с ровным каменным ложем, на котором даже трава не росла, Игорь предложил устроить здесь привал. Возражений не последовало: Агап вместо ответа немедленно принялся доставать из рюкзаков консервы и хлеб, сетуя, что зря они вина не прикупили, милое дело для эдакого места, типа лекарства против страха... и чем крепче лекарство, тем не страшнее, а с минералки какое лечение нервов, до утра однозначно загнёшься от ночных ужасов! Игорь, посмеиваясь, охотно ему поддакивал, к месту и не к месту упоминая то кровожадных леших с железными когтями, то кикимор-душительниц, то оборотней-убийц, — Агап воспринимал рассказы всерьёз, охал и ахал, наконец не выдержал и попросил Игоря заткнуться. Чтобы, типа, беды на них не навлечь. Игорь расхохотался, обозвал Агапа суеверным и отсталым: какие, к чёрту, лешие и кикиморы, сказки это! На что Агап, посуровев, ответил: мол, сказки-то оно, конечно, сказки. Но не для этого мира. Тут Игорь призадумался, нашёл в словах Агапа резон и немедленно заткнулся.

Поужинали в темноте — костёр раскладывать не решились, чтобы не привлечь к себе внимания ни возможных лесных жителей с когтями и зубами, ни возможных отчаянных путников с заброшенной дороги. После ужина Игорь и Агап наломали веток, до каких смогли дотянуться, и обустроили себе пару лежанок. Щедро засыпав лежанки сорванной травой и отметившись неподалёку в чахлах кустиках, путешественники завалились спать.

Когда Игорь проснулся, всё ещё была ночь: месяц висел почти там же, где и был, звёздное небо ничуть не посветлело. Похоже, Игорь спал всего полчаса от силы — судя по тому, что происходило в небе. Вернее, по тому, что там не происходило. Спать дальше Игорю совершенно не хотелось, словно он отоспал всё положенное для отдыха время, причём с лихвой. Рядом завозился Агап, тоже проснулся — сел, зевнул, потянулся.

— Это чего ж такое происходит? — хриплым со сна голосом спросил бородач. — Я того, выспался напрочь, а утра нету... Странно, однако! Ты не знаешь, в чём дело? Может, тут ночи безобразно длинные, а? Или, упаси милиция, мы на заколдованной полянке дрыхли? На которой всегда сплошная ночь. Спальная поляна, ага!

— Не знаю. — Игорь почесал в затылке. — Чертовщина какая-то...

— Погодь, — насторожился Агап. — Слышишь? Шумит кто-то в лесочке, то ли дерутся, то ли песни поют.

Игорь прислушался. Действительно, из чащи доносились едва слышные, приглушённые расстоянием и деревьями звуки: невнятные выкрики перемежались то резвым бречением на струнах, то стеклянным звоном бутылок.

— Пьянка, — убеждённо сказал Агап. — И неподалёку. Ночной пикничок с мадамами и винчишком! Очень, очень заманчиво. — Он нетерпеливо заёрзал на месте. — Пошли, Гор, к народу! Авось стакашек нальют,

расскажут чего интересного... Не сидеть же сиднем всю ночь на ветках, как сычи какие!

— А если это лесная нечисть гульки устроила? — пряча улыбку, с тревогой спросил Игорь.— Которая с когтями и клыками... с шашлыками из человечины и пьяная в никуда. Загрызут ведь! Ты об этом подумал?

— Чего тут думать,— отмахнулся Агап, предвкушающее облизываясь.— Мы сначала посмотрим, а уж затем... Дык ежели б там шашлыки жарили, то и запах был! А раз нет запаха, значит, нет и шашлыков, хоть из баранины, хоть из человечины. И вообще, нечисти бояться — в лес не ходить, вино с мамзелями не пить!

— Логично,— с серьёзным видом покивал Игорь.— Тогда бери велосипед и пошли.

— Тю,— возмущился Агап.— Зачем? Пускай железяки педальные здесь поваляются, вернёмся после и заберём. Никто их не сопрет, кому они среди ночи потребуются?

— Во-первых, уверен ли ты, что по темноте да после стакашка-другого найдёшь дорогу к полянке? — усомнился Игорь, вставая и укладывая рюкзаки на багажники.— А во-вторых, негоже странствующему рыцарю бросать своего коня на произвол судьбы. Пусть и железного!

Странствующий рыцарь, недовольно хмыкая в бороду, встал и, с неохотой взяв «железного коня» за руль, поплёлся следом за Игорем — шаг в шаг, колесо в колесо.

Шли они неожиданно долго: чудной лес обманчиво искажал звуки ночного веселья — отражаясь от деревьев, они слышались то с одной, то с другой стороны, а то и отовсюду сразу. К тому же приходилось искать обходные дорожки мимо колючих кустов, которые попадались на пути всё чаще и чаще. Минут через десять блужданий по лесу Игорь уже не смог бы наверняка показать направление к каменной полянке и был очень доволен тем, что не согласился с предложением Агапа оставить велосипеды — поди теперь найди ту поляну!

— Таки это неправильный лес, да-да,— придя к какому-то выводу, внезапно сообщил в спину Агап.— Что я, правильного леса не видел, что ли? Не лес это, а парк, точно тебе говорю! Только напрочь одичавший, неухоженный.

— Почему ты так решил? — обернувшись с интересом спросил Игорь и немедленно споткнулся, после чего оборачиваться перестал.

— Деревья нарочно посажены,— охотно стал перечислять Агап.— Не абы как, а на одинаковом расстоянии друг от дружки, хоть линейкой измеряй! Опять же, в лесу всегда самые разные деревца растут: то ёлки, то берёзки, то дубы с калинами-малинами, то лесник с ружьём... А тут, глянь-ка, все деревья одинаковые! И какой прок с них, чтобы растить в эдаком количестве? Может, они вроде корабельных сосен, а? В смысле, мачты из них делают или на спички пускают, чтобы однотипные были... — Агап задрал голову, разглядывая кроны. Разумеется, он сразу же споткнулся и упал, ненароком уронив на себя велосипед. Враз потеряв

интерес к вопросам ботаники, Агап пошёл дальше, тихо ругаясь и почёсывая ушибленный бок.

Голоса и треньканье струн, одно время ставшие заметно громче, вдруг резко стихли: Игорь начал было сомневаться, в верном ли направлении они шли, не заблудились ли окончательно, с этого странного леса станется! Но, как оказалось, не заблудились.

Поляна обнаружилась внезапно: здоровенная, с вырубленными под корень деревьями, с туристическими палатками по кругу и неперменным костром посреди лагеря. Обустроенная, не случайная поляна... Вокруг костра в отдалении, сидел туристический люд – если, конечно, это были туристы. Возможные туристы, все как один в тёмных балахонах, едва виднелись в полумраке; казалось, что высвеченные пламенем лица висят в воздухе сами по себе ни к чему не привязанными оранжевыми воздушными шариками.

Возле костра на широких чурбаках-стульях сидели двое точно в таких же балахонах, как у остальных: на коленях у одного лежала гитара, а перед вторым стояла малопонятная для Игоря конструкция – десяток разных бутылок, уложенных на специальную подставку с ножками.

— Эге, ты глянь-ка,— с нарастающим возмущением зашептал на ухо Игорю Агап.— Это ж натуральный бутылкофон! У нас на рынке один тип на таком деньгу зарабатывал, наяривал палочками на бутылках чего хочешь, хоть «Мурку», хоть Киркорова с Пугачёвой... Неужто вовсе и не пьянка у них, э? Вон, в стельку трезвые сидят, смиренные, как покойники, даже в носу никто не ковыряется! Ох и облом, зря, получается, мы через весь лес тащились... Обидно!

— Погоди страдать,— раздражённо ответил Игорь.— Давай всё ж для начала поглядим, что здесь творится, а после...

— И так понятно, чего у них тут,— с досадой сплюнул Агап.— Нормальные люди ночью в лесу песни поют, водку пьют и общаются на предмет секса, а не сидят вокруг костра истуканами. Сектанты они, ясен пень! Куклуксклановцы, одним словом. Сейчас пистолеты-топоры достанут и пойдут крушить чего ни попадя! Поймают нас, и того, обухом по башке – типа, привет от братьев по разуму...

— Господа Следопыты! — встав с чурбака, громко произнёс куклуксклановец с гитарой.— А теперь после нашей совместной молитвы поздравляю вас с открытием очередного сезона поиска уэсби! Слава уэсби! Ищущий да обрящет! Ура, господа!

— Слава! Слава! Слава! — хором проскандировали господа Следопыты.— Найдём и обрящем! Ура-а!

— Какие-то уэсбисты, блин,— совсем огорчился Агап.— Кто такие? Не нравится мне это слово, очень оно на «особистов» похоже... Сейчас ка-а-ак начнут у ребятешек тренировочные игрища, да ка-а-ак замочат они нас тренировочно, впопыхах! Дёргаем отсель, пока живые и при ногах.

— Помолчи,— вконец осердившись, шикнул на бородача Игорь.— Дай послушать! Удрать-то мы всегда успеем, было бы от чего удирать...

— Тихо, господа,— звучно хлопнув по гитаре ладонью, продолжил оратор.— Условия поиска остаются прежними, как и во всех предыдущих сезонах: тот, кто найдёт уэсби первым, имеет право воспользоваться им единолично, а после, при желании, уступить место товарищу... если, конечно, уэсби останется на месте. И если не полностью израсходуется его нынешняя разовая сила. Вопросы есть?

— У меня вопрос,— поднял руку один из сидевших поодаль от костра.— А что, если уэсби в этом году уже кто-нибудь нашёл и успел им попользоваться? А ты ищи, старайся, когда сила уэсби уже вся израсходована... Где гарантии? Я ведь немалые деньги за участие в поиске заплатил как-никак.

— Отвечаю для новичков,— повысил голос оратор-гитарист.— Уэсби появляется раз в году, строго в одно и тоже время! И существует от первой звезды одного вечера до первой звезды другого вечера. Так что вряд ли кто смог за прошедшие несколько часов его найти... Ищите, не сомневайтесь! У вас впереди сутки, не упустите свой шанс, господа Следопыты.— Последние слова, очевидно, послужили сигналом: Следопыты встали и, не разговаривая друг с дружкой, разошлись в разные стороны, растворились в темноте леса; гитарист и его молчаливый напарник остались у костра.

— Пойдём,— сказал Игорь, выходя с велосипедом на поляну. Агап, настороженно поглядывая по сторонам, засеменял рядом, на всякий случай повесив свой велосипед на плечо — чтобы им драться сподручнее было в случае чего.

— Так быстро? — удивился гитарист.— Что-то вы... О! Да это ж не наши.— Он, нахмурясь, уставился на гостей.— Кто такие?

— Паломники мы,— брякнул Агап, прикидывая, каким колесом заехать в ухо собеседнику, если тот начнёт доставать из карманов пистолеты-топоры.— По святым местам путешествуем.

— А-а,— почему-то немедленно успокоился гитарист.— Ну да, ну да... Чего ж вы сейчас? Вам днём надо было приходить! У нас лицензия на следующие двадцать четыре часа, и посторонним находиться здесь не положено.

— Дело веры не терпит отлагательства,— туманно ответил Игорь, подыгрывая нечаянной удаче Агапа.— Заблудились мы, если начистоту... А вы-то сами кто будете?

— Мы? — растерялся гитарист.— Неожиданный вопрос... Вы что, о Следопытах не слышали?

— Нет,— отрицательно замотал головой Агап,— сами мы не местные, издавека бредём: подаянием кормимся, на зорьке небу молимся, подайте, люди добрые, кто чего мо... — Он осёкся, смущённо закашлялся.— Э-э... не обращайтесь! Издержки бывшей профессии, н-да...

— Он недавно паломником стал,— поспешил объяснить музыкантам Игорь, показывая Агапу за спиной кулак.— Ещё не искоренил дурные привычки, но мы с этим боремся... Видите, велосипед на плече держит, не

опускает? Это он сам на себя епитимью наложил,— злорадно добавил Игорь.— За неуместную болтовню! Наложил и не нарушает: как встретит незнакомых людей, так сразу хватать транспортное средство на плечо и держит его до тех пор, пока с теми людьми не побеседует и не распрощается...

— Тогда я пошёл, да? — с надеждой спросил Агап.— До свиданья, люди добрые...

— Стоять,— приказал Игорь.— Разговор ещё не окончен.

Агап грустно вздохнул, устроил транспортное средство на плечо поудобнее и приготовился ждать.

— Разрешите нам остаться,— повернулся к музыкантам Игорь.— А то мы опять заблудимся... До рассвета подождём и пойдём дальше.

— Ладно,— пожал плечами гитарист.— Не гнать же вас обратно в чащобу, право. Только у меня будет одно условие: пусть ваш спутник временно откажется от своего героического самоистязания! А то стоит столбом и раздражает — такое впечатление, что сейчас по голове колесом с маху огреет.

— Запросто,— обрадовался Агап,— для хороших людей чего только не сделаешь! — И, довольный, снял с плеча изрядно надоевший ему велосипед. Игорь сердито покосился на Агапа, но тому было не до укоризненных взглядов: нарушитель епитимьи прилёг на травку, закинул ногу на ногу, сложил руки на пузе и предоставил Игорю самому вести переговоры с таинственными музыкантами-Следопытами. Главное, что были они не людоедами, не куклуксклановцами и не особистами, а на остальное Агапу было наплевать. Тем более что выпивки и развлечений всё одно не предвиделось.

— Вы говорили о каких-то Следопытах,— напомнил Игорь гитаристу.— Поясните, будьте любезны! Очень, знаете ли, интересно... Мы, правда, кое-что слышали на подходе, но всё равно ничего не поняли — уэсби какое-то...

— Не «какое-то уэсби», а Ускользящий След Бога! — подняв руку, как святой на иконе — с указующим в небо перстом, торжественно изрёк молчавший до этого специалист по игре на бутылках.— Отпечаток стопы, если понятнее. Стопы Бога, великого и благого!

— Во как,— изумлённо крикнул Агап, садясь.— Ни больше ни меньше? Круто, ничего не скажешь...

— Именно Бога,— с серьёзным видом подтвердил гитарист.— Мы так думаем. Э-э... все так думают. И король, между прочим, тоже! Иначе бы он не объявил свой охотничий парк святым местом, запретным для любых увеселительных посещений. И не закрыл бы воздушное пространство над парком для полётов на мётлах...

— След Бога? — Игорь невольно глянул вниз, не наступил ли он ненароком на тот след, но под ногами была одна трава и никаких следов на ней. Разве что пепел от костра, да и того немного.

— А вы тогда как тут оказались? — Игорь посмотрел на музыкантов.— Если всем запрещено, то...

— У нас частная королевская лицензия,— с гордостью пояснил гитарист,— ЗАО «Следопыт», профиль деятельности — туризм, развлечения и исполнение желаний! Я руководитель, Кайлер — мой заместитель.— Он дружески хлопнул Кайлера-заместителя по плечу.— А все остальные, кто в лес ушёл, — наши сезонные клиенты. Оплаченные Следопыты то есть.

— Так, с первыми двумя пунктами мне понятно.— Игорь положил велосипед и сел на траву, чего стоять, когда все сидят.— А при чём здесь исполнение желаний?

— Это же След Бога! — потрясённый невежеством гостей, назидательно молвил Кайлер.— Вы что, не понимаете?

— Погоди горячиться,— остановил его гитарист.— Видишь, люди издалека, паломники, откуда им знать, что у нас творится? Ускользающий След Бога — это, грубо говоря, такая небольшая полянка, сплошь каменная, в виде отпечатка человеческой стопы. Появилась впервые лет пятнадцать тому назад... Почему, отчего возникла — никто не ведаёт! Полянка эта особая: на одном месте долго не находится, блуждает сама по себе, переносится куда ей вздумается. Но — не дальше парка! И что любопытно, если проспать на той полянке достаточно долго — а это не сложно, время на ней, пока спишь, останавливается, — то у нашего След Бога исполняется самое заветное, самое потаённое желание. В смысле — подсознательное.

— Опс.— У Игоря вдруг пересохло во рту.— Каменная? Время останавливается? Ну и дела...

Гитарист по-своему истолковал слова любознательного паломника:

— Правда-правда! У нас без обмана — за дюжину сезонов, что я руковожу «Следопытом», восемь нашли След Бога! Первый, к сожалению, немедленно умер — как объяснили врачи-психологи, у него было очень мощное подсознательное стремление к самоуничтожению... Мы с тех пор, прежде чем договор с клиентом подписываем, обязательно его на обследование к психологу направляем. Остальные же получили то, за чем пришли... Один, например, стал министром биоэнергетики, другой приобрёл молодость и новую внешность. Третий превратился в чудовище и попёр в город, где его убили... С тех пор на входе, со стороны парка, всегда дежурят вооружённые полицейские. А одна дама обернулась жар-птицей, наверное, до сих пор летает где-то, если пожарные не подстрелили. У трёх оставшихся пока что исполнение желания никак не проявилось, но ведь ни мы, ни они не знают, чего захотело их подсознание...

— Ё-маё! — вытаращив глаза, просипел Агап.— Ё-маё! — И принялся лихорадочно себя ощупывать, словно чёртиков с перепоя затеял ловить.

— Что с вашим спутником? — поразился гитарист.— Ему плохо?

— Нет, это он лесных блох нацеплял, пока мы по парку блуждали.— Игорь нервно сглотнул.— Агап, бери свой драндулет и иди за палатки, подожди меня там.

Бородач, горестно постанывая, взял велосипед и убрёл к деревьям, где продолжил свои непонятные исследования.

— А если... если двое на каменной полянке заночуют, тогда что? — Игорь замаялся.— М-м... Предположим, что несколько Следопытов взяли и одновременно ту полянку нашли — что тогда?

— Сила уэсби на двоих не делится,— голосом проповедника известил Кайлер.— Лишь один приобщится к таинству чуда, а второй останется ни с чем. Потому-то в условиях поиска и указано: «Воспользоваться единолично»!

— А всё же,— не унимался Игорь,— как узнать, кто из них приобщился, а? Какие-то признаки имеются?

— Нет таких признаков,— отрезал гитарист.— И, собственно, почему вас это так интересует? — Он с подозрением посмотрел на Игоря.

— Чисто теоретически,— опомнился Игорь,— не более того. Просто, мне кажется, интересная логическая задачка получилась — с двумя кандидатами на исполнение одного желания... Знаете что, не будем мы, пожалуй, утра ждать. Пойдём себе потихоньку! А то и посторонним здесь находиться нелзя, и вообще дорога у нас дальняя, лучше мы по ночному холодку пройдемся, чем днём по жаре ехать.

— Ежели не секрет, куда вы направляетесь? — вежливо спросил Игоря Кайлер-заместитель, хотя по его физиономии было прекрасно видно, что ему начхать, куда и зачем направляются двое ненормальных паломников, один из которых блохастый, а другой явный дурак и вопросы у него дурацкие.

— Туда,— неопределённо махнул рукой Игорь.— К Чёртову кладбищу. Ехать и ехать...

— Ага, тогда вы правильно дорогу сократили,— одобрил гитарист.— Если в обход парка, как положено, то три дня конного пути будет. А через парк всего ничего — к следующему вечеру на кладбище приедете. То-то я смотрю, меч у вас... — Он поцокал языком.— Хороший меч! Э, так бы сразу и сказали, что на Чёртово кладбище едете, а то «мы паломники, мы не местные»... Ну, удачной охоты.— И, потеряв интерес к лжепаломникам, затренькал на гитаре что-то тихое, противное.

Игорь встал, подхватил велосипед и пошёл к Агапу.

— Вы по парку зря не шастайте,— напоследок бросил ему в спину Кайлер.— Идите только по дороге! Следопыты конкурентов не любят. Убьют ведь.— И, достав из-за пазухи барабанные палочки, принялся негромко подыгрывать своему начальнику.

Игорь подошёл к Агапу — тот, не переставая себя ощупывать, посмотрел на Игоря мокрым собачьим взглядом.

— Ты чего? — грозным шёпотом спросил Игорь.— Сдурел, что ли?

— В птицу... не хочу... — плачущим голосом проскулил Агап.— Перья ищу! Когда они проклёвываться начнут, я повешусь.

— А в министра биоэнергетики не хочешь? — едва не расхохотавшись, прошипел в ответ Игорь.— Дует отсюда! Пока Следопыты разряженный След Бога не нашли. И заодно наши лежанки там не обнаружили.

Агап, шмыгая и роняя слёзы на бороду, потащился за Игорем.

К дороге они вышли довольно скоро, почти не блуждая по парку-лесу, — как оказалось, Агап, хоть и был городским жителем, прекрасно ориентировался в лесу, даже в ночном. Вернее, хорошо помнил нужное направление: вышли Игорь и Агап аккуратно на то же самое место, откуда вошли в лес, прямоком к брошенным кулям-фарам. Не заметить кульки было трудно — они тлели в темноте призрачным зелёным светом, измазанные светлячковым фосфором.

— Нам туда,— махнул рукой Агап, и они торопливо зашагали по середине дороги, на всякий случай держась подальше от деревьев: а ну какой заполошный Следопыт из-за тех деревьев выскочит и убивать конкурентов затеется? Кто их, этих чокнутых искателей уэсби, знает...

Некоторое время шли молча. Игорь ломал голову, у кого же из них исполнилось подсознательное желание, но ответа не находил; Агап всё ещё продолжал шумно вздыхать, однако искать перья у себя перестал — то ли окончательно смирился со своей птичьей участью, то ли велосипед мешал.

Первым не выдержал Агап:

— Слышь, Гор! И как мне теперь жить дальше, э? Будто часовую бомбу в кармане ношу: когда и как бабахнет — неизвестно, но уж что бабахнет, так это непременно!

— Ты только заранее не паникуй,— уныло посоветовал ему Игорь.— А может, эта мина вовсе и не а твоём кармане лежит, а в моём! С чего ты решил, что именно у тебя исполнилось заветное желание? Тут, дружище, пятьдесят на пятьдесят...

— А и то,— озадаченный услышанным, призадумался Агап.— Хм, ведь действительно! Экий я несообразительный.— И, придя в хорошее расположение духа, зашагал куда как веселее. А чуть погода настолько уверовал в то, что опасное желание исполнилось не у него, а у Игоря и он, Агап, тут не при чём, что напрочь выбросил из головы все свои тревоги и страхи. Так они и шли дальше: Игорь, терзаемый сомнениями, и Агап, уверенный в себе. Вернее, уверенный в своей нежеланности.

Тем временем ночь стала глубокой, предутренней: месяц уплыл за деревья, но света всё одно хватало — звёзды, казалось, стали ещё ярче и крупнее; дорога словно была залита серебряным светом, каждый камушек видно. Агап подивился звёздному изобилию, дескать, никогда такой красоты не видел, потом вспомнил, где они находятся, и с опаской предположил, что в этом мире небось и инопланетяне водятся, да-да! И наверняка дуже злобные, потому как добрыми они не могут быть по определению — для чего ж тарелки строить, коли не для агрессии...

Игорь в ответ сообщил, что они, пришельцы, как тараканы, сами по себе заводятся и везде имеются; рассказал про соседа Валеру и про сонные лучи, которыми его с тарелки облучают. И о тарелке тоже рассказал – о той, что над своим домом видел.

— Вот видишь,— возмутился Агап.— Заразы они все, те инопланетяне! Потому как хороший инопланетянин трудового человека обижать лучами не станет, а вовсе стакан нальёт и в контакт вступит... И вообще, от тех чужаков того и жди, что запросто нам конец света устроят! С них станется.

— Это каким же образом? — подзадорил бородача Игорь.— Из бластеров всех постреляют, что ли? Так давно могли бы, дурное дело не хитрое.

— Нет уж,— авторитетно заявил Агап.— За бластеры и по шее ответно надавать могут, зачем же рисковать? Они, поди, гнуснее поступить могут... Надёжнее.

— И как же? — Игорю стало интересно.— Бактериями Землю засыпят? Ядами воду отравят? Озоновых дыр, в небе понаделают? Ну-ка, давай поподробнее!

— Пфе! — отмахнулся Агап.— Бактерии да яды мы и сами варить умеем в неограниченном количестве, чем и пользуемся. Вовсе не в ядах дело и не в небесных дырках... Ну, представь: эти гады нас долго-долго изучают и наконец-таки находят способ очистить нужную им Землю от вредных человек без шума и пыли. Причём сами человеки себя же и уничтожат! Типа заявляются к нам инопланетяне сразу по всем телевизорам и, само собой, по всем странам... Заявляются и радостно говорят: «Здрасьте, существа доброй воли! А мы к вам с миссией вселенской правды – вот, хотим рассказать, какие вы, блин, избранные!» И начинают плести про то, что, дескать, земляне единственные из всех космических национальностей, померев, на самом деле не помирают, а становятся суперпупермогущественными... э-э... приведениями галактического масштаба, во! Которые всё о себе помнят, которые всё могут и которых страсть как боятся и уважают во всём космосе. Потому-то, типа, Земля в изоляции, чтобы никто землянам об их избранности не проболтался, ни-ни! А эти – сподвижники и демократы – решили, значит, правду-матку в глаза резануть! Мол, великий народ должен знать, а то чего ж он непросвещённым живёт, смерти боится... Дальше всякие трали-вали, чтобы обосновать свой поступок: де, началась космическая война и они, посланцы светлых сил, проигрывают и ищут помощи и поддержки у великих землян... Или чего подобное наплести можно, какая разница!

Главное – убедить людей в том, что они после смерти становятся живее всех живых! И самоубийство тому не помеха: нет, понимаешь, ни ада, ни рая, а одна вселенская благодать для каждого! Да ещё примеров привести кучу... При их инопланетной технической развитости оно не сложно, было бы желание. Хоп – и дело готово! Проникся народ и пошёл вешаться. Или травиться, или топить, или хакириться – кто как, дело вкуса. Все религии, конечно, на дыбы и в крик, да толку-то... И обязательно

каждый день те соблазнительные байки крутить! Обязательно! Заодно интервью со свежими призраками устраивать, репортажи с мест битвы тёмных и светлых сил транслировать, то да сё...

Короче, за пол года все земляне сами себя и поубивают. Во имя помощи светлым силам, так сказать. Или из личной корысти – хорошо быть всемогущим! А кто сам по себе не убился, тем помогут... обязательно помогут! Дураков, поди, на свете много: враз добровольческие бригады организуют для помощи колеблющимся. А после той помощи и сами в галактические призраки двинут... Ну а с последними живыми инопланетяне самостоятельно справятся, если, конечно, кто в живых останется! — Агап со злостью погрозил звёздному небу кулаком: — От меня не дождётесь! Дырка вам от бублика, а не Агап.— И, сплюнув себе под ноги, крепко припечатал тот плевок каблуком. Словно инопланетянину голову раздавил.

— Да ты, Агап, настоящий философ,— восхитился Игорь.— Нет, зря ты в бомжи определился: надо было тебе в члены правительства идти, в комиссию по контактам! Главным идеологом, несомненно.

— Жизнь меня в бомжи определила,— нехотя буркнул Агап,— Сам я, что ли... А в комиссию меня всё равно не взяли бы, там психов и без того хватает! Всяких добролюбов и приглашателей, которые то зазывные письма ракетами в космос кидают, то по радио клянчат: «Прилетайте, роденькие! Ждём-с!» Разве не психи, э?

— Интересная у тебя идея,— невольно улыбнувшись, сказал Игорь.— Не насчёт психов, а насчёт инопланетян. Очень надеюсь, что она так идеей и останется... Не превратится в реальность.

— Индюк тоже надеялся,— успокаиваясь, подытожил Агап.— А его в конце концов никто не спросил, когда время пришло... О, глянь-ка, уже солнце встаёт!

Пока они шли и беседовали о тяжкой доле обманутых землян, небо заметно посветлело; впереди, над макушками деревьев, разгоралась бледная заря. В парке-лесу защebetали ранние птички; повеял свежий предутренний ветерок, зашелестел ветками деревьев – наступало утро.

— По коням! — воскликнул Игорь, садясь на велосипед.— Едем до конца парка, а там останавливаемся и завтракаем. Идёт?

— Идёт,— кивнул Агап.— Хотя, думаю, всё же лучше сначала позавтракать, а то у меня в кишках чересчур грустно... Эй! Эй!!! — Но Игорь был уже далеко и разумного предложения не услышал: пришлось Агапу догонять Игоря, невзирая на свою кишечную меланхолию.

Лесопарк закончился, когда они уже притомились ехать, особенно Агап; солнце поднялось довольно высоко, набрало силу и взялось не на шутку припекать велосипедистов. Агап, устав давить на педали, начал постепенно отставать от Игоря. Наконец, не выдержав, он сердито заорал в спину лидера гонки:

— Есть хочу, пить хочу! Ежели ты сейчас не остановишься, то я объявлю забастовку и уволюсь из похода к едрене фене! — Не успел он этого прокричать, как лес стал редеть: через минуту впереди расстилалась

холмистая, поросшая травой и мелкими кустами местность; дорога, вильнув змеиным следом, исчезла за ближайшим холмом.

Игорь остановился возле последних деревьев, слез с велосипеда и, подождав Агапа, с нарочитой укоризной сказал ему:

— Надо было тебе давно это крикнуть. Глядишь, из лесу гораздо раньше выехали бы, — и полез в рюкзачок за продуктами.

Агап шутку не оценил: он запыхался, устал, проголодался и к юмору сейчас расположен вовсе не был — уронив велосипед в придорожную траву, бородач со стоном упал рядом, в тенёчек.

— Гады они, — помолчав, сказал Агап.

— Кто, инопланетяне? — Игорь оторвался от рюкзачка.

— Нет. — Бородач сердито хлопнул рукой по велосипеду. — Эти, как их... производители, во. Которые велосипеды самоходным колдовством не снабдили! Типа в целях физкультурного оздоровления, н-да-а... Сейчас как поймал бы их да как наkostenял бы им от души, чтобы поменьше о физкультуре хлопотали, а побольше обо мне, бедном туристе, заботились! — Закрыв глаза, Агап полежал, полежал да и захрапел.

— Не спи, я завтрак откупориваю, — предупредил Игорь, вскрывая банку тушёнки; Агап пробормотал что-то невнятное и захрапел того пуще. — Ладно уж, отдыхай, — милостиво разрешил Игорь. — Всё одно консервы от тебя никуда не убегут. — Он щедро наложил на ломоть хлеба тушёного мяса и пошёл осматривать место, где они устроили привал. На всякий случай осматривать, мало ли что...

Ничего особенного здесь не оказалось: те же высокие деревья, чахлые кусты да ржавые консервные банки под теми кустами, грязные бутылки и прочий мусор — первый и основной признак развитой цивилизации... Единственное, что заинтересовало Игоря, — это засохшее деревце у дороги, стоявшее особняком, на отшибе леса. Деревце вовсе не походило на высоких кипарисовых великанов из королевского парка, было оно похоже на яблоню, только вместо плодов кто-то развесил на сучковатых ветках глиняные игрушки. Расписных игрушек оказалось много, самых разных по цвету и форме, он все они изображали птиц. Игорь постоял, дожёвывая бутерброд и любясь яркими красками, соображая, для чего же потребовалось столь необычно украшать сухое дерево, но, ничего не придумав, вернулся к велосипедам.

Агапа на месте не было. Игорь с тревогой завертел головой, выискивая бородача, но тот уже вышел из-за деревьев, на ходу подтягивая штаны.

— Вот, — довольным голосом сказал Агап, — место в организме для еды освободилось, теперь и пожевать можно.

— Верная мысль, — спохватился Игорь. — Пойду-ка я тоже в лесочек прогуляюсь, на природу посмотрю. — Он отряхнул руки от крошек и направился к деревьям.

— Только ты левее бери! — крикнул ему Агап. — Ежели прямо, так я там уже того, основательно всё осмотрел. — И расхохотался, довольный собственной шуткой.

Когда Игорь выбрался из кустов, Агапа на месте опять не было: неугомонный бородач, прихватив открытую Игорем банку, стоял возле дерева с игрушками и рассматривал их, открыв рот. Похоже, он забыл и о недоеденной тушёнке, и о горбушке, которую он обмакнул в тушёнку.

Игорь подошёл к Агапу:

— Нравится?

— Очень,— еле слышно ответил Агап.— У меня в детстве такие же были... Свистульки это! Я, когда малышом был, всё один да один в хате сидел: мамка, бывало, запрет, свистульку да кринку молока с хлебом оставит, а сама в поле, до самого вечера работать... — Агап шмыгнул носом, вспомнил о тушёнке, быстро вымакал её краюхой и отбросил пустую банку в сторону.— Возьму-ка я птичку на память,— решил он, вытирая руки о рубашку.— Уж не знаю, для чего и почему тут свистульки поразвесили, но от них не убудет, верно?

Игорь не успел сказать, что не дело хвататься в колдовском мире за непонятные предметы, — Агап одной рукой взялся за ветку, другой — за ближнюю свистульку.

Едва Агап прикоснулся к глиняной птичке, как случилось неожиданное: игрушечная птаха, миг перестав быть игрушечной, забила крыльями — порвав удерживающую её нитку, она с громким чириканьем унеслась в небо. Агап отскочил в сторону, едва не сбив с ног Игоря, и уставился на дерево с видом перепуганного дикаря, которому только что показали работающую бормашину.

— Ты цел? — Игорь хлопнул Агапа по плечу.— Цел, спрашиваю? Не заколдовался в кого? — Агап выругался дрожащим голосом, загнул такое, что Игорь понял: не заколдовался.

— Нашёл себе развлечение, за волшебных птиц хвататься, эх ты.— Игорь и сам испугался, кто ж подобных фокусов не испугается-то! — Пошли отсюда. В следующий раз думай, когда...

Агап, не слушая Игоря, вновь шагнул к дереву и уже нарочно, без опаски, ухватил двумя пальцами очередную глиняную птичку: птица, рванув из руки Агапа, тоже унеслась в небо.

— Ты что, сдурел? — Игорь взял Агапа за плечо, потянул его от дерева.— С ума сошёл, да?

Агап, мимоходом стряхнув руку Игоря с плеча, коснулся пальцем следующей игрушки, потом другой, третьей... Птицы, обрывая нити, одна за другой с щебетом уносились в небо: вскоре дерево стояло голое, без единой игрушки... Да голое ли?

Деревце на глазах оживало: ствол и ветки потемнели, налились соком; из набухших почек тут же проклюнулись клейкие молодые листики — через несколько минут дерево, живое, молодое, шелестело на лёгком ветерке новой, ярко-зелёной листвой.

— М-м... Ничего не понимаю,— честно признался Игорь.— Слушай, Агап, а что случилось-то?

Бородач повернулся к Игорю: такого счастливого Агапа Игорь ещё ни разу не видел. Даже когда они были у Фибии.

— Я эта... — Агап с трудом находил слова,— я, типа... Оживил я их, веришь? Всех — оживил! И дерево заодно, случайно.— Агап смущённо захихикал, словно какую глупость ненароком учудил.— Только вот руки замёрзли,— пожаловался он Игорю, пряча ладони под мышки.— Будто в снежки долго играл.

— А... э... — не сразу нашёлся с ответом Игорь.— Ты уверен? Ну, насчёт того, что это твоя работа?

— Угу,— млея от счастья, кивнул бородач.— Без сомнений, моя. Я знаю, я почувствовал!.. Это знаешь чего? Это моё подсознательное желание исполнилось, вот как. Я же в детстве сильно переживал, что игрушки не живые! Один, понимаешь, в хате, маленький, сопливый, а они — неживые...

— Тогда я тебя поздравляю,— с чувством сказал Игорь.— Я очень, очень за тебя рад! — Хотя более всего он был рад тому, что наконец-то разрешился мучавший его вопрос: у кого из них и как сработает волшебство уэсби. Сработало у Агапа, и сработало далеко не худшим образом!

— Слушай, а может, я святым каким стал? — вспомнив что-то, внезапно расстроился Агап.— Как ты думаешь, а? Святой я или нет?

— Какая разница? — пожал плечами Игорь.— Серьёзно, какая?

— Дык святым, поди, жениться нельзя,— закручившись, ответил Агап.— А я вон с Фибией договорился встретиться...

— Конечно, не святой,— поспешил успокоить товарища Игорь.— Ну какой из тебя святой, ты сам подумай! Святые — они все благообразные, старые, с обязательными нимбами вокруг головы. У тебя нимб есть? То-то же! Не святой ты, и всё тут.

Агап слабо улыбнулся, доверчиво глядя на Игоря: быть святым ему явно не хотелось.

— Ладно,— решив, что достаточно успокоил Агапа, сказал Игорь.— Позавтракать мы позавтракали, со святостью тоже разобрались... Пора и в путь! Чудеса чудесами, но и дело надо делать.— Игорь повернулся и пошёл к велосипедам. Конечно, он был здорово потрясён случившимся, что есть, то есть... Но сейчас всё же лучше не говорить с Агапом на эту тему: пусть сначала немного привыкнет к своим удивительным способностям, а уж затем и потолковать можно будет.

Агап остановился возле своего велосипеда, спрятав руки за спину и в нерешительности постукал ногой по колесу.

— Проблемы? Колесо спустило? — нахмурился Игорь.— А ведь в магазине обещали, что подкачивать не придётся... Жулики, одно слово!

— Нет,— замялся Агап.— Я, знаешь, боюсь его теперь руками трогать. А ну как оживёт и начнёт меня рулём бодать! Или в лес укатит, ищи его после...

— Вряд ли куда твой велосипед без седока уедет.— Игорь подмигнул Агапу.— Ты ж на нём уже столько от Следа Бога проехал, и никаких намёков на оживление не было! Сдаётся мне, что оживлять ты можешь лишь то, что внешне похоже на живое... или было живым. А велосипед — разве ж он похож на какое-нибудь существо?

— На козу он похож,— оценивающе глянув на машину, сказал Агап.— На тощую.

— Ах да! Действительно, коза, самая натуральная,— с серьёзным видом согласился Игорь.— С колёсами и педалями, как положено... Залезай в седло, хватит самого себя пугаться. Кстати! Ты вот что,— вдруг остановил Игорь Агапа, закинувшего было на велосипед ногу.— Ты нынче подальше от каждого памятника держись, понял? А то зацепишь рукой нечаянно, он и пойдёт гулять сам по себе. Ладно, если это каменный лев случится, на то охотники есть или солдаты с гранатомётом... а ежели какого политического вождя мимоходом оживишь? Представляю, какая смута в государстве начнётся!

— Перчатки куплю,— решил Агап.— Когда в город вернёмся, так первым делом и куплю: белые, пижонские. Как у Майкла Джексона.

— Ого! — изумился Игорь.— Ты и о Майкле Джеконе слышал?

— Что я, совсем неграмотный? — обиделся Агап, нажимая на педали и трогая с места.— Кто ж о нём не знает! Известный американческий писатель... Ужасики пишет, чтоб ты знал.— И уехал, оставив Игоря потрясённым глубиной своих познаний.

...Дорога вилась среди холмов бесконечной лентой, вилась, но не меняла своего основного направления — на восток. Холмы, поросшие травами, напоминали своей правильностью то ли могильные курганы, то ли крепостные валы без крепостей: ни одной постройки на тех холмах не имелось, ни хатки, ни сарая.

Было тихо, только где-то высоко в небе едва слышно щебетали птицы, возможно, те самые, оживлённые Агапом. Полуденное солнце пекло немилосердно: тёплая минеральная вода, запасённая в дорогу, жажду не утоляла. Да и нельзя её было пить много по такой-то жаре! Агап, новичок в туристических походах, по незнанию выдул на очередном коротком привале целый литр и теперь еле-еле шевелил ногами, исходя потом и громко икая. Игорь, досадуя на себя, что вовремя не предупредил Агапа, ехал рядом с ним — скорость, конечно, была черепашья, с такой скоростью только покойников на кладбище возить, чтобы прохожие успели вдоволь полюбоваться на усопшего... Агап, икая, согласился с Игорем, добавив, что они как раз на кладбище и едут, и вообще незачем слишком торопиться, всё равно все там будем... Лениво переругиваясь, туристы ехали и ехали: холмы не кончались, жара не убывала, Агап продолжал икать — в общем, тоска, а не путешествие!

Потому-то пролетевшую по небу ступу заметили и Игорь, и Агап: жёлтая ступа — с белыми, как у такси, шашечками на днище — бесшумно промчалась в вышине над их головами и опустилась где-то впереди, за

холмами. Чуть погода ступа вновь появилась и, набрав высоту, умчалась в обратном направлении.

— Бли-и-ин! — останавливаясь, в сердцах выругался Агап.— Ох и дураки мы, Гор! Можно ведь было на такси, как порядочные люди, с ветерком и быстренько... Что ж ты мне про ступы-такси не рассказал, а?

— Я и сам только что про них вспомнил,— смутился Игорь.— Увидел шашечки на днище и вспомнил. Да чего уж там! Если бы мы на такси к Чёртову кладбищу добирались, разве ж ты получил бы неожиданный подарочек от уэсби?

— Эт точно,— светлея лицом, согласился Агап.— Твоя правда! Опять же, физкультура для ног.— И неожиданно рыгнул, выпуская из себя газ от минералки.— О, наконец-то на место упало! — прислушавшись к своим ощущениям, обрадовался Агап.— И икота прошла... Можно ехать. Я готов!

Путешественники надавили на педали, в спицах зашумел ветер: вновь потянулись чередой безжизненные холмы, вновь стала разворачиваться перед колёсами пыльная дорога.

Игорь и Агап продолжали ехать рядом, ширина дороги вполне позволяла...

Арбалетная стрела, толстая, железная, мелькнула перед носом Игоря и попала в ступицу переднего колеса Агапова велосипеда, вышибив колесо из вилки напрочь: Агап, коротко вякнув, перелетел через руль и покатился по дороге. Игорь, ударив по тормозам, соскочил с велосипеда. Стреляли откуда-то справа, сверху. И следующая стрела наверняка должна была попасть в цель... и вряд ли той целью был Агап.

— Убегай, скорей! — крикнул Игорь Агапу.— Прячься за холм! Я сейчас.— Что означает «сейчас», Игорь пояснять не стал, некогда было, счёт шёл на секунды. На те секунды, что требовались для перезарядки тяжёлого арбалета, полминуты в лучшем случае...

Выдернув меч из ножен за спиной, Игорь побежал к вершине холма, откуда стреляли, побежал со всех ног, отсчитывая секунды, — если поторопиться, то вполне можно было успеть застать неизвестного арбалетчика невооружённым... Вернее, с незаряженным арбалетом.

Впрочем, спешил Игорь зря: одетый во всё чёрное арбалетчик, бросив громоздкий самострел в траву, стоял на вершине, уперев одну руку в бок, а вторую положив на рукоять длинного меча. Стоял и улыбался, глядя, как Игорь поднимается к нему, — щерился острозубой, клыкастой улыбкой от уха до уха. Или не улыбался, а скалился перед укусом, кто их, серпенсов, знает... Узкие глазки-щёлки смотрели на Игоря холодно, бесстрастно. Морда наёмного убийцы, покрытая прозрачной чешуёй, глянцево поблёскивала на солнце; посреди лба серпенса был замечен свежий шрам необычной формы, напоминающий зигзаг молнии.

— Вот так Гарри Поттер,— удивился Игорь, останавливаясь в отдалении от серпенса и восстанавливая дыхание: раз тот не напал сразу, то, скорее всего, небольшая передышка всё же получится. А большего

Игорю перед сражением и не нужно было – то, что поединок состоится, сомнений не вызывало.

— Знаю. Читал.— Серпенс невольно коснулся рукой шрама на лбу.— Забавная книжка... Если ты решил, что я отыскал вас лишь для того, чтобы свести с тобой счёты за позорное клеймо на лбу, то ты ошибся. Дело есть дело – я должен был тебя убить, ты защищался, всё правильно... Если бы между нами стояло нечто личное, я бы тебя уже давно застрелил, там, на дороге. А я всего лишь остановил.

Серпенс выдернул меч из ножен, крутанул им сбоку от себя, профессионально крутанул – солнце частой рябью блеснуло по тщательно полированной стали; на руке серпенса сверкнул мелкими изумрудами серебряный браслет, которого Игорь раньше не видел.

— Впрочем, есть у меня к тебе, как и в прошлый раз, кой-какой интерес,— сообщил серпенс, останавливая меч.— Мой долг перед сородичами!.. Ты должен умереть не где-то там, а здесь и сейчас, держа меня за руку перед смертью.

— Минутку,— остановил его Игорь.— А как ты, собственно, тут оказался?

— Проход между двумя мирами открыт с сегодняшнего утра,— любезно пояснил серпенс, поигрывая мечом.— Я первым делом сходил к магу-косметологу, убрал со лба клеймо и отправился за тобой... Сам понимаешь, с такой меткой я к тебе и на арбалетный выстрел подойти не смог бы.

— А как? Как ты меня нашёл?! — воскликнул Игорь, но серпенс не ответил: он кинулся в атаку. Двигался серпенс быстро, ещё быстрее скользил его меч – только что клинок был где-то в стороне, а сейчас уже падал на Игоря, наискось, чтобы развалить его от плеча до поясицы...

Время для Игоря неожиданно – и вовремя! – узнаваемо замедлило свой бег, растянулось, сделав движения серпенса плавными, как у космонавта в невесомости; выскользнув из-под рубящего удара, Игорь отпрыгнул вбок. Серпенс вяло повернул морду в сторону Игоря, в его щёлках-глазах скользнуло удивление... или страх... что именно, понять было невозможно – мимика у змеечеловека отсутствовала напрочь. Развернувшись к Игорю, серпенс вновь напал на него: в этот раз наёмный убийца двигался быстрее, гораздо быстрее! Хотя всё равно медленно – Игорь хоть и неуклюже, но без особого труда отвёл сокрушительный удар и даже атаковал сам. Лезвие катаны распороло рубаху на груди серпенса, бестолково скользнув по его чешуе. Впрочем, неудачная атака ничуть Игоря не расстроила и не напугала: за секунды боя он вспомнил, как надо сражаться на мечах... Не головой, нет – телом вспомнил! Словно посвятил тренировке многие годы, словно не единожды вступал в схватки, которые, впрочем, не всегда для него заканчивались удачно... И новый избранник добавлял свой жизненный и боевой опыт в копилку бессмертного духа по имени Гонец.

А ещё Игорь вспомнил, как надо серпенсов убивать.

Меч наёмного убийцы сделал короткий полукруг, метя лезвием Игорю в висок; Игорь ушёл вбок, присел и, словно танцуя «казачок», ударил серпенса ногой в коленный сустав, изо всей силы. Нога змеечеловека с хрустом подломилась, серпенс всплеснул руками, упустив от боли меч — тот медленно унёсся в даль сверкающим бумерангом, — и стал заваливаться на бок. Игорь небрежно воткнул серпенсу лезвие катаны в живот почти по рукоять: снизу вверх, против чешуи, до горла — неизящно воткнул, по-простому. Как на шампур нанизал. Воткнул, тут же выдернул клинок и, упав, откатился в сторону — удар был нанесён смертельный, верный: сердце у серпенсов находилось там, где у людей располагалось солнечное сплетение.

Время, словно очнувшись, вернулось к прежнему ритму — наёмный убийца кулем упал на землю, скорчился, ухватившись руками за живот.

— Как ты меня нашёл?! — крикнул Игорь, торопливо поднимаясь на ноги и подбегая к серпенсу. — Кто тебя послал? Почему ты хотел стать Гонцом? Какой долг?

Змеечеловек смерил Игоря безразличным взглядом, не ответил. И умер.

— Зря ты всё это затеял... Извини. — Игорь развернулся, сорвал пук травы и, на ходу обтирая лезвие катаны, пошёл вниз, к брошенным велосипедам. На душе у него было смурно: Игорь впервые убил, пусть и не человека, пусть оборотня, но убил. И то, что до него это делало множество Гонцов, никакого утешения ему не приносило.

Агапа возле велосипедов не было, спрятался где-то, как Игорь и приказал.

— Выходи, — громко сказал Игорь, — отбой воздушной тревоги! — Он убрал меч в ножны за спиной, сел на рюкзачок с консервами и принялся неспешно растирать ноги и руки, массируя мышцы: всё тело болело, словно он несколько часов подряд таскал на себе тяжёлые мешки. Видимо, сказывалась беготня в ускоренном режиме, да и отсутствие нужной физической подготовки тоже давало себя знать — память о былых тренировках никак не заменяла сами тренировки.

Агап крадучись выбрался из-за соседнего холма — живот и грудь у него были в сухой траве, в бороде застрял репей — и, опасливо поглядывая на вершину, где только что закончился поединок, подошёл к Игорю.

— Чего там было-то? — громким шёпотом спросил он. — Кто в нас стрелой пулял, а? Местные террористы, да?

— Знакомый твой. — Игорь встал, ноги ещё болели и предательски дрожали, но стоять было можно. — Оборотень, который полковником милиции прикидывался, помнишь?

— Помню, — обрадовался Агап. — Он должок мне не передавал?

— Забыл, наверное, — усмехнулся Игорь. — Не до того ему было: он как раз убивать меня собрался. Да вот, не получилось у него...

— Эге, — выдирая из бороды репей, догадался Агап. — Ты, стало быть, раньше успел! Ну и ладно, ну и чёрт с теми деньгами, хотя и жаль. Слушай,

а давай я оборотня попробую оживить, вдруг получится? Ты его насчёт долга поспрашиваешь, он мне деньги вернёт, а после ты гада снова зарежешь. Как идея?

— Не очень,— поморщился Игорь.— Совсем не очень! Не хочу я больше никого резать, хватит. Поехали-ка дальше, дел невпроворот.— Игорь посмотрел на велосипеды, с досадой стукнул кулаком по ладони.— Ах да! Ты ж теперь безлошадный, какая незадача...

— А мы пешочком,— бодро предложил Агап.— По-простому, без затей. На целый велик рюкзаки сложим и будем его по очереди вести, делов-то!

— Можно и так.— Игорь переложил рюкзачок с покалеченного велосипеда на исправный, и они отправились в путь дальше.

Холмы постепенно сошли на нет: местность разгладилась, превратившись в равнину; наконец-то поднялся лёгкий ветер, которого так не хватало среди холмов. Везде, куда ни кинь взгляд, расстилалось травяное море, зелёное, беспокойное от ветра; воздух пах горячей пылью, травой и полевыми цветами. Дорога всё также тянулась вдаль, и не было ей ни конца, ни края.

Агап брёл за Игорем, ведя за руль надоевший ему велосипед: одно дело ехать на нём, и совсем другое – вести рядом с собой, тем более с рюкзаками на багажнике. И хотя возились с велосипедом они по очереди, но Агапу уже давным-давно надоело это развлечение и он всерьёз подумывал, как бы незаметно для Игоря потерять осточертевшую таратайку.

— Меня терзают смутные сомнения,— приложив ладонь козырьком ко лбу и вглядываясь в травяной простор, огорчённо сказал Игорь.— Сомнения по поводу Чёртова кладбища... Нигде его не видно! Одна степь да степь, чтоб её! Хоть бы кого встретить, дорожку расспросить... Вымерли они здесь, что ли?

— Может, холера какая с народом случилась? — озаботился Агап.— Потому и нету на дороге никого, все по домам сидят, аспирином печатся... О, глянь-ка! — Агап ткнул рукой вперёд.— Видишь? Там, на дороге, вроде бы камень здоровенный лежит! Может, указатель какой? Я, слышь, сейчас быстренько к нему смотаюсь, гляну, что к чему, а ты подходи.— И, вскочив на велосипед, резво укатил к тому камню. Игорь и рта раскрыть не успел.

...Действительно, на дороге лежал камень – большой, серый от грязи, с высеченной надписью, классический камень-указатель. Разумеется, дорога в этом месте разделялась на три направления: основное, которое перегораживал тот камень («И хватило же у кого-то ума поставить каменюку именно на проезжей части!» – подивился Игорь), и два широких ответвления, две старые тропы, уходящие влево и вправо от главной дороги.

Возле камня, пригорюнившись, сидел Агап, разглядывая погнутые колёса велосипеда с торчащими из них во все стороны спицами – колёса были изуродованы настолько, что восстановлению в походных условиях не подлежали. В стационарных, впрочем, тоже.

— И чего на этот раз приключилось? — поинтересовался Игорь, останавливаясь перед тоскующим Агапом.— Дорожно-транспортное происшествие? Вижу, вижу... Жертвы есть?

— Оно само! — Агап встал, для убедительности стукнул себя в грудь.— Это камень во всём виноват! Он заколдованный, ей-ей! Такая, знаешь, противовелосипедная магия... Еду я, еду, подъезжаю к камню, а велосипед — хрясть! И нету колёс.— Агап посмотрел в глаза Игорю честным, невинным взглядом.

— Бывают такие вредные камни,— сочувственно покивал Игорь, обходя камень по кругу: на обратной стороне указателя белели свежие царапины и вмятины, словно по камню изо всех сил били чем-то тяжёлым.— Колдовские камни, само собой! Что ж, ничего не поделаешь, придётся дальше рюкзаки на себе нести.

— Я согласен,— быстро ответил Агап.— Всё ж лучше, чем с велосипедом тащиться! Надоел он мне хуже палёной водки... Удачно каменюка подвернулась, правда?

— Правда,— задумчиво ответил Игорь, пытаясь разобрать надпись на камне.— И впрямь удачно... Удачно то, что теперь мы знаем направление! Агап пристроился рядом с Игорем.

На камне было лаконично высечено: «Направо — Чёртово кладбище; прямо — поселение кошкоколовых; налево — не ходить!» Агап, оттопырив нижнюю губу от усердия, старательно пытался вникнуть в написанное.

— Хм... и почему налево не ходить? — в раздумье спросил он.— В смысле, вообще налево ни-ни? Вроде как от жены? Или в этом есть некий конкретный смысл? Типа дракон там живёт и всех харчит, невзирая на паспорт и прописку...

— А ты сходи, проверь,— между делом посоветовал Игорь, перевешивая меч на пояс и надевая рюкзак.— Так уж и быть, подожду тебя. Только ты не долго — одна нога там, другая здесь!

— Что я, головой больной, что ли? — отмахнулся Агап.— Вот ещё! Поди, не зря людьми упреждение на камне накарябано, они, люди, врать не станут... Ежели, конечно, корысти какой не будет, а то наврут, само собой.— Агап надел рюкзак.

— Тогда нам направо,— решил Игорь, и они двинули по старой, местами заросшей колючим сорняком тропе.

...К Чёртову кладбищу путники вышли часа через два, сделав по пути короткий привал и пообедав: Агап категорически настоял на обеде, мол, неизвестно, когда ещё поесть придётся! А разбираться со всякими Чёртовыми кладбищами и их обитателями на голодный желудок неинтересно до крайности — с голодухи, поди, и напугаться чересчур можно...

Вначале показалась островерхая крыша небольшой часовенки, потом стали видны и могильные плиты вокруг неё: издали казалось, что кто-то небрежно разбросал по полю серые костяшки домино, повтыкал их в землю как попало. Некоторые плиты от старости просели до половины,

некоторые попадали — никто не ухаживал за позабытым кладбищем, не доглядывал за местом последнего упокоения... То ли не могли доглядывать, то ли не хотели.

Подойдя ближе, Игорь увидел, что кладбище обнесено ржавой колючей проволокой, намотанной на бетонные столбы: проволока во многих местах прогнила и свисала бурыми шматками, ничего не ограждая. Земля на кладбище, как ни странно, оказалась голой и утопанной — ни травинки, ни былинки, словно тут ежедневно маршировал отряд солдат, аккуратно между осевшими могилами.

Игорь остановился перед дырой в гнилом заграждении, внимательно оглядел кладбище: никакой угрозы вроде бы не предвиделось. Да там, похоже, вообще никого не было — ни скорбных посетителей, ни вечно пьяного кладбищенского сторожа... ни кошки, ни собаки. Ни птиц в небе... Даже ветер утих: тишина стояла настолько мёртвая, что было слышно, как у Агапа бурчит в животе.

— Не нравится мне тут,— шёпотом сказал Агап.— Стра-а-ашно! У меня даже живот прихватило... Ой, не к добру эта тишина! Ой, к беде!

— А куда деваться? — тоже шёпотом ответил Игорь.— Раз пришли, надо ж чего-то делать. Идти надо! Вон скоро вечереть начнёт, солнце зайдёт, и тогда ещё страшнее будет... Не собираешься же ты возле покойников ночевать?

— Этого ещё не хватало,— заволновался Агап.— Ладно, пошли, коли выбора нету. Рюкзаки с собой берём или здесь оставим?

— Лучше оставим.— Игорь снял рюкзачок с плеч, уронил его на землю.— Что сейчас случится, не знаю, но в любом случае они только мешать будут.

— И то верно.— Агап тоже скинул рюкзак.— Порожняком оно и драпать легче, кто бы сомневался...

Игорь осторожно ступил за ограждение, сделал пару несмелых шагов — и ничего не произошло. Не разверзлась с грохотом земля, не покачнулись серые плиты, и не выскочили из могил скелеты с зубастыми улыбками: всё осталось по-прежнему.

— Ну, слава тебе, Господи! — облегчённо вздохнул Агап, перешагивая через обрывки проволоки.— Лежат, убогие, и не дёргаются... Глядишь, ничего страшного и не станется, дойдём мы до часовенки живы-здоровы...

Словно в ответ на эти слова позади него раздалось короткое пронзительное шипение, будто кран на газовом баллоне свернули; Агап прыгнул вперёд, а уж потом оглянулся. Игорь замер и тоже посмотрел назад.

Чуть ближе к ним от колючей изгороди, перед редким частоколом бетонных столбов возникла полупрозрачная стена: поднимаясь ввысь, она смыкалась куполом над Чёртовым кладбищем, накрывая его непроницаемым колпаком. В стене, словно грозовые молнии, бесшумно полыхали ярко-голубые электрические разряды — пути назад не было.

— А-а! Заборонили, демоны! — в ужасе завопил Агап, отшатываясь от стены; Игорь в два прыжка подскочил к бородачу и оттащил его от опасной преграды. Агап, выпучив глаза и надривно мыча, потыкал пальцем куда-то за спину Игорю: Игорь резко обернулся.

На могилах стояли люди. Вернее, призраки, откуда здесь людям взяться-то... Но очень и очень вещественные призраки! В богатых старинных одеждах, с золотыми цепями-украшениями на груди, с унизированными драгоценными перстнями пальцами и, что было особенно неприятно, все при оружии. Оружие — кривые пиратские сабли и морские кортики — ничуть не походило на декоративное: клинки сабель, небрежно заткнувших за широкие пояса, были заметно щербаты от частого употребления, а на потёртых ножнах кортиков виднелись тёмные пятна крови.

— Кто это? Кто это? — заголосил Агап, у которого от страха вся борода встала дыбом.— Гор, разве ж это покойники? Это ж убийцы, бандиты с большой дороги! А где нормальные покойники? Нет, я так не договаривался.— И чуть не кинулся к электрической стене, хорошо что Игорь его на месте удержал.

— Эй, могильные воры! — сложив руки на груди и холодно улыбаясь, сказал ближний из призраков, рыжий как морковь, с безобразным шрамом через всё лицо.— Что же вы, воры, а? Прийти — пришли, а на большее кишка тонка? Не ожидали, что всё не так уж просто будет, да? Надеялись пошарить в могилах и смыться, салаги... От нас не смоешься.— И хрипло расхохотался. Вместе с ним расхохотались и остальные призраки.

— Мы не могильные воры,— твёрдо сказал Игорь, придерживая покусывающего Агапа за плечо.— Мы понятия не имели, что здесь кто-то живёт... э-э... вернее, обитает. Не нужны нам ваши драгоценности!

— Все так говорят,— ухмыльнулся призрак.— Дальше ты скажешь, что на самом деле тебе надо в часовню, заупокойную молитву о былых хозяевах этого кладбища прочитать: друг у тебя здесь раньше похоронен был, или брат, или отец... Надо в часовню-то?

— Надо,— не понимая, к чему клонит собеседник, вынужденно согласился Игорь.

— Вот видишь,— вновь расхохотался призрак.— Как по писанному, ни ума, ни фантазии! Ладно, воры, хватит ругаться в пустую... У нас закон простой: будешь драться, с кем пожелаешь. Если победишь и отсечёшь ему башку, то могильные сокровища побеждённого — твои. А не победишь, то останешься у него рабом навсегда! Посмертным рабом, разумеется,— уточнил призрак.

— Да не хочу я ни с кем драться! — взорвался Игорь.— Делать мне больше нечего... Мне нужна часовня, а не ваши клады, чёрт бы их побрал!

— Эй, ты поосторожнее с такими-то желаниями,— нахмурился, предупредил Игоря призрак.— А то и впрямь сбудется: морской чёрт клады поберёт, мы освободимся от сдерживающего заклатья и такое тебе

устроим за нашу потерю, такое, что рад будешь умереть, но мы тебе не позволим. Мы умеем!

— А кто вы такие, а? — услышав о сдерживающем заклятии, высунулся вперёд осмелевший Агап.— Бандиты или просто так, типа для самообороны с саблями погулять вышли?

— Пираты мы,— охотно и гордо ответил призрак, приосаниваясь.— Люди вольного труда, прожигатели жизни!

— Я и вижу, что прожгли уже,— ехидно заметил Игорь.— Вон, на вечную стоянку посреди равнины определились, откуда и моря-то не видно!

— Много себе позволяешь, салага! — зло насупился призрак.— Не твоего ума дело, где мы определились... куда нас определили,— с нажимом сказал он.— Старых постояльцев мы отсюда выкинули, и теперь это наша бухта! И нечего попусту болтать, пришёл – действуй! — Призрак выхватил из-за пояса саблю и приглашающее поманил ею Игоря к себе.— Давай-давай, мальчишка, повесели меня дракой! Давненько я не плясал на чужих похоронах.— Он язвительно засмеялся.

— Вот неугомонный,— осерчал Агап.— Тебе же ясно сказали, что нам драка не нужна. Мы хотим всего лишь тихо-мирно зайти в часовню, помолиться там как следует и свалить отсюда, тоже тихо-мирно... Зачем нам разборки? Вовсе ни к чему!

— Запросто,— посмеиваясь, ответил призрак.— Побеждаете всех, кто стоит на пути к часовне, и молитесь там сколько душе угодно. Ну и золотишко из могил заодно забираете, трофеи, за которыми вы и пришли, само собой!

— Понятно.— Игорь демонстративно сложил руки на груди.— А если мы не собираемся драться, что тогда?

— Тогда с голоду здесь подохните,— сверкнул глазами пират.— Стена никуда не денется, пока вы не победите одного из нас! Если сможете, конечно. А и сдохнете, не беда: мы вас в карты разыграем, к кому в услужение пойдёте... Запомни, салага, — это место проклято! И мы его проклятие.— Призрак потрогал пальцем остриё сабли, покосился на Игоря и спросил будничным голосом: — С кого начнёшь?

— Я не буду с вами драться,— ровным голосом ответил Игорь.— С вами всеми – не буду.

— А с кем будешь? — очень заинтересовался пират, даже вперёд подался, насколько могила позволяла.

— Да с кем угодно, только не с вами,— отрезал Игорь.

— С нами, кто стоит перед тобой? — деловито уточнил призрак.

— Д-да... — Игорь почувствовал какой-то подвох, но отступать было некуда.— Именно! Не с вами, стоящими передо мной. И точка!

— Слово сказано,— удовлетворённо сообщил пират остальным призракам.— Все слышали?

— Все! — в восторге заорали пираты, потрясая над собой кривыми саблями.— Ура капитану! Ура! Наконец-то ему свезло!

— Ты сделал выбор,— хихикая, сказал призрак, повернувшись к Игорю.— Капитан, уверен, останется доволен! Он, понимаешь, любит молоденьких салаг и, когда ты станешь его рабом, будет обращаться с тобой весьма нежно.— Загоготав, пират растаял в воздухе; одновременно с ним исчезли и все остальные призраки.

— Едрить твою налево,— только и сказал Агап; Игорь, оглядываясь по сторонам, выхватил меч из ножен.

Воздух над дальней могилой — той, что была почти у входа в часовню, — задрожал, словно нагретый подземным жаром; из марева, как из дверного проёма, вышел капитан пиратов. Игорь невольно вздрогнул: капитан был могуч и страшен! Впрочем, иной бы и не стал пиратским главарём... Громадный, лысый, выбритый до синевы, мускулистый, как чемпион по бодибилдингу, голый по пояс, в алых шароварах и с чёрной повязкой через левый глаз — капитан пиратов выглядел настоящим Терминатором, машиной для убийств. В руке капитан держал здоровенную секиру на длинном топорище, острую, начищенную до блеска, — легко помахивая секирой, будто она ничего не весила, главный пират с усмешкой посмотрел на Игоря и сошёл со своей могилы.

— Нам конец,— убито прошептал Агап.— Отбегались мы, Гор! Ну, прощай, что ли...

— Агап,— быстро зашептал в ответ Игорь, глядя на неспешно идущего к ним капитана,— драться с этим чудищем бесполезно, у нас только один выход: я удираю, бегаю по кругу, он, конечно, гонится за мной, а ты, улучив момент, кидаешься ему под ноги. Он падает, и тогда...

— Я понял,— с мрачным видом ответил Агап.— Попробую.

Капитан остановился метрах в пяти от Игоря, смерил его жадным взглядом, улыбнулся мрачно:

— О, свежее мясо! Молоденькое! Какой неожиданный сюрприз... Ну-с, птенчик, лети к папочке,— пират нетерпеливо похлопал по лезвию секиры тяжёлой ладонью,— обещаю, больно не будет! Чик — и всё. Зачем время тянуть-то, когда и так всё ясно...

— А хрена тебе! — крикнул Игорь и пустился наутёк вдоль стены. Такого поворота событий капитан никак не ожидал: куда здесь убежишь, когда вокруг кладбища надёжная колдовская ограда? Бегай не бегай, а сражаться всё одно придётся. Коротко рыкнув от возмущения, пират трусой припустил за Игорем.

Бежать было неудобно: вдоль стены повсюду валялся всяческий хлам, постоянно норовивший попасть под ноги — то спутанные обрывки проволоки, то какие-то обломки, то вездесущие консервные банки. Поначалу Игорь бежал изо всех сил, но оглянувшись и увидев, что капитан в беге особо не надрывается, темп поубавил. Капитан, судя по его неспешности, решил взять парня на измор: убежать тому всё равно было некуда, пусть себе резвится до поры до времени! А когда набегается всласть, когда запыхается до того, что меч в руке держать не сможет, — тогда шутки в сторону. Так или не так думал капитан, Игорь не знал. Но то,

что после изнурительного марафона – если их затея не удастся – пират уложит его на месте, в этом Игорь не сомневался.

Обежав небольшое кладбище по кругу вдоль электрической стены, Игорь вернулся к тому же месту, откуда и начинал свой забег. Агапа на месте не было, пропал куда-то. Игорь бросил взгляд в сторону часовни – бородач, на миг высунувшись из-за могильной плиты, махнул Игорю рукой и опять скрылся.

Резко изменив направление, Игорь кинулся через могилы, напрямик к часовне. Этот манёвр капитану не понравился: зарывав не хуже голодного тигра, пират наддал ходу и, высоко перепрыгивая через могильные холмики, помчался за Игорем. Бежал пират быстро, в ярости размахивая секирой над головой, бежал, не глядя по сторонам, и, разумеется, не заметил притаившегося за надгробным камнем Агапа: бородач, пропустив Игоря мимо, ловко нырнул капитану под ноги. Пират споткнулся, уронил секиру и кубарем покатился по земле; Агап, не размышляя, бросился следом за капитаном – рухнув ему на спину, он принялся душить главаря пиратов. Поступок, конечно, был отчаянный и неуместный: мало того что мертвеца вряд ли можно задушить, он и так уже неживой, но к тому же в той неожиданно завязавшейся потасовке Игорь вдруг оказался не у дел – стоя с мечом над дерущимися, он никак не мог нанести решающий удар, потому что Агап и пират катались по земле, сцепившись не хуже двух осатаневших бультерьеров.

— Агап, прочь! — вне себя заорал Игорь, занося меч для удара.— Отвали, я сейчас башку ему рубить буду!

Внезапно громила-капитан перестал сопротивляться и затих, уткнувшись лицом в землю, придавленный тушей Агапа. Бородач полежал ещё немного, старательно давя мощную шею пирата, потом встал, брезгливо отряхнул ладони и сказал с отвращением:

— Глянь-ка, придушил-таки я гада! Надо же, ухитрился.— И вытер руки о штаны.

— Погоди рубить,— глухо сказал капитан в землю.— Обещаю, что я вас не трону.— Он медленно повернул голову и взглянул на Игоря снизу вверх.— Обстоятельства сильно изменились... Не буду я вас убивать! Честно, не буду. Даю в этом великую клятву: чтоб мне прахом рассыпаться! Чтоб не найти вечного успокоения... как оно раньше и было.

— Он ещё разговоры разговаривает! — изумился Агап.— Знать, недодушил я мерзавца.— И хотел было кинуться на капитана вновь, но Игорь, не опуская меч, остановил распалённого дракой бородача:

— Погоди! Пусть объяснит, в чём дело. Отрубить ему голову я всегда успею. Говори!

Пират медленно, чтобы не вызвать подозрений, сел и осторожно потёр шею, на которой уже начали проступать синяки.

— Дело в том, что я снова живой,— с удивлённым видом сообщил пират.— Я снова всё чувствую, у меня опять бьётся сердце... шея болит. Живой я!

— Его благодари,— нетерпеливо кивнул Игорь в сторону Агапа.— Это он тебя воскресил. Дальше что?

— А то, что мне теперь не нужно вас убивать,— пояснил одноглазый пират, вставая на ноги.— Раз я живой, какого дьявола мне делать на этом поганом кладбище! Я свободен, понимаете? Проклятие морского чёрта больше на меня не действует!

— Понимаю.— Игорь опустил меч.— Значит, мы можем идти в часовню? Преград больше не будет?

— Валите куда хотите,— равнодушно ответил капитан.— Я тоже отсюда сматываюсь, хватит, нагостился вдоволь. Только золотишка у моих ребят на безбедность возьму — оно покойникам всё равно ни к чему, а мне нынче сгодится! — и уйду.

— А стена? — Игорь показал мечом.— Со стеной как быть?

— Сама пропадёт.— Капитан подобрал с земли секиру.— Как только первую голову для начала снесу, так и пропадёт.

— Ты что, своих рубить будешь? — оторопел Агап.

— Ну! — Капитан, примеряясь, помахал секирой.— Просто так они мне свои клады не отдадут, уж я-то их знаю! — он повернулся и, не оглядываясь, направился к колдовской стене.

— Пошли в часовню,— заторопился Игорь,— пошли скорей! Пока ребятки из могил не вылезали, а то и нам за компанию достанется.

Сунув меч в ножны, Игорь пошёл ко входу в часовню, толкнул дощатую, трухлявую от времени дверь: та хоть и туго, со скрипом, но отворилась.

— Посмотреть страсть как хочется,— с сожалением сказал Агап.— Поди не каждый день подобное увидишь... вон, глянь-ка, попёр народ из земли-то, тьфу ты, прям как грибы-поганки лезут!

Игорь, ухватив Агапа за штаны, втянул его в часовню и захлопнул дверь.

— Рыжий Пёс! — донёсся приглушенный расстоянием и дверью клич.— Я заберу твоё золото, хочешь ты того или нет! — И вслед за тем раздался звонкий лязг металла: капитан приступил к привычной ему работе, руководствуясь известным принципом всех пиратов и революционеров: «Грабь награбленное!»

— Я, того, у окошка постою, ладно? — заканючил Агап.— Ты сам ту дверь ищи, договорились? Найдёшь — свистнешь, — и приник к грязному оконцу возле двери. Игорь развёл руками, мол, что поделаешь, и пошёл осматривать часовню.

Часовню, по всей видимости, как раз ремонтировали, когда на кладбище заявили новые могильные постояльцы: черепичная крыша зияла дырами, сквозь которые пробивался неяркий вечерний свет, пол был усыпан битой черепицей и строительным мусором, а загрунтованные под окраску стены часовни местами облупились, темнея в проплешинах грунтовки старой кирпичной кладкой. Посреди часовни стоял грубо сколоченный стол-козлы, уставленный железными банками — судя по подтёкам на крышках, в банках находилась краска; среди банок стояла

керосиновая лампа, видимо, сроки поджимали ремонтников и они работали по ночам тоже.

Игорь обошёл часовню, внимательно приглядываясь к стенам: нет, никакой обещанной Фибией самодельной двери здесь не было, кроме входной, но ту в расчёт брать не стоило, никуда она, кроме как к могилам не вела...

— Снёс башку-то! — притоптывая ногами, в азарте завопил Агап.— Подчистую снёс! Ух даёт, ёлки-палки!

— Кто кому? — обернулся Игорь.

— Знамо дело, наш рыжему,— не отрываясь от окна, пояснил Агап.— Вжик, и нету. Вон, к молниевой стене укатилась... Опс, а стена-то пропала!

— Уже «наш»,— усмехнулся Игорь.— Болееешь за него, что ли?

— А чего и не поболеть, не мне ж голову чекрыжат,— рассудительно ответил Агап.— Ого, да он, оказывается, на одном рыжем не остановился...

— Рваное Ухо, теперь твоя очереди! — донеслось с наружи, и вновь раздался частый лязг стали: капитан, похоже, решил основательно подзаработать на своих бывших товарищах.

— Дверь, где же дверь? — Игорь остановился, в затруднении пощёлкал пальцами.— Ведь должна она быть где-то! Но её нету... Значит... э-э...

— Есть! — в восторге заорал от окна Агап.— Два-ноль в нашу пользу!

— Шестипалый, отведай моего топора,— прорычал вдали капитан.— Поехали! — И снова пошла звенеть сталь; Игорь глянул в сторону окна, прикусил с досады губу — какая-то мысль только что промелькнула у него в голове, что-то очень важное, но истошные вопли и оружейный звон за стеной спугнули её напрочь. Игорь зажал уши ладонями, крепко зажал, чтобы не отвлекаться на ненужное, и попробовал сосредоточиться. Это ему в конце концов удалось: мысль вернулась... странная мысль, бредовая, но ничуть не бредовой того, что сейчас творилось за окошком часовни.

— Если нет самодельной двери,— негромко сказал Игорь, опуская руки,— то её надо сделать, не так ли? Предположим, нарисовать.— Он подошёл к столу и одну за другой открыл все банки. Краски несколько загустели, но в общем-то работать с ними было можно; на столе нашлась пара кистей и бутыль с керосином. Отмыв кисти, Игорь приступил к работе.

Выбрав подходящий участок стены, как раз напротив оконца с прилипшим к нему Агапом, Игорь принялся создавать дверь. Обычную стандартную дверь, такую же, какая стояла у него дома на входе в квартиру: коричневую, безликую... На более серьёзную работу катастрофически не хватало времени! Да и расцветок оказалось маловато, изобразить с таким набором нечто высокохудожественное было сложно. Впрочем, для задуманного годилась любая дверь, лишь бы она открылась... И не последнюю роль в этом должен был сыграть Агап! Вернее, его талант оживления.

Игорь посмотрел на бородача: тот, протерев окошко рукавом, снова уткнулся в стекло носом – происходившее снаружи интересовало его куда больше, чем поиски любой самодельной двери. Даже ведущей к сокровищам Тридцати Королей.

Работа шла споро: первым делом Игорь изобразил на стене табличку с аккуратной надписью: «Фиолетовотравная долина, замок Тридцати Королей», а уж вокруг неё дорисовал и саму дверь – закрасил коричневой краской нужный участок стены, подправил края, чтобы были ровными, на том и остановился. В стене, на уровне пояса, оказался вбитый в кирпичи железный штырь с приваренным к нему толстым кольцом – для чего нужно было то кольцо, Игорь не знал, но оно пришлось к месту, стало ручкой для нарисованной двери.

В часовне за это время заметно стемнело, последние штрихи Игорь доделывал почти наугад, сожалея о том, что ни у него, ни у Агапа не было спичек: сейчас очень бы пригодилась керосиновая лампа! Впрочем, дверь была готова и оставалась самая малость – открыть её.

Игорь отошёл от стены, осмотрел свою работу и, пробормотав с отвращением: «Халтура! А, и так сойдет», повернулся к Агапу.

— Агап! — позвал Игорь.— Как там на улице? Много ли еще народу уложил наш brave Терминатор? Каков счёт?

— Шесть-ноль,— не поворачиваясь, отозвался Агап.— С последним чересчур долго возился, здоровенный бугай попался! Ох и сеча была, ох и сеча! Только-только разобрались... Сейчас капитан могилки потрошить будет, любопытно, что за клады там лежат?

— А я ту самую дверь вычислил,— похвастался Игорь.— За штукатуркой, гм, спрятана была... Иди сюда, помоги открыть! А то у меня что-то не получается.— Он смочил керосином найденную под столом ветошь и принялся стирать краску с рук ожидая, когда Агап откроет то, что открываться никак не должно.

— Заело, наверное.— Агап с сожалением оторвался от окна, повернулся к Игорю.— Петли старые, проржавели небось... А где она? Вон та, что ли? — Бородач вразвалочку направился к рисунку. Проходя мимо Игоря, Агап принюхался.— Что-то керосином шибко воняет... Это ты правильно, ржавые петли только керосином и лечатся.— Он подошел к нарисованной двери и, ухватившись за ручку-кольцо, потянул ее на себя: Игорь, уронив тряпку, замер в ожидании чуда...

Но чуда не произошло, дверь не открылась; Игорь тяжело вздохнул.

— Тю! — внимательно оглядев рисунок, вдруг сказал Агап.— У неё ж петли с другой стороны! С этой их нету,— обернулся и подмигнул Игорю.— Её ж толкать надо, а не тянуть.— Взявшись за кольцо, он с силой надавил на него: дверь открылась настезь и настолько легко, что Агап, пробежав вперед, чуть не упал, еле на ногах удержался.

В дверной проём хлынул дневной свет, яркий, полуденный; по-осеннему прохладный воздух таинственной долины пах мятой и морозной свежестью, хотя никакого мороза не было; прямо от порога и насколько

хватало глаз расстился живой фиолетовый ковёр из трав – высоких, Агапу по колено. А неподалеку, минутах в десяти ходьбы, высились зубчатые стены замка Тридцати Королей с высокими стрельчатыми воротами, пока что закрытыми; из-за стен поднимались остроконечные крыши с обвисшими по безветренной погоде разноцветными флагами. В безоблачном синем небе, высоко-высоко над замком, змеилась тонкая огненная полоска – то ли дракон, о котором говорила Фибия, то ли местная природная аномалия, Игорь разбираться не стал. Да и плевать ему было сейчас на всех драконов: главное, что у них получилось!

— Сработало! — вскинув руку со сжатым кулаком, радостно крикнул Игорь. — Ура! — И вошёл в долину. Вошёл, прикрыв за собой дверь – с этой стороны она выглядела серым прямоугольником, неведомо как повисшим в воздухе, – и, хлопнув Агапа по спине от избытка чувств, с жаром сказал: — Поздравляю, дружище! Мы шли, шли и наконец пришли. Спасибо тебе за помощь! С меня крупно причитается.

— Ха, велика помощь – дверь открыть, — пренебрежительно махнул рукой Агап. — Пустяки, ей-ей. Стакан нальешь, и ладно.

Игорь улыбнулся, хотел было объяснить Агапу, какую именно услугу тот оказал ему, но в этот миг его отвлек подозрительно знакомый дробный звук: за серой плоскостью, за дверью в колдовской мир, похоже, стреляли из автоматического оружия. Звук был слабый, едва слышный; Игорь не был уверен, действительно ли на кладбище стреляют, но проверять не хотелось, мало ли что! Тем более что автоматные очереди – если это были автоматные очереди – уже стихли.

— Пошли, — заторопился Игорь, — чего на месте топтаться! До цели рукой подать, придём, в ворота постучим и... — Он направился к замку.

— И нам по шее надают, — на ходу подхватил Агап. — Ты ж не помнишь, зачем тебе в тот замок нужно. Мы ж это так и не выяснили!

— На месте выясним, — равнодушно сказал Игорь. — Может, по шее дадут, а может, кошель денег насыпят за былые заслуги... Хотя, мне кажется, дело тут вовсе не в деньгах, а в чем-то более серьезном.

— Что, память прорезается? — участливо спросил Агап. — Более серьёзное – это как? Мешок бриллиантов, да?

— Нет, не бриллиантов. — Игорь замедлил шаг, вспоминая. — Зараза, сплошная пустота в голове, ничего на ум не приходит... О, надо же! Кое-что я всё же вспомнил!

— Ну-ка, — обрадовался Агап. — И чего вспомнил?

— Как Эрон, бывший Гонец, в этот мир проходил! — Игорь внезапно рассмеялся. — Ты не поверишь, до чего всё просто. И не нужно было никакую дверь рисовать...

— Дверь? Рисовать? — не понял Агап. — Я чего, нарисованную дверь открыл? Правда?

— Правда, — думая о своём, нетерпеливо ответил Игорь. — Эрон входил сюда через зеркало, через отражённую дверь! Через любую, но

отражённую. И выходил отсюда точно так же... Потому-то в этот мир, кроме него, никому хода не было. А мы, получается, сделали дверь постоянную, через которую теперь сюда любой войти может.

— Охренеть можно,— не слушая Игоря, возбужденно заговорил Агап,— я могу открывать нарисованные двери! Это надо обмозговать, мнэ-э... А если ты мне подобную дверцу где-нибудь состряпаешь, с надписью типа «Дом, милый дом для жутко богатого Агапа», и я её открою, там что, действительно будет мой дом? С сейфом и деньгами?

— Вряд ли,— засомневался Игорь.— Одно дело попасть в место, пусть и легендарное, пусть и несуществующее, но придуманное жителями колдовского мира давным-давно... В деталях придуманное! И совсем другое — в свою собственную фантазию.

— Эта...— Агап изумленно захлопал глазами.— Мы что, не в настоящем мире? В напрочь придуманном?

— Именно,— утвердительно кивнул Игорь.— Эрон как-то ухитрился проникнуть в легенду о Тридцати Королях... Мне Фибия объяснила насчет этого мира, сказала, что его нигде не существует. То есть вообще нет в реальности! Хотя мы в него и попали.

— Знал бы я, в какую страсть ты меня втянешь, ни за что бы с тобой не пошел,— опечалился Агап.— Слыханное ли дело, по придуманным мирам шастать! Бесовское развлечение.— Он удрученно потеребил бороду.— Ну, ладно. Пришли — значит пришли... А в замке действительно тридцать королей сидят, а не триста воинов-наемников с арбалетами, э? Ты хоть легенду ту знаешь или нет? Ну, чем она закончилась? А то припрямся, типа, привет-привет, а там уже давным-давно военный путч случился и хунта всех незваных гостей на кол сажает для выпрямления кишечника...

Ответить Игорь не успел.

— Стоять! — донесся сзади громкий приказ.— Руки за голову, поворачиваться медленно! Медленно, кому говорят! Или стрелять будем!

Игорь и Агап остановились, и, подняв руки за голову, медленно, как было приказано, повернулись.

Перед ними, неподалеку, стояли пятеро в летней камуфляжной форме, в скрывающих лица черных шапочках-масках, с короткими мечами на поясах и с наведенными на путешественников автоматами. Из открытой позади них двери как раз выходил очень и очень знакомый Игорю человек:

Наместник собственной персоной, в черной мантии, щегольских черных сапожках и неизменной шапочке-таблетке. Пройдя сквозь шеренгу — бойцы расступились, пропуская его, — Наместник остановился, сложил руки на груди и насмешливо поклонился Игорю:

— Здравствуй, Гонец удалой! Вижу, не ожидал нас? Сюрприз, сюрприз.— По Агапу он лишь скользнул безразличным взглядом — бородач его ничуть не интересовал.— А ну-ка, дорогой, вынь свой меч и брось его куда подальше, будь любезен.

— Медленно! — заорал один из камуфляжных, видимо старший в группе.— Доставать медленно! Бросать медленно! Стреляю без предупреждения!

Игорь, ничего не понимая (почему автоматы? для чего здесь Наместник?), медленно вынул меч из ножен, швырнул его далеко в сторону: меч утонул в фиолетовой траве.

— Замечательно,— одобрил Наместник.— С одной проблемой мы управились. Теперь я должен предупредить тебя, Гонец, чтобы ты не шалил со своими скоростными бойцовскими способностями, ни к чему оно тебе! Пуля, братец, она все равно быстрее тебя мчится.

— Не буду,— пообещал Игорь, мысленно прикидывая, как бы завладеть автоматом, а уж затем...

— Чуть что, стреляйте в бородатого,— сухо приказал Наместник.— Он твой друг, Гонец, да? Если друг, то советую вести себя осмотрительно. Э-э... миролюбиво, так сказать.

Агап побледнел и втянул голову в плечи.

— Что это все значит? — севшим голосом спросил Игорь.— Я ничего не понимаю... Как вы здесь оказались?

— Да вот так и оказались,— добродушно улыбнулся Наместник.— Расстреляли покойников золотыми пулями и прошли в часовню... Они, мертвецы, от ударной порции золота всегда в некоторое время успокаиваются! Пока золото из себя не выковыряют и в закрома не спрячут, живым не докучают. Богатство к богатству, ха-ха! Один, правда, лысый и с топором, чересчур проворный оказался, удрал, ну и ладно, не за ним мы сюда шли.

— Нет.— Игорь облизнул пересохшие губы.— Я о другом спросить хотел: как вы нас вообще нашли? И зачем?

— Долго рассказывать,— вздохнул Наместник.— Но надо, м-да... Я очень надеюсь на твое сотрудничество. Гонец, иначе мне придется тебя убить, а это опять затянет дело... А дело — оно превыше всего!

— Убить? — не поверил Игорь.— За что? И кто тогда станет Гонцом, вы, что ли?

— Не «за что», а для чего,— назидательно поправил его Наместник.— Для того, чтобы дух Гонца перешел из строптивца в нормального, не рассуждающего и исполнительного человека. В него, например.— Наместник повернулся к старшему группы.— Будешь Гонцом?

— Как прикажете, ваша светлость,— рявкнул старший.

— Вот видишь.— Наместник строго посмотрел на Игоря.— Правильный ответ, верный! Если бы Эрон вел себя точно так же, как этот, то жил бы себе и жил, а не гнил сейчас на кладбище под табличкой «Неизвестный». А нашли мы тебя до крайности просто: в рукояти твоего меча находится необычной силы амулет... защитный амулет, как я понимаю. С не до конца выясненными нами свойствами, к сожалению... Но как маяк он работает великолепно! При соответствующей настройке поисковой аппаратуры, разумеется.

Наместник, многозначительно улыбаясь, слегка приподнял широкий рукав мантии и продемонстрировал Игорю серебряный браслет, усыпанный мелкими изумрудами, — точь-в-точь как у убитого Игорем серпенса: камушки светились ровным зеленым светом, будто неоновые лампочки радиоаппаратуры. Игорь покосился на браслет, но промолчал, и так все было понятно.

— Кстати, чтоб ты знал,— Наместник опустил рукав,— подобных защитных амулетов нигде не производят, ни в одном из наших миров.— Наместник особо выделил слово «наших», словно Игорь был чужаком, случайным пришельцем из глубин космоса.— Потому имеются все основания предполагать, что Эрон взял его там.— Наместник величественно повел рукой в сторону замка.— Сокровища Тридцати Королей, о! Ты, наверное, и слыхом не слыхивал о них, да?

Игорь отрицательно помотал головой: руки у него начали понемногу затекать, и он желал только одного — чтобы поскорее все закончилось. Чтобы их перестали держать на мушке и отпустили подобру-поздорову на все четыре стороны. И если Наместнику нужны сокровища Тридцати Королей, то пусть забирает, какое теперь Игорю до них дело?

Тут бы живым уйти...

— Но кроме сокровищ, согласно легенде, в замке находится и оружие,— задумчиво сказал Наместник.— Невероятной силы и возможности оружие! С которым можно покорить любую страну... Да что там страну! Любой мир завоевать можно, было бы желание... А такое желание у Содружества есть,— Наместник жестко посмотрел Игорю в глаза.— Если ты еще не понял, что к чему, объясняю: ты и твой друг находитесь в вымышленном мире, мало того — создали в него реальный проход, чего Содружество и добивалось! Видишь ли, мы давно уже искали возможность проникновения в несуществующие миры... э-э... точнее, несуществующие в нашей реальности. Но технически это оказалось невыполнимо, и тогда был предложен вариант использовать кого-нибудь из Гонцов: внушить ему, что он уже был в таком мире, ходил туда, и подсмотреть, какой получится результат. Разрабатывать решили легенду о замке Тридцати Королей, а выбор пал на Эрона. С ним поработали специалисты-психологи, хорошо поработали... гипноз, особые лекарства, магия изменения памяти — а, не столь важно. Главное, Эрон уверовал в то, что ходил в мир, где когда-то правили Тридцать Королей; уверовал в то, что тот мир существует!

— Можно я руки опущу? — попросил Игорь.— Затекли совсем.

— Опускай,— великодушно разрешил Наместник.— Ты, бородатый, тоже... Но, смотрите, без глупостей!

Агап убрал руки из-за головы, закричал, растирая их; Игорь потрусил руками, словно воду с них стряхивал, в пальцах сразу остро закололо.

— А почему вы убили Эрона? — спросил Игорь ожидая, когда пройдет неприятное ощущение.— Ведь его убили по вашему приказу, да?

— Нет, я здесь ни при чем,— категорически отказался Наместник.— В Содружестве поважнее меня есть люди, они и принимают подобного рода решения. Я, если хочешь знать, был против столь радикальных мер! Но с начальством не спорят... Слежка установила, что Эрон часто уходит неизвестно куда: его в это время не было ни в нашем, ни в колдовском мире... А когда у Гонца вдруг обнаружился неизвестный ранее амулет — на старом-то его мече! — тогда отпали все сомнения. К сожалению, Эрон не пошел на сотрудничество, да и под медикаментами отвечать не стал: они на него больше не действовали, те медикаменты... И гипноз не действовал. Мало того — Эрон, судя по всему, собирался вскоре навсегда уйти в выдуманный мир: он сам проговорился одному из своих друзей... м-м... нашему человеку, в общем. Короче, Эрона было решено убрать и проследить за новым Гонцом: рано или поздно, но он должен был добраться до замка Тридцати Королей. Память позвала бы!

— Но почему я? — Игорь с неприязнью смотрел на Наместника.— Почему не кто-нибудь из этих? — Он кивнул в сторону солдат.— Отличный Гонец вышел бы, беспрекословный и на все согласный. Ать-два, к замку шагом марш! И готово.

— Шутка, понимаю,— одобрил Наместник.— Видишь ли, умник, у этих ребят нет одного важного свойства, без которого попасть в мир легенды было бы крайне сложно,— у них нет фантазии. Есть спецподготовка, боевые навыки, но вот с фантазией, увы, проблема... Да и не осмелился бы никто отправить военного на подобное задание: ну, проникнет он каким-то образом в легендарный мир, допустим, и что? А вдруг оружие Тридцати Королей станет его личной собственностью? Ты представляешь, что тогда может произойти? Потому сделать Гонцом решили случайного человека... Кому повезет. Или не повезет, это уж как смотреть.— Наместник коротко хихикнул.

— А зачем снова ко мне серпенса послали? — сердито буркнул Игорь.— Мне пришлось его убить... Он тоже Гонцом хотел стать!

— Серпенс? Гонцом? — непритворно удивился Наместник.— Удивительное дело! Никогда не слышал, чтобы серпенсы Гонцами становились. Хм, теперь понятно, почему он при вашей первой встрече в тебя личинку бабочки-аспида чуть не всадил... Гонцом он захотел быть, подумать только! Предполагаю, что гордыня его заела: с большими амбициями оборотень был, да-а... Все о величии и историческом предназначении серпенсов толковал — я-то с ним давно сотрудничаю, успел изучить. Не верил он, что можно в вымышленное место попасть, но, видать, что-то его мнение изменило... Всевластия захотел, несомненно! За что и поплатился.— Наместник удрученно покачал головой.— Жаль-жаль. Хороший умелец был, ни одного неудачного дела за многие годы... Что ж на него так повлияло?

Игорь вспомнил, как отреагировал серпенс на его рисунок с замком и понял, что именно повлияло на мнение наемного убийцы. Но сообщать Наместнику о том не стал.

— Чего вы от меня хотите? — Игорь упер руки в бока. — Какие ваши требования?

— Ничего особенного, — пожал плечами Наместник. — Провести нас в замок, показать, где что находится: где лежит золото, где хранится оружие... Оружие — в первую очередь.

— А потом? — выдержав паузу, спросил Игорь.

— Что — «потом»? — осторожно поинтересовался Наместник.

— С нами потом что сделаете? — Игорь внимательно следил за реакцией собеседника.

Взгляд Наместника подернулся холодком:

— Там видно будет. В зависимости от степени добровольности сотрудничества, так сказать.

— Понятно. — Игорю действительно стало все ясно: вряд ли их оставят в живых после того, как Наместник и его бойцы обследуют замок и найдут искомое, вряд ли! — Хорошо, я проведу вас в замок. Но где лежит оружие и золото, я не знаю. Не помню я!

— Ответ неверный, — зло прищурился Наместник. — В замок мы и сами войти можем, тоже мне проблема! Нечего придуриваться, все ты помнишь, времени для восстановления памяти было предостаточно. Слушай, парень, если ты думаешь, что я буду спокойно выслушивать твои отговорки и в ответ мило улыбаться, то ты ошибся. Веди в оружейный арсенал, живо!

— Гор, какое там на хрен Содружество, — не выдержав, подал голос Агап. — Он же сам заграбастать все хочет! Плевать ему и на то Содружество, и на нас обоих тоже плевать! Ему ж всякие колдовские пушки-ракеты нужны, что в арсенале хранятся... Он, типа, всемирным диктатором хочет стать! Мерзавец, и все тут.

— Догадливый какой! — наливаясь кровью, рявкнул Наместник. — Умный, хотя и дурак. Не всемирным, а многомирным! Три мира в подчинении — об этом ты не подумал?! Эй, Гонец, в последний раз спрашиваю: проведешь меня в арсенал или нет?

— Нет, — отрезал Игорь. — Говорю, не помню!

— Как знаешь, — внезапно успокаиваясь, сказал Наместник. — У меня времени хватает, никто меня искать не будет, официально я в отпуске. И тебя, Гонец, тоже искать никто не будет... Вернее, бывший Гонец, х-ха! Ты. — Наместник ткнул пальцем в старшего группы. — Ты нынче будешь Гонцом, я тебя назначаю. А сейчас приказываю расстрелять этих двух за саботаж и неподчинение! Подождем, когда у нового Гонца память включится, тогда и сами во всем разберемся, без строптивых.

— Слушаюсь, — козырнул старший. — Когда приступить?

— А сейчас, — лениво ответил Наместник. — Раньше начнем, раньше и...

— Летит, летит! — в ужасе закричал один из камуфляжных, скидывая автомат к плечу и задирая ствол в небо. — Там! Там! — Он выпустил длинную очередь; забыв о пленниках и о расстреле, остальные бойцы тоже немедленно открыли беспорядочный огонь, целясь куда-то ввысь.

Игорь невольно посмотрел вверх.

Над ними, совсем невысоко, кружил огненный дракон — длинный, изящный, похожий на язык золотого пламени, с огненно-прозрачными крыльями: сквозь тело дракона на виражах просвечивало солнце. Пули, казалось, не причиняли дракону никакого вреда — то ли сгорали в нем, то ли проносились на вылет, Игорь разобрать не смог.

— Агап, бежим! — Игорь толкнул в бок остолбеневшего бородача, глазевшего на дракона с открытым ртом. — Бежим, пока им не до нас!

Но бежать никуда не пришлось.

Дракон внезапно ринулся вниз и, несясь к земле, плюнул огнем — не бензиновым пламенем, красным и жарким, а будто из лазера выстрелил ослепительно белым лучом: мазнул им по бойцам, и тех не стало, лишь тяжелые хлопья серого пепла медленно осыпались на лужи расплавленного металла, на то, что осталось от автоматов и мечей.

Подняв небольшую пепельную выюгу, дракон мягко приземлился на месте побоища, приземлился и сразу принялся лапать огненным языком из ближней оранжевой лужицы, косясь на Игоря солнечно-золотым глазом. Агап, перекрестившись трясушей рукой, упал задом в траву — ноги его не держали; Игорь, оцепенев, смотрел на дракона.

— Ты... Ты знал, — грозя пальцем, прошипел Наместник, пятясь от кушающего дракона и молчащего Игоря, — знал об охранном змее!

Подобрав полы мантии, Наместник повернулся и кинулся прочь, топчя свежий прах своих бойцов, к открытой еще двери; потерянная шапочка Наместника осталась валяться на сожженной земле черным пеньком.

— Правитель, надо ли мне сжечь его? — спросил у Игоря дракон, отрываясь от лужицы и с удовольствием облизываясь; голос у дракона был низкий, с хрипотцой. — Правитель, он мне не нравится! Плохой он, да. Хотя и без оружия.

— Пусть живет, — в растерянности сказал Игорь. — Правитель?

— разумеется, — подтвердил дракон. — Хотя ты и в новом обличье, но суть твоя осталась прежней, уж я-то знаю... Да и амулет, которому я подчиняюсь все еще при тебе. Ты — Правитель, никаких сомнений! Тридцать первый Король.

— Ах да! — спохватился Игорь. — Меч! — Он сходил за оружием, сунул катану в ножны и вернулся. — Хорошо, что напомнил. Спасибо.

— Поздравляю тебя, гражданин король, со вступлением в должность, — вставая и потирая ушибленный зад, поздравил Игоря Агап. — С почином, стало быть.

— Он твой друг, Правитель? — вежливо поинтересовался дракон, с любопытством глядя на Агапа.

— Да, он мой друг. — Игорь похлопал Агапа по плечу. — Прошу его не сжигать ни в коем случае, будь любезен!

— Жизнь друзей Правителя для меня священна, — высокопарно объявил дракон. — Извини, Правитель, что я не сразу пришел к тебе на помощь: ты все не звал меня и не звал, а мне строжайше запрещено

являться к тебе без зова... Но когда твоей жизни стала угрожать смертельная опасность, я был вынужден нарушить запрет. Ты не сердишься на меня, Правитель?

— Ничуть не сержусь,— утешил Игорь приунывшего было дракона.— Здоровая, правильная инициатива! Молодец, объявляю тебе благодарность.

— Рад служить Правителю! — изогнул шею в поклоне дракон.— Какие будут приказания?

— А вон, спали ту дверь,— Игорь показал пальцем на серый прямоугольник входа в фиолетовотравный мир,— чтобы какие тараканы из Содружества через неё вновь сюда не набежали.

Дракон взмахнул крыльями и полетел выполнять приказание.

— Ты с ума сошел! — ахнул в испуге Агап.— Как же мы назад-то? А Фибия? А твоя жена?

— Без проблем,— успокоил его Игорь.— Уверен в замке любые краски найдутся! А не найдутся — дракона за ними пошлю, он шустрый, найдет где-нибудь... Нарисую двери в салон Фибии и к моей теще — Маша у нее сейчас, — заберем женщин и примемся королевствовать. Как тебе мой план?

— Очень хороший план,— горячо одобрил услышанное Агап.— Только я не пойму, какая у меня должность при дворе будет?

— Верховный маг-целитель, устроит? — посмеиваясь, предложил Игорь.— Очень, знаешь, почетная должность! И, главное, никакой тяжелой работы: знай себе исцеляй кого ни попадя, и все дела.

— Только, чур, без сверхурочных, обычный нормированный рабочий день,— со знанием дела потребовал Агап.— И чтоб зарплата была солидная! Такое звание к большой зарплате обязывает, понимаешь...

— А то,— сказал Игорь, и они пожали друг другу руки в знак согласия: Правитель и Верховный маг-целитель.

А после отправились в замок — краски искать.

Пивотерапия

Рассказы

ВЕЗУНЧИК

Так случилось, что счастье обрушилось на Казалова аккурат в воскресенье, промозглым осенним вечером, в районе перекрестка улицы Горького и проспекта Маршала Ворошилова. Возле трамвайной остановки. Кстати, совсем напрасно обрушилось, потому что Борис Борисович вполне был доволен своей жизнью и никаких дополнительных авантурных льгот от нее не требовал. Разве что только денег.

Отслужив в родной советской авиации многие годы, вышел Борис Борисович на вольные гражданские хлеба майором запаса. Пенсионером то есть. Довольно молодым пенсионером. Моложавым. Контролеры в общественном транспорте зачастую не верили ему на слово, а требовали предъявления надлежащих документов. Впрочем, Казалов не обижался. Даже приятно было слышать: «Такой молодой, а ветераном придуруется! Небось, на рынке удостоверение купил». Душа его пела после такой ругани.

У пенсионеров времени хоть отбавляй. Если использовать его рационально, можно добиться очень многого – например, стать чемпионом по забиванию «козла», или намертво спиться, или поймать сома на тротилую шашку. А можно и денюжат подзаработать. Чем Казалов и занимался последние полгода, осатанев от телевизора и жены, – Борис Борисович распространял газеты. Между прочим, хорошая работа! Свежий воздух физическая нагрузка и масса новостей. К тому же газеты нынче дороги, не на всякую подпишешься а тут – читай на здоровье и совершенно бесплатно. Прочитал – продал. Опять же люди, живое общение, новые знакомства. Раз-другой по офисам пробежался, то тут, то там товар предложил, глядишь, примелькался. Уже и к чаю приглашают. Ну, конечно, не к начальству, а так, на уровне охраны. Но все же! Вот так душевно, в бегах, жил себе Казалов и не тужил, пока не приключилось с ним счастье.

Распродав наконец дневную норму элитно-дорогих журналов «ТВ Парк» (ох и туго шли они сегодня!), собрался Борис Борисович домой, в тепло, к борщу и жене. Добираться к себе из центра было ему недалеко, можно и пешком, но очень уж ноги устали. Так что затормозился Казалов на необычно безлюдной в это время трамвайной остановке и, скучая в ожидании, стал изучать товары в расположенных здесь же киосках.

«Союзпечать» он гордо проигнорировал – небось сам себе союзпечать. У книжного стоял дольше, разглядывая в отражении прыщик на своем носу. Нос, кстати, у Бориса Борисовича удался, греческий нос, честное слово! Вернее – вроде тех, что ацтеки изображали у своих богов: большой, ровный и острый. Словно крыло реактивного истребителя. А в остальном

Казалов не вышел, весь какой-то с годами обтекаемый стал. Не оплывший, но закругленный. Как будто его всю жизнь в аэродинамической трубе продували: обтекаемая лысая голова, обтекаемые усы а-ля песняр Мулявин, обтекаемый бомбардировочный живот.

Трамвая все не было, и Борис Борисович лениво побрел к последнему киоску, где на облупленной вывеске бодро скакали, прыгали и стреляли ненатурально розовые спортсменчики. Киоск, само собой, назывался «Спортлото». Казалов рассеянно оглядел разноцветные лотерейки за аквариумными стеклами будочки, зевнул, отошел от киоска и поглядел вдаль, на трамвайные пути. Пусто было на этих путях, темно, голо. Бестрамвайно. Борис Борисович вернулся к лотерейному аквариуму, нашел в кармане куртки кой-какую мелочевку и уже с интересом вгляделся в пестрые ряды лотерейных фантиков. Каких только здесь карточек не было, а какие обещания, какие финансовые перспективы! Выигрыши миллионорублевые, тысячевалютные, квартирно-автомобильные, зарубежнопоездочные... Купил, выиграл, уехал. Навсегда...

Казалов нагнулся и заглянул в торговую форточку киоска. Седой продавец в зеленом офицерском кителе без погон отрешенно посмотрел сквозь Бориса Борисовича.

— Дед, счастливые билеты еще есть? — задорно спросил Казалов. — Если не все еще продан, то возьму оптом!

Продавец пожевал губами и неожиданным басом ответил:

— Кому и авиабилет до Израиля счастьем покажется. Н-да. Вот именно. Счастьем.

Согнутый Казалов в задумчивости почесал нос.

— Ты, дедуся, на старости лет, случаем, не в Тель-Авив собрался? За сладкой жизнью?

— Вот, — дед неожиданно сунул под нос Борису Борисовичу ладонь, — собрался. Вот именно. Гляди.

Казалов и поглядел. На худосочной ладони продавца серебряно блестел лотерейный билет необычной овальной формы, вроде яйца в разрезе; в призовом окошке, обрамленная мелкотисненными звездочками, чернела несдираемая надпись: «Тур в Израиль».

— Ого, — уважительно протянул Казалов, потому что больше сказать ему было нечего.

— Я сегодня новую партию лотерейных билетов получил, — доверительно пробасил старик, осторожно пряча выигрышную карточку в нагрудный карман, — экспериментальных. Сейчас все экспериментируют, туды их... Особенно политики. Довели страну! А пенсия!..

— Папаша, так что насчет выигрышных билетиков? — невежливо перебил его Борис Борисович. — В смысле перелетов за рубеж? Не откажусь, ей-ей.

Старик опять пожевал губами, молча протянул Казалову коробку, доверху набитую серебристыми овалами.

— Червонец за одну.— Дедуля тяжело поставил коробку на прилавок перед Борисом Борисовичем.— Бери, родимый. Может, вместе и поедем.

Казалов наугад выбрал карточку, отдал в окошко монеты и снисходительно улыбнулся киоскеру:

— Нечего мне там делать. Нам и тут неплохо. Вот только бы денег да счастья в личной жизни, и ладно,— после чего повернулся спиной к киоску и принялся ногтем сдирать защитную краску с билета.

— Между прочим, у меня дочка в Иерусалиме, вот,— вдруг шумно донеслось из киоска,— вот уеду туда, и точка. Сами торгуйте за такую зарплату! Вот именно.

— Давай, дед, давай,— рассеянно согласился Казалов: защитное покрытие оказалось очень плотным, ногтем не бралось.— Ждут тебя там, с оркестром у трапа.

Понемногу стемнело. Закапал мелкий дождик. Борис Борисович вышел на рельсы, с досадой посмотрел в темную даль — трамвая не было — и вернулся на остановку, под дырявую крышу, ждать уже из принципа. Вспомнив о лотерейке, Казалов выудил из своей сумки для газет медный пятак и неторопливо принялся скрести им по билету.

Какие-то буквы явно проступили из-под краски, но в темноте было не разобрать, что там. Казалов встал поближе к «Союзпечати», сильно прищурясь, прочитал надпись. Потом прочитал еще раз. И еще раз. И все равно не понял смысла. В билете черным по серебряному стояло только одно слово. «Счастье». Больше ничего.

— Это в каком таком смысле? — сурово спросил сырую ночь Борис Борисович.— Как это? — Он перевернул билет — обратная сторона сияла серебряной чистотой. Ни списка выигрышей, ни места их получения. Пусто.

— Вот жулики,— обиделся Казалов и сердито. направился к лотерейному киоску.

— Эй, дед! — Он постучал ногой по фанерной стенке киоска, нагнулся к окошку и осекся. За стеклом закрытой теперь форточки белела записка с крупно написанными корявыми буквами: «Уехал в Израиль».

— Не дед, а МиГ-29,— поразился Казалов Злость неожиданно прошла, да и чего злиться-то подумаешь, десять рублей. Мелочь. Зато счастье привалило. Почти за бесплатно. Борис Борисович язвительно хохотнул, не глядя сунул лотерейный билет в сумку и сразу забыл о нем. Потому что подходил долгожданный трамвай и к остановке неведь откуда набежал мокрый пассажирский люд, Господину Казалову предстоял сейчас серьезный штурм вагона, давка, матюки в спину. В общем, обычная послерабочая поездка в доступном общественном транспорте. Рутин.

Первыми, конечно, влезли мужики понаглее, все нетрезвые, после тетки с пухлыми сумками, деловито бранившие погоду, транспорт и друг друга. Последним влез Борис Борисович; балансируя на нижней ступеньке, он цепко "повис на мокром срединном поручне. Дверцы трамвая трепыхнулись, но не закрылись, так что поехал Казалов наполовину в сухости, наполовину в дожде. Трамвай резко набрал скорость, спеша

проскочить перекресток на «зеленый», рванул, словно его током ударило. И случилась тут неприятность: не удержался на мокрой ступеньке Казалов, рука соскользнула с поручня, и упал наш газетный коммерсант в темноту, на поперечную полосу, прямо под колеса набравшего скорость грузовика. Толком Казалов испугаться не успел, все произошло почти мгновенно. Что-то громадное с ревом промчалось над его головой, обдав солярным перегаром и облив дождевой грязью; Борис Борисович подпрыгнул на всех четырёх, как кошка, и в доли секунды оказался на тротуаре, где уже его и разобрало. Колотить начало неимоверно, особенно когда Казалов увидал, как там, где он только что лежал, прокатила слепая от дождя железная лавина.

— Мужик, ты в порядке? — Борис Борисович не сразу понял, что его давно тормозят сердобольные свидетели-прохожие, громко и радостно удивляясь невероятному везению Казалова. Вокруг него начала собираться толпа, и Борис Борисович потихоньку выбрался из нее, одновременно принимая дружеские поздравления, словно оказался именинником, и категорически отказываясь от предложений отвезти его в больницу: единственным его желанием было поскорее вернуться домой.

— Эх, везунчик! — напоследок с неожиданной злобной завистью прошипел кто-то ему в спину. Борис Борисович вздрогнул и ускорил шаг.

«Приду домой — напьюсь,— обреченно решил он,— без закуски, до остолбенения, вусмерть. Вот именно»,— и почти бегом припустил вплотную по-над домами, вдоль злосчастного трамвайного пути, то и дело шарахаясь от фар встречных машин.

— Везунчик,— шипел он и плевался вслед авто,— вам бы так повезло, сволочи!

Изредка Казалов крепко ругался, вспоминая Интонацию последнего доброхота. Короче, по пути домой он совсем не скучал, от души разряжая свой лихой стресс.

Однако на этом его радостные приключения не закончились. Возле родного подъезда панельной многоэтажки, где на пятом этаже проживал пенсионер от авиации, стояли три пожарные машины, одна милицейская и «скорая помощь» с включенной мигалкой. Пожарные неторопливо профессиональной скукой скатывали брезентовые хоботы брендспойтов, не обращая внимания на бестолково шумных зевак. Борис Борисович напористо протиснулся сквозь строй плотно сжатых как спички в коробке поджигателя, людей и остановился возле ступенек.

Прожектор бил, с крыши одной из машин, ярко освещая черные окна квартир на погоревших этажах. Четвертом и пятом. Раскрытые окна кухонь его квартиры единственные блестели целыми стеклами, с закопченного подоконника капитулянтским флагом свешивался халат жены.

— Муся! — вне себя заорал Казалов и кинулся вверх по ступенькам.— Что случилось?! Муся!

— Секундочку.— Рослый милицкий сержант перехватил Бориса Борисовича у двери подъезда.— Вы живете здесь?

— Тут я, тут!..— Казалов, не найдя слов, потыкал рукой в сторону окна с халатом.— Жена где? Муся моя где? Жива?

— Ясно,— милиционер отпустил руку Бориса Борисовича,— не беспокойтесь, жива. У врачей спросите. Единственная пострадавшая.— Сержант как-то странно посмотрел на Казалова, козырнул и ушел к ПМГ. Борис Борисович бегом припустил к «скорой».

— А, так это вы муж потерпевшей,— невнятно поприветствовал его стоявший у машины дежурный врач, спешно дожевывая бутерброд.— Ее уже увезли в БСМП. Ногу вывихнула, когда из окна прыгнула. Ничего страшного, недельку полежит и выпишут, как новая будет.

— Ногу вывихнула... из окна выпрыгнула...— механически повторил Казалов.

— Да не стоит так сильно переживать.— Врач добродушно похлопал Бориса Борисовича по плечу.— Задним числом не стоит. Все одно уже ничего не поправить. Впрочем, одно скажу: повезло вам. У соседей ваших утечка газа случилась, дотла хата выгорела, а у вас обои на смежной стене только чуток обуглились. Да и жена ваша всего лишь ногу повредила. Это с пятого-то этажа! — Врач залез в кабину «скорой», высунулся оттуда и, улыбаясь, крикнул: — Везучий вы человек! Очень везучий,— захлопнул дверцу, и машина уехала.

У Бориса Борисовича внутри все сжалось от благожелательных слов врача, точно дали Казалову кулаком под дых. Вот оно что! Везучий. Да-да, везучий. Ненормально, до тошноты везучий. До ужаса. Казалов отошел от дома подальше (разбираться с квартирой он будет позже), сел на лавочку под фонарем и закурил. Руки дрожали; Борис Борисович с тупым равнодушием смотрел на пляшущий огонек сигареты. Потом достал из сумки лотерейный овал, задумчиво уставился на него. «Счастье». Везение, если сказать иначе... Везение ли? Под колесами не погиб, квартира не сгорела, жена не разбилась. Счастье с приставкой «не». Везенье с очень горьким привкусом.

«Интересно,— подумал Казалов,— а если бы я не выиграл? Просто не купил билет, что тогда? Может, и не было бы такого «счастья»... А жил бы, как и раньше. Без приключений».

— Просто мистика какая-то.— Борис Борисович с досадой выплюнул окурочек, потом, не торопясь, порвал лотерейный билет на мелкие кусочки уронил их в слякоть и тяжело пошел в сторону тающей толпы.

Утром Казалов первым делом съездил в больницу, отвез жене передачу: бананы-апельсины с парой шоколадок. Муся чувствовала себя хорошо но толком не помнила, что же с ней вчера произошло. Вроде сначала сильно бубухнуло на улице а после ее подхватило ветром и швырнуло из кухни в окно. Единственное, о чем Муся знала наверняка,— это то, что на кухне она была в халате, а в «скорой» очнулась вовсе голой. Об этом чертовом халате она прожужжала Борису Борисовичу все уши, пока он сидел с ней, и потому Казалов постарался удрать побыстрее. Когда

Борис Борисович прикрыл за собой дверь, следом он услышал веселый Мусин голос:

—Так вот, девочки, о халате...— Соседки по палате печально застонали.

Казалов ухмыльнулся и ушел. На улице Борис Борисович расслабился, решил вкусно покурить — в больнице дымить категорически не позволялось, хотя коридоры провоняли табаком настолько, что запах стоял как в курилке.

Казалов вытащил из кармана куртки пачку «Нашей марки»; вместе с пачкой в руке оказался серебристый овал. Тот самый. С надписью «счастье». Совершенно целый овал, только кое-где словно поцарапанный тонкой иголкой, как раз в местах разрывов. Бывших разрывов. Казалов не заметил, как сигаретная пачка выпала из его руки, как он, неверующий, перекрестился. Весь мир для Бориса Борисовича сжался сейчас до металлизированной карточки в мокрой ладони.

- Мать твою...— вот что сказал Казалов, придя себя. Он рысью забежал в ближайший пустой дворик, в углу лихорадочно порвал окутанную карточку, затоптал в грязь обрывки и даже помочился на них. На всякий случай.

— Нашел место, мерзавец! — высунувшись из окна напротив, рявкнула на Казалова местная старуха, зло грозя клюкой.— Пьяница вонючий! А ну, геть отседова!

Борис Борисович залился краской и опять же рысью помчался прочь. Перейдя на шаг, Казалов бездумно прошел пару кварталов просто так, чтобы отвлечься, но как-то не отвлекалось. Мысли упорно возвращались к странному, невероятному происшествию.

— Этого не может быть,— шептал Казалов,— просто не имеет права. Так не бывает. Я заболел. У меня грипп с галлюцинациями.

Что-то просвистело возле его уха и с грохотом разорвалось у самых ног. Борис Борисович отпрыгнул, затравленно огляделся: неожиданно для себя он оказался на стройке, прямо под строительными лесами. И его чуть не прибил облицовочный итальянский кирпич... Казалов шустро ретировался.

Выйдя из опасной зоны, предчувствуя результат, он обшарил карманы. Да-да, билет — таинственно склеенный, пахнущий землей и мочой — уже лежал в кармане его куртки. Борис Борисович с ненавистью поглядел на серебряный овал и засунул лотерейку туда же, где она лежала. Рвать ее не было смысла... Видно, не так просто отделаться от счастья! Как говорится в народе — если уж поперло, то поперло.

Оставшееся время до выписки жены Казалов посвятил интересному занятию — регулярному уничтожению бессмертного билета.

В понедельник с утра Борис Борисович деловито засунул лотерейку в бутыл с соляной кислотой и пошел на работу — торговать печатной продукцией. В полдень на центральной суетной улице его ограбила шайка подростков, отобрала сумку с газетами и небогатой выручкой. Через полчаса Казалов нашел под кустиком дорожное кожаное портмоне, в котором

денег оказалось ровно столько, сколько стоила сама украденная сумка и сколько Казалов должен был выручить за продажу газет. Стоит ли говорить, что заколдованный билет в это время уютно покоился в теплом казаловском кармане!

— А за моральные издержки кто платить будет? — грустно спросил Борис Борисович неведомую колдовскую силу, тяжело вздохнул и пошел покупать новую сумку.

Во вторник Казалов весь день без устали сжигал билет паяльной лампой. Раз пятнадцать или двадцать сжигал — толку не было никакого, разве что чуть пожар по новой не учудил. В среду Борис Борисович отправился к специалистам. Нет, не к ученым, не к физикам-химикам, а к тем, которые стоят поближе ко всякой чертовщине. Выбрал наугад из газетных объявлений некую ясновидящую Марину и пошел к ней на прием.

Путь его напоминал по разрушению последствия от прицельного артобстрела: трамвай, в котором ехал Казалов, сгорел за пятнадцать минут, хорошо без жертв; троллейбус, куда пересел везучий Борис Борисович, врезался в дом; проскакивая короткими перебежками от дома к дому, удачливый Казалов несколько раз едва не упал в открытые канализационные люки; асфальт под его ногами проваливался в подземные пустоты. Невзирая на препятствия, Казалов совершенно не пострадал, только вспотел от бега. Последняя удача подстерегла его в подъезде ведуньи — взорвалась электролампочка за спиной Бориса Борисовича, просыпав стеклянные осколки на ступени, которые он успел проскочить.

Худая горбоносая Марина, бесцеремонно выставив очередников в коридор, вплотную занялась странным посетителем. Работала она бойко: кромсала билет заговоренными ножницами, протыкала магическим кинжалом, коптила над освященной свечой. Передохнув, принялась окуривать карточку разными едкими травами, сбрызгивать на нее с уголька, скороговоркой читать молитвы. Даже пережевала однажды билет своими крепкими зубами, хорошо не проглотила. Но доморощенная магия не осилила счастливый билет: тот все время оказывался в кармане Казалова, чистый, серебристый, обновленный свечным пламенем и слюной.

Похоже, сила лотерейного овала после этих процедур даже возросла: неожиданно шальной метеорит, странник Вселенной, разбив окно, врезался в мебельную стенку точно над головой Бориса Борисовича.

Марина немедленно сдалась.

— Не знаю, откуда эта пакость у тебя взялась,— сердито сказала ясновидящая,— и знать не желаю. Иди-ка ты отсюда, пока меня своим счастьем не угробил. Иди, милый.— Она не очень грубо вытолкала Казалова в подъезд, проволочив его сквозь строй перепуганных клиентов: грохоту метеорит наделал изрядно.

— Ну что же мне теперь делать?! — истошно заорал Борис Борисович в дубовую дверь и крепко стукнулся в нее лбом от отчаяния.— Что?

—А ничего,—глухо донеслось из-за двери,— как приобрел счастье, так с ним и расстанься. Иди сердешный, иди.

Казалов вышел на улицу. Неторопливо и осторожно, точно ступая по тонкому льду, беспрестанно оглядываясь и вздрагивая от любого шума, он пошел куда глаза глядят.

После всех потрясений зверски хотелось пива: потому-то Борис Борисович тут же и углядел пивной ларек. Очереди по осеннему холодку не было; Казалов, прибодрясь, подошел к будке и купил сразу пару кружек, с запасом. Он смачно глотал ядреный напиток, когда дежурный алкоголик, из тех, что всегда отираются возле киосков, деликатно подержал Бориса Борисовича за рукав.

— Э? — довольным голосом спросил его Казалов.— Чего опять случилось?

— Дай денег на пивочку,— уныло, не надеясь на щедрость, попросил дежурный,— очень хочется.

Шальная мысль вдруг пришла на ум Борису Борисовичу. Он прищурился, оценивающе оглядел алкаша. Что же, вид подходящий. Явно никчемный человек. Не жалко.

— У тебя хоть десять копеек есть? — Казалов снисходительно посмотрел на дежурного.

— Н-ну есть...— недоуменно ответил проситель и застеснялся своей нищеты.

— Купи у меня вот это,— Борис Борисович протянул ему серебристый билет,— на счастье, так сказать. Примета такая у меня. А я тебе двадцать дублей дам. Прямо сейчас, не отходя от пива.

Дежурный, не веря услышанному, мигом произвел обмен: сунул монетку Казалову, забрал билет и топоча от предвкушения, просто вырвал купюры из рук Бориса Борисовича. Казалов крикнул и отошел в сторону. Ему стало интересно, что же будет дальше.

Алкоголик, выпучив глаза, смотрел на то место, где только что стоял Борис Борисович, и вдруг коршуном кинулся на землю.

— Мое! — окрысаясь, крикнул он снизу Казалову.— Не ты потерял! Ты лишь стоял на ней! Не твое! — В руках дежурного трепыхались пятьсот рублей одной бумажкой.

— Твое, твое,— согласно закивал Борис Борисович,— вот счастье привалило, вот повезло! Теперь ты — везунчик,— и захихикал.

Алкота, не слушая его, по плечи нырнул в окошко пивной будки.

— Эх,— вздохнул Казалов,— хоть этому в радость, а то...— махнул рукой и отправился восвояси. Он ушел совсем недалеко, когда услышал позади себя громкие звуки потасовки. Казалов резко обернулся.

Возле пивной мордатый продавец, крепко взяв одной рукой везучего алконавта за грудки, другой сноровисто бил его по носу. Пьяница отчаянно вырывался и визгливо причитал:

— Вовик, ей-богу, не знал, что полтыща фальшивая! Не знал! Вовик! А-а!

— Вот так,— философски отметил про себя Борис Борисович.—
Купленное счастье, оно...

Тут он неудачно наступил на банановую кожуру с размаху хряснулся макушкой об асфальт и потерял сознание. И пока вызывали «скорую», пока везли его в реанимацию и пока дежурный врач озабоченно цокая языком, осматривал глубокую рану на его голове,— все это время Казалов улыбался.

Даже в забытии он теперь ощущал себя освобожденным человеком. И был по-настоящему счастлив.

ВИЗИТ

Было лето. Жаркое, невыносимое, просто какое-то аравийское лето. Адово пекло, а не сезон года. Кондиционер уже несколько дней не работал, захлебнувшись перегретым уличным смогом. Потому Федор Алексеевич сидел в своем кабинете на первом этаже с настезь открытым окном. Сидел грустный и потный, в представительном темном костюме, глухо застегнутом на все пуговицы, при галстукe, с тополиным пухом в бровях и густой бороде. На лысине пух не задерживался, сдуваемый потолочным вентилятором. Одной рукой Федор Алексеевич придерживал документы, разложенные по столу, другой массировал грудь: как-то вдруг расшалилось сердце. Что было вполне естественно при такой духоте и такой одежде. Выражением своего лица напоминал сейчас Михин Федор Алексеевич стоика-самоистязателя, неожиданно переставшего быть стойком в самом интересном месте обязательных пыток. Однако мазохистом Михин не был, вовсе нет! Он был генеральным директором крупного коммерческого предприятия и несчастной жертвой обстоятельств: вот-вот в его кабинет должны были войти представители серьезной японской фирмы для подписания очень важного делового документа.

Маленькие сухощавые японцы чихали на необычную июньскую жару и все поголовно прибыли на встречу в галстуках и деловых отутюженных костюмах, ни капли в них не потя и совершенно свежие. Словно только что из холодильника. Видимо, там, в Японии, их для привыкания к неожиданностям русского климата заставляли с пеленок жить в особых климатических камерах с перепадами температуры от минус ста до плюс ста. По Цельсию. А может, они так сразу и родились — в ма-аленьких костюмчиках. При галстучках.

Потому, едва секретарша Оленька предупредила о прибытии делегации, Федор Алексеевич приказал ей задержать гостей на пять... хотя бы на две минуты, а сам кинулся в соседнюю комнатку, зал отдыха. Там, проклиная японскую деловую чопорность — в смысле одежды, лихорадочно сорвал с себя легкомысленную гавайскую распашонку, шорты и, обмирая от предвкушения теплового удара, облачился в парадный костюм. После чего вернулся в рабочий кабинет и грузно осел в кресло... С трудом придав своему лицу гостеприимное выражение, Михин стал ждать и потеть. Потел он долго, минут пять, а после Федор Алексеевич потеть перестал. Видно, пот закончился. Зато коммерческий директор почувствовал сильную дурноту и непривычную боль в груди. Японцев все не было.

— Заболтала япошек,— Михин плавающими глазами посмотрел на часы,— как есть заболтала.

Перестаралась, мерзавка! Уволю, к едрене-фене уволю.— Он пыхтя, попытался встать из-за стола. Но не смог, ноги не слушались... Наконец дверь бесшумно приоткрылась.

Федор Алексеевич попытался вежливо, по-японски, улыбнуться, однако улыбка не вышла — скорее получилась яростная гримаса умирающего от харакири самурая. Очень натуральная, между прочим.

Вместо ожидаемых азиатов или, на худой конец, болтуны-секретарши в кабинет неспешно вошла странная, совершенно неуместная для данного момента особа — грудастая тетка неопределенных лет, патлатая, худущая донельзя, в коротком линялом платье. Лицо ее было так густо и неумело покрыто косметикой, что его можно было использовать вместо палитры; в зубах визитерши дымилась длинная сигарета. Тетка по-хозяйски осмотрелась, небрежно подтащила от стены гостевой стул на середину комнаты и села строго напротив Михина, лицом к лицу.

— Что... за... дела?! — разделяя слова паузами, пискнул Федор Алексеевич, судорожно дергаясь в кресле. Боль в груди стала просто неимоверной — Михин уже и говорить толком не мог, только ловил кипяток воздуха перекошенным ртом. Тетка стряхнула пепел на ковер, удовлетворенно кивнула и, протянув в сторону Федора Алексеевича костлявую руку, звонко щелкнула пальцами. Неожиданно боль отпустила Михина, исчезла, как будто ее никогда и не было. В комнате заметно похолодало, несмотря на то что вентилятор внезапно перестал вращаться: застыл на месте, как в кино, в режиме «стоп-кадр».

Михин ословело уставился на нежданную гостью, откашлялся и заревел:

— Вон! Пошла вон, дура! Через минуту у меня японцы будут. Кому сказал — вон!!!

Тетка прищурилась и погрозила тонким пальцем генеральному директору:

— Вот уж нет, сахарный ты мой Федор Алексеевич. Никаких японцев тебе больше не будет! Учти, китайцев и малайцев тоже не будет. Даже чукчей ты теперь вряд ли увидишь.— И гостя громко, чуть ли не криком, захохотала каким-то нарочито вульгарным смехом, с неестественным внутренним подвывом.

От теткиного голоса, жестяного и невыразительного, у Михина по всему телу побежали мурашки: почему-то он сразу поверил нелепому утверждению насчет малайцев и чукчей. Что не увидит. Но...

— Ерунда! — Федор Алексеевич попытался встать, но ни ноги, ни руки у него сейчас не работали.— Бред какой-то. Я не знаю, кто вы такая, но попрошу оставить помещение. Не то я...

— Что — я? — с интересом подалась вперед патлатая гостя.— Что?

— Милицию вызову,— прохрипел Михин; руки наконец словно отморозились, и Федор Алексеевич рывком содрал с себя галстук. Стало легче дышать.

— Ну-у,— разочарованно протянула тетка, откидываясь на спинку стула.— Совсем не интересно. Пошло.

Михин схватил со стола мраморное пресс-папье и с силой швырнул его в посетительницу. Едва пресс-папье выскользнуло из его пальцев, как тут же беззвучно упало обратно на стол. Ровно так удало, словно по отвесу.

— Е.....! — Минуты полторы Федор Алексеевич сидел и выражался. Хорошо выражался, страстно. Можно сказать, талантливо. Тетка, мечтательно прикрыв глаза, внимательно его слушала, изредка стряхивая пепел себе на колени. Иногда, в особо удачных местах, даже слегка аплодировала. Чувствовалось, что толк в ненормативной лексике она знает и ценит мат как официально нелюбимую, но такую важную часть великого русского языка.

Когда Михин устал и начал заговариваться, бестолково повторяя прежде сказанное, гостья явно заскучала. Приподняв задницу со стула, она перегнулась через стол и наотмашь съездила Федору Алексеевичу по зубам. Михин всхлипнул и замолчал, изредка взмывая сквозь распухшие губы — говорить он не мог, словно в рот ему воткнули кусок колбасы. По самые гланды.

— Значит, так,— лениво потягиваясь и передергивая плечами, сказала гостья.— Хватит пургу нести. Пора и к делу приступать. Для начала коротко о себе, если ты еще не догадался. Я — Смерть. Точнее, Смерть на ставке. В миру меня зовут Вера Семеновна, я — бытовая пьяница и шлюха. Так сказать, антисоциальный элемент. Сеятельница порока и болезней. Но это, сам понимаешь, всего лишь легенда для вас, короткоживущих... Вообще-то нас много на ставке-то! Лично я, например, работаю по российскому региону.— Вера Семеновна широко зевнула, костяно лязгнув зубами. Видно, ей до отвращения надоела обязательная вступительная часть речи.— В общем, так, голубок. Должен был ты сейчас отдать концы от банального обширного инфаркта. Срок твой настал, стало быть. И сделала бы я свою работу тихо, мирно без огласки, ты бы и не заметил. Но! — Смерть подняла глаза к потолку.— Мне оттуда дали указание. Так и так, мол, Вера Семеновна, ввиду особых заслуг предоставить рабу божьему такому-то выбрать конец земной жизни по собственному усмотрению. То есть как хочешь, так и помирай.

Смерть закончила монолог и закурила новую сигарету.

— Чего молчишь? — выкурив полсигареты вкрадчиво спросила она Федора Алексеевича.— От счастья обалдел? Ах да! — Вера Семеновна спохватилась и крутанула согнутым пальцем у носа Михина.

Генеральный вновь обрел дар речи.

— Это... как это...— залепетал он, очумело глядя на гостью.— Не хочу я помирать... я вообще себя сейчас отлично чувствую... я хоть пять километров могу пробежать, что за вздор!

— Вздор? — Брови Веры Семеновны полезли вверх.— Ты что, козел, не въехал еще? Так я помогу.— Смерть прищурила один глаз, и прежняя жгучая загрузинная боль скрутила Федора Алексеевича.

—Я въе... въеха-ал,—простонал Михин, стуча кулаками по столу,— выкинь из меня... боль, выкинь.— Федор Алексеевич перевел дух, потер грудь.

Тетка на ставке задумчиво разглядывала кончики своих ободранных ногтей.

— Ну? — коротко спросила она.

— Что — ну? — переспросил ее Федор Алексеевич, вытирая ледяной пот с лица.

— Помирать как будешь, придурок?! — рявкнула Смерть.— Некогда мне тары-бары разводить. Хоть время я и остановила, но нельзя же тянуть его до бесконечности. У меня и своих дел полно! Да и водки выпить надо.— Вера Семеновна облизнула губы острым языком.— Была я вчера на одной хате, мы там такое...— Она осеклась, сердито посмотрела на Михина.

— Подождешь,— вдруг обнаглев, отрезал Федор Алексеевич.— Подумать надо. Не иномарку ведь покупаю! Тэ-эк... Значит, любую сме... любую конец жизни, говоришь? А за что мне такая честь?

— Почему я знаю,— окрысилась Вера Семеновна,— им там видней. Может, ты свое предназначение полностью выполнил. Это, милочек, не каждый умеет! А может, ты в святые угодил, не в крупные, но тоже почетно. А может... Да ну тебя! Гадалка я, что ли? Слушай,— голос у Смерти потеплел,— а чего там чикаться! Помирай себе обычным путем, от инфаркта. И тебе голову ломать не надо, и мне хлопот меньше. Давай, а?

— Ты это прекрати,— казенным голосом отрезал Михин,— раз положены мне льготы — значит, буду их использовать на всю катушку. Я свои права знаю!

— Как хочешь,— кисло пробормотала Вера Семеновна,— мне по барабану.

В комнате повисло тягостное молчание. Федор Алексеевич глубоко задумался, положив руки на стол и упершись в них подбородком. Вообще-то Михин был умным человеком, иначе он никогда бы не поднялся от должности лаборанта в мединституте до вершин коммерции. Федор Алексеевич был абсолютно уверен, что из любой безвыходной ситуации всегда найдется выход. Пусть не выход а щелочка. Игольное ушко. Но — найдется. Надо только хорошо подумать, очень хорошо.

Михин покосился на Смерть — та безучастно смотрела мимо него, чинно сложив руки на коленях. Ждала.

— Слушай, подруга,— Федор Алексеевич подмигнул скучающей бытовой пьянице,— может расскажешь, как другие льготники-то... Небось я не первый?

— А как же! — встрепенулась Смерть. В ее голосе прорезались живые, чувственные нотки. Что-что, а свою работу, похоже, она любила.— Момент.

Вера Семеновна запустила руку в декольте помойного платья, пошарила там и вытащила засаленный пухлый блокнот; одна грудь заметно обвисла.

— Пожалуйста.— Смерть раскрыла блокнот на коленях, трепетно разгладила странички.— Тебе все подряд или самое интересное?

— Все подряд,— приказал Михин.

— Можно,— легкомысленно согласилась Вера Семеновна,— очень поучительные истории. Весьма правдивые. Стоп! — Тетка стукнула себя по лбу ладонью.— Отбой. Не пойдет.

— Это почему же? — возмутился Федор Алексеевич.— Желаю. Все подряд желаю. Имею право!

— Фиг ты имеешь, а не право.— Смерть показала ему кукиш.— Вот тут, медовый ты мой, твои права как раз и не действуют. Практические советы клиенту я могу давать по собственному усмотрению. Здесь, понимаешь, мною пятьдесят семь тысяч девятьсот два случая описаны! Мелким почерком. Да я усохну просто все зачитывать. Э-э,— она покачала головой,— да ты хитрец. Небось решил отсрочку себе устроить? Не пойдет! Меня, лапушка, на поганой козе не объедешь!

— Ладно,— нехотя согласился Михин,— давай экзотику. Что-нибудь эдакое, нестандартное. Чтобы -ух!

— Ага,— Вера Семеновна быстро зашелестела листиками,— так... Вот! Как сейчас помню — от белой горячки один мужик помереть должен был. Бывший дегустатор вин. Соответственно льготной заявке пожелал он утонуть в вине, да не просто в вине, а в испанской мадере урожая 1734 года, обязательно налитой именно в гейдельбергскую бочку работы Михтеля Варнера из Ландау. Эстет, блин! Пришлось попытеть, но все организовала чин чинарем. Так... так... Вот еще забавный случай, лет десять назад произошел: очередной клиент мужского пола захотел умереть от родов. То есть в процессе рождения выношенного им ребенка.

Думал меня объегорить! Устроила, куда б он делся... Кстати, широкую огласку случай получил. По нему еще киношку сняли. Видел?

Федор Алексеевич промывал неопределенное, вяло махнул рукой:

— Дальше.

Вера Семеновна угукнула.

— Вот славный курьезик: попалась мне одна верующая, в доску богомольная. Так она, когда меня увидела, даже целоваться полезла. Всю К жизнь, говорит, ждала! Хочу, мол, помереть, но только после того, как живьем на небо попаду. Мне-то что, на небо так на небо. Бац-бац, и оказалась фанатюшечка моя в открытом космосе на геостационарной орбите. Без скафандра, разумеется. Зачем он ей?

Михин слушал вполуха. Какая-то еще неоформившаяся мысль упорно пыталась пробиться к нему из глубины сознания. Что-то из давно забытого, из тех времен, когда был Федор Алексеевич обычным лаборантом медицинского института.

Тем временем Смерть заливалась соловьем:

— ...и пожелал стать гордиевым узлом. Чтобы, значит, Александр Великий его мечом, собственноручно! Ладно. Мое мнение такое: раз просит человек — значит, так и будет. Клиент — он всегда прав. Слышал бы ты, как он орал, когда я из него веревку для узла вила! Очень, очень болезненная процедура оказалась. Так сам ведь попросил! А один чувачок возжелал быть заживо съеденным мифическим чудовищем — циклопом. Что же, кому мифическое, а кому нет: пристроила я его к Одиссею в отряд аккурат в пещере Полифема. Когда циклоп кушать собрался.— Тут Вера Семеновна как-то странно хихикнула.— Во, самый писк! Одна дамочка решила помереть от непрерывной серии усиленных оргазмов...— Смерть нервно потеряла руки, плотоядно оскалилась.— Хор-роший способ! Класс. А вот...

В этот момент Михин сообразил, что надо делать: мысль четко оформилась, и решение пришло само собой.

— Хватит,— грубо оборвал генеральный Веру Семеновну,— закружляйся. Сейчас работать будем.

— Уже? — огорчилась тетка.— Жаль. Только я почитать настроилась! Знаешь какие еще у меня случаи есть? Пальчики оближешь. Давай почитаем, а?

— Дело прежде всего,— жестко ответил Михин.— Имею заявку.

— Слушаю,— Смерть, послунявив палец, быстро нашла в блокноте чистую страничку, вынула откуда-то из копны волос маленький карандашик и ожидаательно замерла в позе послушной секретарши.

— Значит, так. Желаю умереть в процессе моего синхронного, то есть одновременного, клеточного деления. Записала?

— ...де-ле-ни-я. Записала. А это как? — Вера Семеновна, прикусив карандаш, озадаченно уставилась на Михина.

— Ты биологию изучала? — Федор Алексеевич внимательно посмотрел на гостью,— Про микроорганизмы знаешь?

— Фу,— отмахнулась Смерть.— Еще чего! Я только по разумным формам работаю. По человекам, стало быть. Мелочью другое ведомство занимается. Так что такое деление?

Михин сделал страшные глаза:

— Когда живой организм разделяется на две половинки. Хрясь, и напополам!

У Веры Семеновны отвисла челюсть.

— Точно,— убито сказала она сама себе,— из мучеников он. Будет святым, факт. Слушай, Лексеич,— Смерть заговорщицки подмигнула Михину,— понравился ты мне. Как другу советую — зачем тебе такое? Давай-ка лучше от оргазмов.

— Как хочу, так и помираю,— капризно заметил Федор Алексеевич,— мое дело.

— Ну, ты сам напросился.— Смерть оценивающе смерила Михина взглядом, что-то прикинула в уме, после сделала руками резкий пас, словно невидимый мяч в генерального кинула.

И Михина не стало. В кресле был только туго раздутый костюм, внутри которого кипело бешеное варево протоплазмы; в вареве что-то мерзко пицало и булькало — из рукавов и воротника ошметками полезли хлопья серой пены. Запахло гнилью.

— Елы-палы! — Вера Семеновна в восторге застучала кулачками по коленям.— Во дает! Во пляшет!

Вскоре сидевшее в кресле туловище — поплыло: верхняя часть, в пиджаке, плюхнулась под стол; нижняя, в брюках, затихла на сиденье. Из рукавов и брючин медленно потекла сизая кисельная жидкость.

— Кажись, дело сделано.— Смерть мельком чиркнула карандашиком в записной книжке, спрятала ее на место.

Проходя мимо стола, она неодобрительно покосилась на кресло:

— Предлагала же ему, как человеку. Тоже мне радость — разорвался! И никакого кайфа. Эх-хе.— И Вера Семеновна плотно закрыла за собой дверь.

Неожиданно рывком включился вентилятор, за окном с шумом поехали машины. В комнате стало жарко.

Мокрый пиджачный сверток под столом зашевелился. Отдирая пуговицы, из него с трудом вылез Федор Алексеевич. Маленький такой, голенький, с лысиной и бородкой.

Из брюк на кресле вылупился второй Михин, тоже голый, тоже маленький.

— Пошли отсюда,— пискливо потребовал Михин-первый,— вот-вот япошки припрутся.

— Точно,— согласился Михин-второй.

Подсаживая друг друга, они забрались на подоконник.

— Хе-хе,— от восторга звонко хлопая себя ладошками по выпуклому животу, сказал Михин-первый,— самое смешное-то знаешь что?

— Что? — радостно спросил Михин-второй.

— Да то, что я... то есть мы... теперь для любой Веры Семеновны официально мертвы. Сечешь?

— Секу,— ответил Михин-второй.— Больше она к нам не заявится.

— Аида в цирк лилипутами работать! — задорно предложил один из Михиных другому.— Пока до нормы не вырастем.

Второй согласно кивнул.

Легко, словно парашютисты с крыла самолета, они прыгнули с подоконника на зеленый уличный газон, навстречу своей новой и вечной жизни.

Голенькие.

В чем Смерть родила.

ЖЕЛАНИЕ

Когда Вадим Николаевич разлепил глаза, был уже поздний вечер. Или скорее ранняя ночь... или раннее утро — поди разберись, когда व्यюжно и темнеет рано, а будильник показывает семь часов непонятно чего, а запой идет себе да идет, не обращая внимания ни на время года, ни на время суток, ни на его, Вадима Николаевича, самочувствие.

Вадим Николаевич кряхтя сел — старый диван под ним тоже закряхтел пружинами; так они и побряхтывали несколько минут, каждый о своем. Потом Вадим Николаевич нащупал ногами шлепанцы, встал, подтянул трусы и побрел в ванную, попить и умыться. В первую очередь, конечно, попить.

По пути Вадим Николаевич щелкнул выключателем, но лампочка в комнате не зажглась, чему Вадим Николаевич ничуть не удивился: свет последнее время отключали с завидной регулярностью. В местной газете писали, что, мол, в целях повышения благосостояния, но не указывали чего. Явно не Вадима Николаевича, явно...

Хуже всего было то, что в кране не оказалось воды ни холодной, ни горячей — пить было нечего. Отметившись по-маленькому в туалете и не смыв за собой, Вадим Николаевич поднял фаянсовую крышку бачка-компакта и, зачерпнув из него найденной на кухне железной кружкой, наконец-то напился. А чего здесь такого? Вода в бачке чистая, водопроводная... Неэстетично, конечно, но куда деваться-то, когда трубы горят...

После Вадим Николаевич, подсвечивая зажигалкой, пошел в зал наводить ревизию в своих запасах, о которых помнил даже во сне. Хотя понятия не имел, откуда они взялись. Запасы были хорошие, могучие запасы! На виду оказалось двадцать ящиков лучшей водки, один, правда, почти пустой; двадцать — марочного коньяка, еще десяток чего-то там элитно-инострannого с невразумительными надписями... Коробок пять разных консервов и дорогих сигарет. В общем, комната была забита ящиками и коробками до потолка. Возможно, где-то там, за первым рядом, находились упаковки со столь желанным и необходимым «сейчас организму пивом, но разбирать штабеля у Вадима Николаевича сил не было. А крепче пива организм ничего не хотел и грозно бунтовал желудком при любой мысли о водке или коньяке.

Пожалуй, за пивом надо было идти в ближайший коммерческий ларек, тот работал круглосуточно, но вот были ли деньги? Вадим Николаевич, обжигая пальцы нагретой зажигалкой, отыскал в углу спальни куртку и брюки, пошарил в карманах, но найденные два рубля оптимизма у него не

вызвали. И тут Вадим Николаевич вспомнил. Стукнув себя по лбу ладонью — ах дурак — он бросился на кухню.

Деньги были на месте, в открытом настежь холодильнике: пачки долларов, фунтов и новомодных евро забили емкое нутро до самой морозилки. Тоже, кстати, неизвестно откуда взялись... Вытащив пачку долларов, Вадим Николаевич выдернул из нее одну бумажку в сто баксов номиналом, больше брать не стал: а ну как на улице по темноте ограбят? Хотел было закрыть холодильник, приняхался и поморщился: воняло как на помойке.

— А еще говорят, что деньги не пахнут,— раздраженно сказал Вадим Николаевич и со злостью захлопнул дверцу.

...На улице мело так, что за снежной круговертью почти ничего не было видно. Тем более что уличные фонари тоже не светили и окна в соседних домах были черными. «У всех отключили. Во гады энергетики!» — понял Вадим Николаевич, геройски топая по сугробам в привычном направлении. Маршрут был настолько отработан, что ни вьюга, ни темнота, ни сугробы не сбили бы Вадима Николаевича с верного пути.

Ларек оказался заперт, хотя семь часов вечера или утра вполне рабочее время; амбразура с дежурным стеклянным окошком была подозрительно темной. Вадим Николаевич стучал в окошко долго, даже орал, чуть ли не уткнувшись лицом в стекло, но Зинка, видимо, или завалилась спать и дела ей не было до страданий ночного героя-покупателя, или вообще на работу не вышла. Вадим Николаевич выругался и побрел назад, домой. Ящики передвигать.

Пока он ходил к ларьку, пока пытался достучаться, вьюга утихла и стало светать: серые зимние тучи разошлись, явив румяное утреннее солнце. Снег похрустывал под ногами Вадима Николаевича, и это был единственный звук, который он слышал.

Что-то было не так.

Вадим Николаевич даже на минуту остановился, соображая, какое такое «не так» беспокоило его, но никаких мыслей в тяжелую похмельную голову не приходило. Вадим Николаевич прошел еще с десятков шагов и вдруг сообразил: не каркали вороны. Горластое воронье племя, поселившееся на деревьях вокруг ларька, всегда встречало рассвет омерзительно дружным хором, тут же начиная испражняться — уж это Вадим Николаевич знал наверняка, чай, не первый раз под утро к ларьку ходил...

А еще не было машин. Вадим Николаевич посмотрел в сторону проходящей мимо домов вечно оживленной трассы — да, не было. Ни одной.

— Блин! Война, что ли, случилась, пока я пил?— с испугом спросил сам у себя Вадим Николаевич, но, не дождавшись ответа, продолжил путь домой.

Дома он, потев от усердия, с трудом отодвинул часть ящиков с водкой, нашел за ними штабель упаковок баночного пива — вытащил одну, уронив

все остальные, и, на ходу выдергивая длинную, похожую на снарядную гильзу банку из пластиковой обоймы, направился к телефону.

Телефон тоже не работал. И сетевой радиоприемник упрямо молчал, хотя ручка громкости была выкручена до упора.

— Совсем озверели демократы,— горько пожаловался Вадим Николаевич полупустой банке. — Додемократились! Вон и телефон с радио отключили, а я ведь за них платил... Кажется,— допил пиво и подошел к окну.

За окном была зима, за окном был день. А людей машин и ворон не было...

— Эта,— задумчиво сказал Вадим Николаевич мерзлому окну,— не нравится мне оно чего-то... Может, и впрямь эвакуация была? Может, тут нынче Чернобыль случился, а я и не знаю об том? — обдумал эту мысль и отмет ее как несостоятельную. Потому что ни атомных станций, ни крупных химических предприятий поблизости не имелось.

— Надо попробовать вспомнить, что было-то,— вздохнул Вадим Николаевич.— Может, чего по радио объявляли, да я не понял? — И, чтобы легче вспоминалось, продолжил неспешно потрошить початую упаковку пива.

После второй банки Вадим Николаевич вспомнил, как три дня тому назад пришли Леха и Кузьмич, принесли бутылку и кулек свежемороженой рыбы. После третьей банки пива вспомнилось, как Леха сбежал за добавкой, а Кузьмич жареной рыбки потребовал... После четвертой и пятой Вадим Николаевич вспомнил, что кинул одну рыбину в таз с водой, оттаивать, а остальные сунул в морозилку... Как Леха побежал еще за добавкой, а Вадим Николаевич начал рыбу чистить, а та взмолилась человеческим голосом, обещала три желания исполнить... просила и остальных разморозить, отпустить в реку, мол, тоже откупятся.

Смешно было до упаду: рыба, и говорит! Таких глюков у Вадима Николаевича раньше не было. Чтобы именно говорящая рыба. Что-то он там желал сдуру водку-коньяк-вино-пиво-сигареты-закусь до потолка и денег полный холодильник, ага!

Так-так... А что же было с третьим желанием? Кажись, что-то было. Но что?

У Вадима Николаевича от умственного напряжения разболелась голова: пиво не помогало ни вспомнить, ни снять ту боль. Пришлось идти откупоривать водку — организм уже был не против. Совсем не против!

После половины стакана в голове прояснилось. Воспоминание о третьем желании было нечеткое, тусклое, как кино в соседнем ДК, куда Вадим Николаевич иногда ходил развлечься, самогону с киномехаником выпить. Но — было.

Зашел, значит, Вадим Николаевич в комнату с говорящей рыбой в руке, похвастаться хотел, ящики с выпивкой да деньги показать, а эти сволочи без него, оказывается, всю поллитру усидели!

Озлился тогда Вадим Николаевич (ну бывает, ну вспыльчив, когда лишку на грудь возьмет)... и сказал в сердцах: «Чтоб вы все пропали!» А рыба, помнится, еще уточнила: «Все?» А Вадим Николаевич ответил...

— Черт! — крикнул Вадим Николаевич, отбрасывая стакан и кидаясь к холодильнику: может, какая рыбина еще уцелела, не сдохла... Они, рыбы, твари живучие... лед там на стенках был, толстый-претолстый.

Вадим Николаевич открыл морозилку и отшатнулся: воняло именно оттуда, даже не воняло, а невыносимо смердело гнилью, тухлой речной рыбой. Вадим Николаевич медленно закрыл холодильник и побрел в спальню поминать безвинно пропавших друзей, дорогих Леху и Кузьмича.

И всех других заодно поминать... которых было сколько-то там миллиардов. Не считая ворон и прочей бестолковой живности.

Единственное, что утешало Вадима Николаевича, так это то, что запасов на поминки у него вполне хватало. На долгие поминки... очень, очень долгие.

Пожизненные.

ЗАБАВА

Началась эта история в пятницу, ближе к вечеру, с того, что дядя Вася в очередной раз поругался с женой и пошел в знакомый ларек пить пиво, банками. Он всегда пил пиво после нервных потрясений. «Пиво для мужика — что валерьянка для бабы» — так считал дядя Вася, и это было верно, во всяком случае по отношению к нему.

Василий Иванович трудился в подвальном филиале одного полурассекреченного НИИ регулировщиком радиоизмерительной аппаратуры. Работа была непыльная, тонкая и очень скучная, не работа, а работенка, честное слово. Поэтому Василий Иванович считал ее побочной, подработкой, что ли. А настоящий трудовой подвиг начинался У него с утра в субботу и заканчивался вечером в воскресенье. Очень любил дядя Вася выходные, оттаивал в эти дни душой и сердцем, отдыхал от паяльной рутины, от чертовых осциллографов, генераторов и прочей несерьезной дребедени.

В выходные дни Василий Иванович работал в бригаде грузчиков на доставке. Причем бригадиром. Причем очень уважаемым. Дядя Вася с детства мечтал стать грузчиком, как батяня, но мать не позволила — пришлось получить среднее образование, потом электротехническое, пройти курсы подготовок и переподготовок, стать хорошим специалистом по ремонту всяческой радиоаппаратуры, а мечту жизни оставить на потом. На выходные. Так что неудивительно, что Василий Иванович ростом был очень высок, в плечах необъятен, животом не обижен. И пиво кушал литровыми банками в потрясающем количестве. Таких в народе зовут «шкафами», но за глаза. Потому как от такого шкафчика и дверцей по шее получить можно за оскорбление личности.

Сегодня по шее получил дядя Вася, от жены, мокрым полотенцем. Вот кто другой бы ему по шее врезал, тогда да. Тогда появились бы в неосторожной судьбе обидчика и реанимация в БСМП, и гипс, и прочие неприятности. А на жену рука не поднялась, привык к ней дядя Вася за двадцать лет, ох привык.

Скандал вышел из-за пустяка: Мария, как обычно перед выходными, сказала: «Или я, или твои грузчики». Дядя Вася, как всегда, послал ее. Негрубо послал, мягко, почти без мата. А та — раз! — и полотенцем, да еще и мокрым, с оттяжкой. Не больно, но обидно. Вот посему и стоял сейчас Василий Иванович у пивной, что возле цирка, и пил не торопясь четвертую литровую баночку.

Погода стояла чудесная, весенняя. На этажах долгостроя, напротив пивной, весело перекрикивались строители, иногда вставляя в

ненормативную лексику понятные для прохожих слова: «кирпич», «раствор», «прораб». Среди голых метелок акаций деловито дрались воробы; на крышах цирковых фургончиков, что окружили ларек и почти вылезли на проезжую часть, эротично завывали кошки. Одно слово — весна!

Дядя Вася спросил еще пивка и задумался, прислонясь спиной к грязной решетке. О жизни задумался, о судьбинушке своей нелегкой. Пытался он разобраться в сложном житейском треугольнике: жена, работа, хобби. Или так: хобби, работа, жена. Что важнее? А черт его знает. Без работы еще как-то можно. А без остального нельзя. А вот оно-то как раз и не состыковывалось.

— Вот же.....!! — в рассеянности очень громко сказал Василий Иванович. Строители, конечно, смогли бы оценить его витиеватую фразу, но они были далеко. Оценила продавщица.

— Пива больше нет! — грозно крикнула она из окошка и с треском его захлопнула. Даже про банку забыла. Василий Иванович оставил посуду на липком прилавке и, потому как уже стемнело, зашел за ближайший фургончик облегчиться. Процесс пошел, а дядя Вася в это время бездумно читал надпись на самом фургончике — прочиталось непонятно, очень уж большими буквами было выполнено. Василий Иванович застегнулся, отошел в сторонку и прочитал снова.

«Альтаир-3. Маг шести измерений» — вот что было написано на боку облупленной будки с колесами.

— Магия,— нахмурился дядя Вася,— фокусы, значит. Та-ак. Альтаир? Собачья кличка, что ли? — Он немного подумал, прояснился лицом.— Три ученые собаки в бригаде, видать. Ох уж мне эти альтаиры-мальтаиры. Пудели вонючие.

Василий Иванович сплюнул и пошел вдоль фургончика. Тут что-то круглое попало ему под ногу дядя Вася поскользнулся и крепко сел, хорошо не в лужу.

— Не, ну это уже совсем,— обиделся Василий Иванович. Кстати, если бы жена вовремя услышала от него такое высказывание, она немедля передумала бы лупить мужа полотенцем. Потому что сказано было тихо и без мата, а это уже предел означает. Какое всему окружающему миру, среде обитания, экологии и собутыльникам. Сейчас могло произойти что угодно! Но не произошло. Не успело.

Внимание дяди Васи переключилось на ту штуковину, которая его так подло прокатила. Василий Иванович двумя пальцами поднял с земли странный, искрящийся серебром цилиндр, похожий на школьный пенал для карандашей, и поднес его к глазам. Хотя совсем стемнело, но находка была видна хорошо: казалось, она слегка светится мелкими, плавающими по поверхности крапинками.

Дядя Вася потрусил пеналом. Тот оказался странно тяжелым, но вроде пустым — внутри ничего не брякало. Все еще сидя, Василий Иванович

заглянул под фургон. В днище имелась приличная дыра в кулак размером, внутри дыры мягко клубился зеленый фосфорный мрак.

— Ага,— сказал сам себе дядя Вася и грузно поднялся на ноги.— Вот как,— молвил он фургону и сунул цилиндрик в карман,— теперь поищите меня, заразы шмальтаирские! Я вам такое устрою!

Он зло погрозил кулаком мрачному зданию цирка и тяжело зашагал домой. Сам того не зная, Василий Иванович произнес, пророческую, фразу. К сожалению.

Дома дядя Вася обнаружил горячий борщ, пельмени, графинчик водки на столе и кающуюся Марию. Очень какая-то неуютная ситуация получилась, потому как Мария раньше никогда не каялась и даже не извинялась. Про цилиндрик дядя Вася, конечно, забыл, а сразу сел, даже куртку не снявши от неожиданности, есть борщ. Вот так они и помирились.

В субботу Василий Иванович на погрузку не пошел, впервые за десять лет,— позвонил Гарику из бригады и сослался на люмбаго. Гарик испугался непонятного слова, засобиравшись немедленно приехать проведать шефа и успокоился, лишь когда дядя Вася объяснил ему, что это его в спине боли донимают.

— Вон что,— сказал умный Гарик,— эт-та я понимаю. Профессиональная болячка, я знаю. Ты лежи на грелке и, главное, водкой лечись. Растирайся и пей, растирайся и пей,— и повесил трубку.

Конечно, никакого такого люмбаго у Василия Ивановича не было и быть не могло, потому что здоров он был всегда и необыкновенно. Просто решил дядя Вася разочек уважить Марию, пойти навстречу ее многолетней просьбе: жена все же, не коза! И теперь грузчик-электронщик скучно болтался по квартире, делать было совсем нечего. Ну чаю попил. Ну гирьку двухпудовую поотжимал на балконе. Ну газету почитал. Хотел было поругаться с Марией еще разок, чтобы пива пойти выпить, а та фырк — и к матери на весь день уехала. Тоска!

Тут вспомнил дядя Вася про цилиндрик вчерашний. Есть, есть чем заняться! Даже на душе полегчало. Достал он из кармана куртки странный пенальчик, сел на диван и вдумчиво стал изучать находку: поковырял пенал ногтем, куснул за уголок, лизнул. Вкус был непонятный, странный — вкус остромаринованного с перцем железа, хотя такого и не бывает.

Торцы у пенала оказались отполированными до блеска, как стекла в подозрной трубе. Конечно же Василий Иванович немедленно приложил цилиндрик к глазу и поглядел в него; видно было плоховато, как через дверной глазок, все в муаре и бликах. Дядя Вася подышал на торцы, протер их носовым платком — стало гораздо лучше. И тут странную вещь заметил Василий Иванович, необычность забавную.

Вот он смотрит на орущий радиоприемник. Вроде все как всегда — коробка, ручки, антенна. Но там, внутри, вроде как голова железная имеется, ртом шевелит безгубым. Или взять торшер. Абажур, пара лампочек — все на месте. А с другой стороны, и не торшер это вовсе, а

пальма с двумя кокосами. И обезьяна за ветку хвостом зацепилась — веревка от выключателя. Забава!

— Калейдоскоп это шмальтаирский,— убежденно решил дядя Вася,— дурость в шести измерениях. Кретинизм,— и с большим увлечением стал исследовать квартиру, разглядывая привычные вещи через шмальтаирский калейдоскоп. Кое что ему понравилось, кое-что нет. Скажем, аудиокассета с эротической музыкой — ее Василий Иванович любил слушать с похмелья, тонус подымать. Так там, внутри, как в маленьком аквариуме жили крохотные голые человечки. И что они вытворяли! Что вытворяли! Наверное, час смотрел дядя Вася, нервно глотая слюну. «Эх, когда же Машка вернется? — горячо подумал он и тут опомнился.— Вредно такое смотреть, без жены-то»,— и спрятал кассету подальше.

Книжки некоторые понравились, особенно дамские романы. Потому как все, о чем в них писалось, предстало сейчас перед ним в виде кинофильма. Что приятно, в этих фильмах постельные сцены не вырезались.

Хороша была чешская раковина — белый лебедь с призывно открытым клювом. А вот унитаз ему не понравился — жадно раскрытая жабья пасть.

Газовая печка не приглянулась, очень она ад в миниатюре напоминала: котлы, черти. И огонь, огонь везде! Будильник адской машинкой оказался, сапоги — дырявыми лодками; сложенный зонтик выглядел крайне неприлично.

Озадачило зеркало. Долго в него вглядывался Василий Иванович, но так и не понял увиденного: в стеклянной глубине парил сказочный бронечешуйчатый дракон.

— Вот так,— недоуменно крикнул дядя Вася, напился в кухне густой заварки прямо из чайного носика и сел на диван обмозговать увиденное. Но что-то не мозговалось.

— Умная штука,— с уважением сказал дядя Вася, внимательно рассматривая калейдоскоп,— странная штука, нерусская. Видать, японцы состряпали. Или германцы. Они могут.

Василий Иванович на всякий случай поглядел в другой торец пенала, но ничего там не увидел после задумчиво стал крутить цилиндр так и сяк, так и сяк, так... Вдруг одна половинка цилиндрика подалась под нажимом пальцев и со щелчком провернулась на девяносто градусов, где и застыла: хитрый пенал оказался сделан из двух частей.

Дядя Вася вернул половинку в прежнее состояние, навел калейдоскоп на радиоприемник и хищно приложился глазом к смотровому торцу. Жестяная банка увлеченно пела голосом Боярского;

Василий Иванович нежно прокрутил половинку до щелчка, отнял калейдоскопчик от глаза и остолбенел. На столе вместо транзистора, блестя хромированными скулами и не в такт песне двигая челюстями, стояла реальная голова. Дядя Вася на цыпочках подкрался к той железной голове, потрогал пальцем ее холодное темя, нос...

— Попрошу не мешать, передача все-таки,— недовольно сказала голова хорошо поставленным дикторским голосом и в упор уставилась на дядю Васю неоновыми глазами.

— Извиняйте,— дрожащим голосом ответил ученый-грузчик и по-лягушачьи, одним прыжком, вернулся на диван, где и осел, растекся от ужаса.

Голова мягким женским контральто сообщила ему о погоде.

— Спасибо,— вежливо ответил дядя Вася. А что он еще мог сказать?

Опомнившись, Василий Иванович шустро вскинул пенальчик к глазу, уставился им на разговорчивую голову и вернул подвижную половинку на место. Голова исчезла из реальности, возвратив на место приемник. Женский голос остался. Обычная радиопередача, без всяких заморочных фокусов

— Ие-о-о...— просипел дядя Вася, отшвырнув от себя опасную игрушку: что-то в его собственной голове перевернулось, и стало непривычно плохо. у Василия Ивановича раньше никогда не поднималось давление, но сейчас оно подпрыгнуло до крупной дрожи по всему телу. Шатаясь, дядя Вася добрал до холодильника и достал оттуда пузырек с Машкиной валерьянкой, не глядя круто хлебнул из горлышка, запил водой. Скоро ему полегчало. Он вернулся в комнату, покатал носком тапочка цилиндрок по ковру — тот не взорвался, не превратился в змею, не исчез. Василий Иванович сел подле него в позе тоскующей Аленушки, обхватив колени дрожащими лапищами.

— Вот, значит, какие у них фокусы. Вот, значит, какие...— бормотал он, стеклянно глядя на пенал.— Нелюди заразные, с-собачары альтаирные, гады шестимерные.

Дядя Вася дураком не был, читал о летающих тарелках, о случаях странных и страшных. Никто, понял Василий Иванович, никто на Земле не мог иметь такой вещи. А значит, она из космоса. А значит, будет дяде Васе амба, когда его найдут. Что найдут, он теперь не сомневался. Только вяло удивился, почему до сих пор не нагрянули эти... со щупальцами, в тарелках. Видно, не обнаружили они еще пропажи. Или обнаружили? И теперь подглядывают за местным недоумком через свои телескопы, хихикая и шлепая от удовольствия себя щупальцами по лысынам. Мол, давай-давай, что теперь делать будешь? Мартышка и очки. Нет хуже. Неандерталец и граната.

А может, и нет, не обнаружили. И вообще потеряли эту штуковину совсем не инопланетяне а земные Кулибины-Копперфильды, тайные умельцы. Чародеи техники. Циркачи. Вот на этом варианте дядя Вася и остановился, чтобы не свихнуться.

Василий Иванович встал, вышел на балкон охладиться. Постоял, бесцельно постукивая кулаками по перилам, равнодушно посмотрел на Театр, архитектурно очень похожий на мощный трактор (дядя Вася жил почти напротив псевдомашины), далеко плюнул на асфальт и вернулся в комнату. Интересная мысль, шальная просто, вдруг возникла в его голове.

— Вот что,— сообщил он зажатому в кулак пеналу,— большие бабки на тебе сделать можно. Архибольшие. Миллионные! И все — долларами. Продавать тебя не буду, глупо. А наделаю я диковинок и начну их загонять, от покупателей отбою не будет. Курочка ты моя золотая! Клондайчик!

В этот момент полюбил дядя Вася игрушку окаянную, понял цель и смысл своей жизни, наперед ее углядел. Квартиру престижную... что там квартиру! — дворец во Флориде углядел, личный «боинг» в нью-йоркском аэропорту; в Кремле — со всеми за ручку, лично с президентом — Здравсьте, со взаимными поклонами; безразмерный счет в Швейцарии... и женщины, женщины... много женщин, много долларов... и пиво лучшее, бутылочное, ненашенское, с утра до вечера... ванну золотую с шампанским, глубокую, как полынья... унитаз платиновый...

— Этого я и боялся,— сказал неприятный голос за его спиной,— это финиш. Платиновый унитаз! Пора прекращать. Да-с.

Дядя Вася резко повернулся. У входной двери прямо из воздуха слепился худосочный мужичонка во фраке, с тросточкой, брюки-дудочки над лаковыми штиблетами. Лысый череп и седая бородка, ; маленькие глазки. Типичный пришелец оттуда...

—Вам... тебе чего, мать твою? — рывкнул. Василий Иванович, нутром понимая, чего надо этому франту.— Пошел вон, это моя квартира!

— Тихо,— скрипнул лысый,— нечего чужие вещи воровать... э-э... с целью личного обогащения. Так у вас говорят?

— Я не воровал,— быстро ответил Василий Иванович и выпятил грудь.— Я честно его нашел.

— Ну, может быть,— легко согласился мужичок,— какая разница. Все одно — отдайте. Обойдетесь и без золотой сантехники.

— А кто ты такой?! — с нарастающим криком задал дядя Вася фразному классический вопрос.— Кто ты такой?!!

— Вы же прочитали на борту моего транспортного устройства, кто я такой и откуда, довольно с вас. Нет, подумать только! Стоит хоть чуть-чуть задержаться из-за поломки в какой-нибудь чужой, недодуманной реальности, как тотчас возникают неприятности. Вот,— человек обвиняюще ткнул тросточкой в сторону дяди Васи,— уум спер, мерзавец! Одно слово, грузчик. Везде они одинаковы.

— Угрожаешь? — флегматично поинтересовался Василий Иванович, напрочь пропуская смысл сказанного. Он понял одно — его обозвали, оскорбили Родину и сейчас ограбят.

«Спокойно,— посоветовал сам себе дядя Вася,— сейчас будет весело».

— Может, и будет,— вдруг разулыбался мужичок,— если не отдашь. Очень весело будет.

Дядя Вася сделал отвлекающий маневр — он демонстративно расслабился и невинно спросил:

— Отдам, только объясни, что это такое — уум?

Лысый почесал бороду, оперся на трость:

— Это прибор, обычный серийный прибор. У каждой вещи есть своя суть, скрытая душа, так сказать. Вот он и преобразует вещь соответственно ее, гм, душе...— Мужичок плавно повел свободной рукой в лекторском задоре.

Этого момента Василий Иванович и ждал. Шагнув вперед, он с размаху хрястнул зажатым в кулаке уумом по черепу гостя. В комнате глухо ухнуло, рука у дяди Васи слегка онемела.

— Даже так? — удивился лыбый. Дядя Вася отшатнулся.

Штиблетный выставил вперед тросточку и начал кричать несусветные, но страшные слова. Василия Ивановича охватила слабость. Он судорожно поднял руки, защищая лицо, и случайно ткнулся глазом в уум. Лысый всхлипнул и уронил тросточку — дядя Вася ненароком посмотрел на него через прибор. Видимо, от удара уум сломался, потому как без всякой подкрутки превратил гостя в черную жидкую слизь. Слизь кипела и продолжала бормотать.

В комнате резко потемнело. В ужасе, не отрывая уум от глаза, Василий Иванович принялся лихорадочно оглядываться по сторонам, ища спасения. Вещи, мельком задетые волшебным взглядом уума, ожили — запрыгали, заорали. Хохот, лай, визги, стоны, предсмертный вой, бешеный рев — все сразу обрушилось на бедного Василия Ивановича. Грязь уже ползла по его брючине, сопливо лезла в тапки. Поскользнувшись, дядя Вася развернулся к зеркалу и увидел сквозь приборчик в стекле дракона. Свое духовное отражение.

— Нет, только не это! — хотел заорать Василий Иванович, но опоздал.

Глазница его резко сузилась, намертво зажав перед вертикальным зрачком проклятый уум, лапы бряцнули когтями по полу, проломив его до бетона, бронированный хвост высадил окно.

Дядя Вася... дракон Василий Иванович взревел, спалив сразу полквартиры плазменной струей, легко выломал бетонную стену и, неуклюже работая крыльями, поднялся в небо. Это было эффектно — дракон в небе! Даже красиво. Дракон испуганно метался рваным полетом бабочки, мотая узкой башкой из стороны в сторону и лупя по городу жутким колдовским взглядом.

Город резко и бесповоротно менял свой облик. Двинулся с места тракторный Театр и, стуча дверями, поехал в сторону реки, омывающей Город; стоявшая напротив Театра помпезная статуя богини победы радостно сорвалась со своего пьедестала и въюном теперь вилась вокруг дракона; в разных частях Города возникали хрустальные башни и готические дворцы; появились новые драконы, воздух кишел эльфами и ведьмами; черные мальтийские всадники скакали по центральной, поросшей садом улице; носатый ифрит в голубых шароварах попытался оседлать Василия Ивановича, но был насмерть сражен его огненным плевком. Случайно попавший под демонический луч вертолет с камуфляжной окраской рассыпался на десяток военных аладдинчиков с кривыми ятаганами наголо, все на скоростных летающих ковриках.

Театр уже перегородил реку, и та бурно стекала через него водопадом, заливая набережную и выбрасывая из себя перепуганных наяд и русалок; в высокую стену Театра, возвышаясь над ним, гневно колотил трезубцем громадный Водяной — старик с казацким чубом и синей фуражкой на пенной голове.

— Я не виноват! — безостановочно, как заевшая пластинка, истошно визжал из-под облаков дракон-грузчик, но в невероятном шуме его уже никто не слышал.

* * *

В обгорелой квартире черная слизь постепенно собралась в комок и трансформировалась в пижона с тросточкой. Лысый мужичок подошел к пролому в стене и, теребя бородку, с любопытством наблюдал за всем этим бедламом.

— Я же говорил, что будет весело,— буркнул пижон и посмотрел на часы.— Пора, однако. Да, сырая реальность, сырая. Так, а кто же ее сотворил? — Мужичок достал из заднего брючного кармана потертую записную книжку, полистал странички.— Ага. Ну! Этот наделает, да-да... Ладно, заскочу к нему по пути, пусть заглянет сюда, разберется. Не то они тут точно поубивают сами себя со страха.— И исчез.

Город слегка трусило — это просыпались в недрах земли стоголовые гекатонхейеры. Но землеясение никого уже не волновало. Потому что и драконы, и ожившие статуи, и полубоги Олимпа, и однорогие циклопы - все стояли и смотрели в небо.

Предзакатное треугольное солнце бесстрастно заливало этот новый мир своими лучами: красными, оранжевыми, желтыми, зелеными, голубыми, синими, фиолетовыми.

Всеми по очереди.

ЗАВТРА

Почту он всегда брал вечером, ровно в шесть потому что жизнь его была расписана почти по минутам, дневная рабочая жизнь. А с шести вечера до семи утра он принадлежал только сам себе, и никому другому. И сегодня, ровно в шесть, Виктор Павлович вошел в подъезд, оставив за дверью на улице весенний дождь и шуршащий слякотный поток серых людей.

Подъезд, как и многие другие, был уныл и стандартен, с матом по штукатурке, битыми лампочками под потолком, с грязным заплеванным лифтом. Обычный типовой подъезд с мятыми почтовыми ящиками между первым и вторым этажом, аккурат напротив вонючего мусоропровода.

Виктор Павлович поднялся к своему ящику, ковырнул его плоским дешевым ключом, вынул газеты и, как обычно, отправился пешком на свой седьмой этаж. Это, считал он, было хорошим моционом в городских условиях; Виктору Павловичу было под тридцать, и такая прогулка его не утомляла. Вообще-то по имени-отчеству его величали только на работе. С шести вечера до семи утра его звали «Витя, Витек!», а по очень глубокой пьянее так вообще странно — «Витухарий». И представителен он был только в конторе: черный деловой костюм, галстук в тон рубашке, отстраненный взгляд и со всеми на «вы». Дома, то есть вечером, костюм менялся на демократическую «варенку», «вы» на «ты», и становился Витек нормальным мужиком среднего роста, чернявым, жизнерадостным и страсть охочим (взаимно!) до женщин человеком. Нормальный холостяк с деньгами и без комплексов.

Сегодня день выдался неудачным. Работа что-то с утра никак не клеилась, дождь пошел... Потом Анечка позвонила и сказала, чтобы вечером не ждал: у нее мама заболела. В общем, полный облом! А в холодильнике стыло французское шампанское вместе с хорошим баночным пивом и торт-мороженое в морозилке... И кассету для видека Витя принес специальную, это... лирическую. Особую. Одно слово, пропал вечер!

В такой душевной прострации Витя был недолго. Нет — так нет. Включив по видеку «Дипеш Мод», он занялся уборкой. Сначала убрал в себя холодное пиво, две баночки в четыре захода; ковырнул пальцем торт и не стал его есть; сварил кофе, сел с кружкой и сигаретой у телевизора. Потом стало скучно. И тут зазвонил телефон.

Витя дернулся, уронил на штаны пепел и схватил трубку на ползвонке.

— Аня? Анечка?! — радостно крикнул он в мембрану. Трубка помолчала, потом деловито спросила густым басом:

— Витя?

— Витя,— подтвердил Витек.

— Небось кофеек дуешь? Телек смотришь? И штаны на тебе банановые. Да и тапочки небось японские, лечебные,— пророкотала трубка. Витя невольно посмотрел вниз — тапочки действительно присутствовали, как и «бананы».

— А в чем дело? — Витя не любил, когда ему хамили, тем более неизвестные, по телефону,— Вы кто такой, собственно?

— Ага,— сказала трубка и на том конце провода шумно закашлялась.

Витя подождал и, как всегда, когда звонили чужие и не по делу, нажал кнопку определителя номера. Была у него такая хитрая электронная приставка к телефону. Очень, кстати, удобно: выслушал хулигана, потом тут же позвонил к нему и вежливо так предупредил на «первый раз». Первого раза обычно хватало.

— А я к тебе, Витя, и не по делу вовсе. И не знаешь ты меня, и я тебя, считай, тоже. Просто скучно стало, загадал я себе какого-нибудь человечка, простого, бесхитростного, и придумал тебя. И характер твой, и привычки, и телефон с номером придумал. А после взял и позвонил. Да ты не пугайся,— предупредила трубка басом,— номерок мой не вычисляй своей приставкой. Не найдешь ведь. Тут такое дело: там, где я,— тебя нет. А там, где ты,— меня не существует. Понял?

Витя сказал в трубку нехорошее, вовсе не печатное слово и бросил ее на место. Потом попытался разглядеть телефонный номер звонившего на своем горящем зеленом табло. Номера не было. То есть циферки присутствовали, но мерцали все одновременно, перепрыгивали друг за дружкой. И в конце концов высветилась какая-то ерунда, куча восьмерок, насколько индикаторов всего и хватало.

— Ну вот,— обиделся Витек на технику,— а еще импорт. Надо же, в какой момент отказала! Хопощо было бы позвонить этому придурку и объяснить, что...

Тут телефон зазвонил снова. Да как-то необычно — «дзинь-бряк, дзинь-дзинь-бряк», весело так, призывно.

— Анечка! — нежно выдохнул Витя в трубку табачный дым.

— Да нет, это снова я, который придурок... Ты же это мне хотел сказать? — с усмешкой сообщил бас. Витя задохнулся от телефонной наглости и не нашелся что ответить. Обычно он соображал быстро, но сейчас что-то в нем заклинило.

— Тихо, тихо...— зашептала трубка.— Мне уже некогда, несколько минут всего осталось. Значит, так: Анечка твоя сейчас к тебе придет, у нее сорвалось свидание с другим. А ты — не обижайся!— у нее запасной вариант. Поэтому не налегай на пиво. И!.. Завтра, когда будешь идти с работы, хорошенько смотри вокруг и под ноги. На трамвайной остановке найдешь...— бас запнулся,— триста долларов. Чао, мне пора! — И сдавленно:— Не дрожи, Витухарий! — В трубке электронно свистнуло и возник длинный гудок свободной линии.

Витек осторожно, двумя пальцами, опустил трубку на рычажки, в затруднении прикусил палец: на табло номеропределителя все еще горели восьмерки. И тут Витя разразился ужасным матом. Конечно! Кто-то из своих решил над ним поизгаляться! Ладно, он еще доберется до них, пусть они идут туда-сюда и в хрен-бабку-матку...

В дверной звонок ласково поцарапались. Витек осекся, наступил левой на правую и открыл... и растаял:

— Анечка! Лапушка! — и забыл дурацкий звонок. До поры до времени.

Следующий день опять был суматошным, но солнечным и жарким. Витя заключил выгодный контракт, договорился с нужными людьми о нужных поставках, поговорил с Анечкой («Како-ой вечер! Лапочка, денечек ты мой майский!») и ниразу не вспомнил о том придурке с индикаторными восьмерками.

Удар судьбы, легкий и даже поначалу немного приятный, как первый укус грозового ветра в лютую жару, состоялся на трамвайной остановке. Обычно Витя ездил домой на такси или с Петей, соседом при «жигулях», но сегодня как-то не вышло ни с тем, ни с другим. В общем, решил Витек добраться домой простенько, как все смертные, на общественном транспорте. На остановке былолюдно, но минут через пять народу стало гораздо меньше: трамваи шли один за другим, но не те, которые были Вите нужны. От скуки Витек надел узкие черные очки, отчего сразу же стал похож — в своем черном деловом костюме — на киношного борца с космической нечистью; закурил «Пэл Мэл» и принялся оглядываться на девушек: ах, девушки! Нарядные, пестрые, длинноногие, иногда пышногрудые, иногда красивые или не очень, но молодые, юные ляфамочки!

На скамейке рядом лежал «Крокодил». Свежий, не затрепанный. Витя нехотя взял его полистать. Так, от нечего делать. Не «Плейбой», чай... Между страниц, зацепившись уголком за скрепку, лежал серый казенный конверт. В конверте — триста долларов. Шестью бумажками. Витя снял очки, несколько раз пересчитал деньги, спрятал их в карман и пошел домой пешком.

В каком-то сонном состоянии он взял почту, на лифте поднялся выше своего этажа и несколько минут открывал чужую квартиру своим ключом. Правда, скоро опомнился и, чертыхаясь, быстро ретировался вниз: Витин сосед был горяч, вспыльчив, всюду видел интриги и покушения на честь своей жены, а потому часто напивался и жестоко бил всех подозрительных. Вите очень не хотелось попасть в их разряд.

Дома он искупался, скушал бутерброд с печеночным паштетом, откупорил бутылочку пепси и только после, в одних трусах, сел перед столиком в кресло, разложил возле телефона пасьянс из найденных американских полтинников. Конечно, по нынешним меркам это была не очень крупная сумма. Для Витька так вообще — плюнь да забудь! Но... Вот это «но» и мешало Вите чувствовать себя хорошо. «Ерунда какая-то,— думал Витя, глядя на баксы,— бред, мистика с похмелья. Может,

подкинули? А зачем?» Он бы, Витя то есть, даже ради хорошего, душевного розыгрыша так не поступил бы. Глупо ведь! На остановке куча людей до него была, любой мог журнал взять. А взял он. Как по заказу. Витя даже застонал, такому стало неуютно, неправильно как-то стало. — Дурацкое совпадение,— вслух решил Витек и протянул руку к деньгам. Зазвонил телефон, рука проскочила мимо купюр и повисла над трубкой. Телефон звонил.

Витя сглотнул и поднял трубку.

— Але,— прошелестел он в микрофон.

— А! Ты! — басисто обрадовались там,— Витенька! А я вот снова заскучал что-то... Решил позвонить, знаешь ли. Как дела?

— Вот что! — заорал Витек.— Кончайте свои идиотские шутки! В конце концов, это глупо и непонятно. Деньги в журнале, поклеп на Аню...

— Поклеп? — удивилась трубка, недоверчиво хмыкнула.

— Поклеп,— подтвердил Витя.

— Блажен, кто верует.— Бас чуток помолчал.— Нашел деньги, стало быть,— задумчиво добавил он погоду.

— Нашел,— согласился Витя. А куда ему было деваться?

— А меня Митей зовут,— вдруг вежливо сообщил голос.

— Витя,— от неожиданности представился Витек и спохватился:— Ты, Митя, дурак, наверное? Очень ты как-то...

— Ну, так сразу...— поскукнел голос,— дурак не дурак... Опять и снова, как мне это надоело... А я к тебе по делу. Ты же деньги любишь, я знаю. Девоч тоже любишь, но деньги тебе нужней. Вот и дам тебе небольшой заработок. Ма-ахонький такой. Халтурку.

— Какую? — деловито осведомился Витя. Он уже все понял. Вербуют, сволочи! А на хрена такая таинственность? Времена-то не те... Пришли бы и сказали просто: «Продайся, друг!» Витя не гордый, может, чем бы и помог за доллары. Но только чем? Ни одного порядочного секрета за душой, тем более военного. Одни мелкие, да и те от фининспектора.

— Ка-а-кую? — врасстяжку повторил голос,— Бери ручку, записывай.

Витя, нервно хихикая, взял самописку с телевизора, вырвал листок из перекидного календаря и приник к трубке:

— Я готов.

— Ну, тогда пиши: шесть, тридцать семь, двадцать четыре, сорок четыре, два, семнадцать. Записал?

— Так точно,— отчеканил Витя,— Это шифровка?

— Баран,— отозвался бас.— Это выигрышные номера «Спортлото» в очередном тираже.

В трубке снова пискнуло и пошел длинный гудок.

— Вас понял,— прохрипел Витя в гудок и зашелся от смеха. Истерика била его минут пять. В перерывах между хохотом он только повторял:

— Шифровка, мать твою! — и снова корчился в кресле.

Успокоившись, он встал, оделся, пошел в киоск, заполнил пять карточек на ближайший тираж, сдал их и вернулся домой. Здесь выпил

бутылку водки пополам с пепси и рухнул спать мимо дивана. Была пятница.

Суббота прошла в похмелье, сумбурно и глупо. Витек был зол на себя, на шутника Митю, а более всего на то, что в глубине души он уверен был в выигрыше. Одинокий вечер скрасила Олечка, его старая подруга, опытная в сексе и выпивке,— она всегда появлялась, когда Витя мучился с похмелья. Чувствовала, что ли? Телефон в субботу не звонил.

Утром, в воскресенье, Витя проснулся довольно поздно, часов в девять: давал себя знать двухдневный запой. Обычно Витя поднимался гораздо раньше и до работы успевал накрутить положенные три километра по парку. Но только не сегодня.

Ольга была в ванной — из открытой двери доносился шум воды и громкие взвизги женщины.

«Опять только холодная, горячую снова отключили»,— привычно отметил про себя Витя и заорал:

— Оля! Вылезай, чертовка! Кофе хочу-у! — поднялся и набросил на себя халат. Через пару минут он уже брился в ванной комнате перед зеркалом.

— Кстати,— Оля заглянула к нему,— кофе я смолола. И ты просил напомнить, когда будет тираж. Ты что, играешь?

— Иногда,— буркнул Витя.— Проверь билетики. Они там, на телевизоре,— и продолжил снимать пену с лица станком.

Витек как раз приступил к водным процедурам, когда в ванную влетела Ольга и прыгнула к нему под душ:

— Гений! Бинго! В яблочко! Все шесть!

— Да? — немного удивился Витек и осел под струей холодной воды. Что-то ноги ослабли.

...Дни летели чередой. Витя ходил на работу, решал деловые вопросы; встречался с клиентами, бывал с ними в ресторанах после заключения сделок. Но, однако, жил теперь в каком-то стеклянном мире, странном и зыбком. Все стало нереально кроме телефона на его журнальном столике дома. Ровно в шесть Витя уже бывал дома и волком ходил по квартире кругами, ожидая нечаянного звонка. Он то садился в кресло и сверлил телефон взглядом, то на полную катушку включал музыку, чтобы не слышать вообще никаких звонков.

Однажды Витя попробовал позвонить по памятным восьмеркам и никуда не попал. Вообще. То есть вышел на междугородку, потом еще куда-то, а потом строгий женский голос в записи сообщил стандартное: «Неправильно набран номер!» И так раз пять или шесть...

Девушки по привычке приходили к нему и зачастую уходили обиженными — Витя обходился с ними холодно, порой даже грубо. Деньги по выигрышу, кстати, Витек получил. Весьма приличную сумму. И Анечка ему, оказывается, лгала. Случайно выяснилось. Но эти события шли мимо Витино сознания. Нет-нет, он обрадовался выигрышу! Положено было

радоваться. Он обиделся на Анну и все ей высказал — ведь так положено, а то бы его никто не понял, и Аня в том числе.

Другое нынче волновало Витю. Что-то такое, чему он не мог дать определения. Вот ведь как бывает — шел себе человек ровной дорогой, не спотыкался, все видел до горизонта, знал наверняка, что может быть, а чего не может. И на тебе! Все, оказывается, относительно. И будущее может быть таким, а может быть и эдаким. Смотря куда и какие жизненные «стрелки» твоего пути будут переведены и смотря кем...

Однажды телефон зазвонил снова. Витек секунд пять тупо смотрел на аппарат, потом сообразил («дзинь-бряк, дзинь-дзинь-бряк!»), рванул трубку — Да!

— Это библиотека? — Собеседник отчаянно хрипел, голос был как у хронического алкаша или простуженного курильщика.

— Нет. — Витя раздраженно положил трубку. Телефон зазвонил снова.

— Я же сказал, это квартира! — рявкнул Витек.

— Не кипятись, — миролюбиво прогудело в трубке, — свои.

— Митя? — задохнулся Витек.

— Ага. Ну как жизнь? Маешься?

— Да, — не удивился вопросу Витя. — Странно мне. Зачем ты свалился на мою голову? Неправильно это все как-то... Не должно так быть, ты слышишь!

— Не обращай внимания, — добродушно посоветовал Митя, — мало ли чего в жизни не должно быть, а оно есть. Такое, парень, есть, что кабы ты знал чего, то плюнул бы на все и кровь себе из вены пустил. Но жить-то надо. Худо-бедно, но надо.

Витя немного помолчал. В затихшей трубке пульсировало электричество, и в мембранном далеке еле слышимый радиодиктор рассказывал об очередном заказном убийстве.

— Ты... Бог? — с трудом, совсем тихо спросил Витя.

В трубке расхохотались, густо, сочно, от души.

— Да не-ет, куда мне! Знаешь, кто я? Я псих. Да-да, обычный псих — и сижу в психбольнице. В хорошей такой психбольнице, элитной. Здесь все есть. Веришь — все! У меня даже ночная сестра есть, персональная, дежурит рядом. Думаешь, уколы ставит? Нет, для этого санитар имеется, дюжий такой, волосатый. А она... Мигну — сразу ко мне в кровать влезет, чтобы мне комфортно было. А я не мигаю. А она все ждет, работа у нее такая. Заодно подглядывает, стерва, когда и кому я звоню. Так что все у меня есть, грех жаловаться, — тут Митин голос перешел на шепот, — ...кроме телефона. Телефон я сам тайком из картона вырезал. Знаешь как сложно тут ножницы достать! Так я ногтем, ногтем все... Позвонишь иногда кому-нибудь из выдуманных, ну вроде тебя, поможешь кому, посоветуешь чего. Вот душе и отдых.

Витек молчал. Рука его вспотела, и трубка плавала в мягких пальцах.

— А мне уколы все делают, — пожаловался бас, — болючие! И звонить потом трудно, срывается телефон, хоть тресни.

Витек молчал.

— Слушай, вот что. Тут к тебе... А-а! — страшно закричали в трубке.

Витя вздрогнул и прижал плотнее ухо. Голос то исчезал, то появлялся:

— А-а! Отпустите, гады, не рвите! Витя, завтра... Ты, главное... Смерть... завтра!..

В трубке треснул картонный рваный звук и телефон замолчал. Вообще. Витек подул в микрофон, расцепил белые пальцы и уронил трубку на стол; трубка мокро блестела потом.

В дверь требовательно постучали. Не позвонили, а именно постучали. Три раза. Витя положил трубку на аппарат, прошел в прихожую и открыл дверь. На пороге стояли двое: высокий длинноволосый здоровяк в джинсовом костюме и зеркальных очках и маленький толстяк в парусиновом костюмчике с пузатым портфелем под мышкой.

— День добрый,— кивнул джинсовый,— разрешите войти? — И вошел, не дожидаясь разрешения.

— Да,— запоздало сказал Витя и начал пятиться от них.

Джинсовый в упор смотрел на Витьку, гипнотизируя его блеском стекол. Маленький, судя по звукам, запер дверь, вошел в комнату и встал рядом с джинсовым.

— Петя.— Джинсовый рывком сунул руку в сторону Витиного живота.

— Вик-ктор Павлович,— ответил Витя, не пожав протянутой руки.— Вы грабители? Толстяк горлово рассмеялся.

— Успокойтесь, успокойтесь,— прохрипел он,— мы по делу, по очень щекотливому делу. Давайте присядем, хорошо? — Толстяк уже сидел в Витином кресле, положив на столик портфель.

Петя утвердился за спинкой кресла и угрюмо глядел куда-то зеркальцами стекол. Казалось, что за очками вообще нет глаз. «Выброшу свои очки к черту»,— мимоходом подумал Витя, садясь на диван.

— Меня зовут Иван Иванович,— как можно ласковей заговорил толстяк.— Я врач, занимаюсь некоторыми видами психических заболеваний. Вы меня понимаете?

Витя согласно кивнул, потом отрицательно замотал головой.

— Ты! — сказал Петя. Равнодушно так сказал, просто отметил.

— Товарищ ассистент! — недовольно повысил голос Иван Иванович.— Не мешайте. Видите ли, дорогой Виктор Павлович,— толстяк доверительно положил руку на колено Вите,— у нас... в нашей клинике, я имею в виду... есть некоторые больные, которые, ну-у... в некотором смысле изолированы от общества из-за их опасности. Буйные, тихие. Разные. Поведение их непредсказуемо, чревато неприятностями и для них и для окружающих. Вы меня слышите?

Витя кивнул. Потом на всякий случай кивнул еще раз.

— Во-от,— удовлетворенно вздохнул Иван Иванович.— На днях один из них, бывший работник АТС, больной манией величия — он считает себя мессией, ха-ха! — подключился к линии... мнэ-э... нашей больницы и начал обзванивать кого придется, нести ахиною, угрожать, предсказывать... В

общем, пугать мирных жителей начал. Мы, к сожалению, поздно спохватились, пока разобрались, что к чему, пока проследили звонки... Короче, я пришел внести ясность в то, что с вами произошло, и закрыть дело. Так что приносим вам от нашего спецучреждения свои официальные извинения. Вот так.

Витя откашлялся.

— Что? — отрывисто спросил Петя. Витя пожал плечами:

— Ничего.

В портфеле толстяка тихо щелкнуло.

— Кстати,— громко сказал Иван Иванович,— что вам говорил больной? Я интересуюсь для истории болезни, сами понимаете.

— Ничего. Бред. Ахинею. Вздор,— еще громче ответил Витя, покосившись на портфель.— Не помню точно.

— Я так и думал,— непонятно с чем согласился толстяк,— да-с... Он резко поднялся, привычно ухватив портфель под мышку,— Вы, Виктор Павлович, подумайте хорошенько, повспоминайте лады? Может, что особое и всплывет. Память, она ведь...— Толстяк неопределенно пошевелил пальцами, после засунул руку в карман; Витя побледнел. Иван Иванович вынул платок, высморкался. Вдвоем с Петей они прошли в прихожую, сами отперли дверь.

Витя сидел на диване и смотрел на телефон.

— На днях... Завтра, скорее всего, Петенька зайдет к вам, так вы уж расскажите ему, если чего припомните! — крикнул толстяк от порога.— Важно для истории болезни! Так ведь, Петенька?

— Так,— лязгнул голос Пети, и дверь захлопнулась.

...Виктор Павлович курил сигарету за сигаретой и бессмысленно смотрел на телефон. Телефон не звонил. За окном чернела ночь.

— Завтра! — билось в его голове.— Завтра, завтра, завтра, завтра...

До завтра оставалось несколько часов.

ИГРА

ВОТ КОНЕЦ ЭТОЙ ИСТОРИИ

...Каталку быстро везли по больничному коридору. Дежурный санитар старался не глядеть на существо, спеленутое в смиренную рубашку и пристегнутое ремнями к самой каталке; существо, бывшее когда-то человеком разумным. Синее от натужного бессмысленного крика лицо, вытаращенные безумные глаза, пена вокруг рта, мокрые рыжие волосы. Это уже не было человеком, хотя имело человеческий облик. Оно вообще теперь никем не было. Пустышка с рефлексами.

Двое шедших навстречу врачей посторонились. Один, седой, мельком взглянул в лицо помешанного, резко остановился и схватил санитар за руку:

— Неужели... Костя?

— Да,— угрюмо кивнул санитар. Седой отшатнулся к стене; каталка исчезла за двустворчатой дверью, приглушившей отчаянный крик спеленутого.

— Как же так? — Седой врач вынул носовой платок из кармана халата, обтер лицо.— Как же так?..— И недоуменно посмотрел на коллегу. Ответом ему было молчание...

А ВОТ САМА ИСТОРИЯ

Сергею Петровичу исполнилось тридцать, когда в автокатастрофе погибли его жена и шестилетний сын. С тех пор Сергей и запил...

Сегодня было воскресенье и идти на работу, к счастью, не требовалось — не смена! Можно и пивка с утра пойти выпить, тем более что очень хотелось, после вчерашнего... Работал Сергей охранником при коммерческом магазине, «сутки —.трое», как говорится; деньги не ахти какие, но ему одному хватало. На водку, сигареты и хлеб — вполне.

Сергей еще не дошел до той точки, когда за бесценок начинают продавать вещи, накопленные годами. Хотя платья жены, игрушки сына — все это вызывало в нем тупую боль, но расстаться с ними он не мог. Не хотел. А боль Сергей глушил водкой.

Очередь у пивного ларька маялась в нетерпении: продавец, крепкий грузин Эдик, принимал «Жигулевское» из автоцистерны. Сергей занял очередь, рассеянно закурил. Емкости в ларьке заполнялись медленно, поочередно отстреливаясь шипящим шлангом пивовоза. Петрович поглядел на небо — не по-летнему серое, осеннее; под ноги — грязь,

окурки, плевки. Потом от скуки стал разглядывать прохожих: воскресные прохожие тоже были какими-то серыми и грязными.

Алкаш Сергей заметил сразу. Тот выделялся в толпе, как водоворот на поверхности реки: вокруг него была мертвая зона, пустое пространство — люди сторонились водочного зомби еще за несколько метров от него. Если прохожие выглядели так себе, то алкаш вообще был окурочно-заплеванным. И шел по синусоиде, небольшой, но явной. Кривая поднесла его прямо к Сергею.

— Мжик,— сказал окурочный и задумался.

Петрович отвернулся.

— Мжик,— алкаш дыхнул спиртом,— угости пвом. Будь чле... человеком.

— Пошел ты! — Сергей оттолкнул его. Тот шагнул назад, вперед и налетел на Петровича.

— Угсти,— бубнил алкаш. Сергей хотел дать ему плюху, но тут пошло пиво. Банки застучали по прилавку. Петрович махнул рукой на просителя и плотнее впредсоединился в очередь.

Он сунул бидон в окошко, отсчитал деньги. Бидон вынырнул на прилавок, за ним пол-литровая банка с пивом, народная кружка.

— Я не просил! — возмутился Сергей, но его уже оттолкнули от пивной амбразуры.

— Мжик,— засипел алкаш. Сергей посмотрел на него и сунул ему в руки банку с пивом. Сам он из банок не пил, брезговал.

— Пей, рвань, не выливать же.

Окурочный спрятал лицо в банке, закрыл глаза от счастья — руки у него ходили ходуном, пиво струйкой текло по подбородку и рубашке.

— Тьфу,— сплюнул Сергей, спрятал бидон в сумку и повернулся уходить.

— Эй! — Алкаш обтер пену с морды.— Спасибо. Ты, вижу, грамотный. Дешевный. На вот, взми. Су... свенирю.— Мусорный сунул руку в засаленный карман, вынул из него черную плоскую коробочку и ткнул ее в ладонь удивленному Петровичу. Потом окурочный резко набрал скорость и уже по косинусоиде врезался в толпу, где исчез вместе с банкой-кружкой.

— Во дает,— только и сказал Сергей и хотел было рассмотреть подарок. Но тут из очереди зычно крикнули: «А банка где?» Петрович сделал вид что он здесь ни при чем, кинул сувенир в сумку и быстро пошел домой.

Первым делом он достал на кухне принесенное пиво и с удовольствием выпил прямо из бидона за раз сколько смог.— Облегченно вздохнул и уже после вынул из сумки коробочку.

Сергей повертел ее так и сяк. Плоская коробочка из черного пластика без надписей, с одной стороны щель. Петрович заглянул внутрь — там виднелось ребро печатной платы с язычками медных контактов.

— Где-то я такое уже видел,— сказал он сам себе и положил коробку на стол, в пивную лужицу. Снова выпил холодного «Жигулевского», икнул. Потом Петрович, уже не торопясь, наполнил большую глиняную кружку и

пошел в комнату, к телевизору, в кресло. На экране мельтешили футбольные тени, нагоняя тоску.— Сергей не любил футбол. И хоккей не любил почему-то... Глаза у Петровича начали слипаться, он потянулся, зевнул и внезапно вспомнил.

Когда-то он купил Митьке игровую приставку к телевизору, и там была в комплекте точно такая же коробочка, только оранжевая. Картриджем, кажется, называлась. Вставляешь такой коробец в игровую приставку и играешь сколько хочешь. Точно, картридж!

Сергей невесело усмехнулся, вспоминая, как пугалась Татьяна, когда они с сыном засиживались у телевизора допоздна, гоняя цветастых чудиков по хитрому лабиринту. Петрович поставил кружку да письменный столик и пошел в кладовку: все Митькины игрушки он давным-давно упаковал в ящик и спрятал с глаз подальше, чтобы не бередить себе душу.

Сергей вытер приставку от пыли, подключил ее к телевизору. Принес подаренный картридж с кухни, стряхнул с него пиво и воткнул коробочку в разъемную щель. Картридж плотно встал на место.

— Ну-ка, ну-ка.— Сергей с интересом нажал кнопку включения.

Экран залило красным костровым пламенем. Из его глубины выплыла радиоактивно-зеленая пятиконечная звезда, заключенная в красный круг, и повисла в центре; на концах лучей фиолетово мерцали странные значки, похожие на иероглифы.

На фоне мрачной электронной музыки из динамика заскрипел синтетический голос:

— Вам дается ровно одна минута на принятие решения — играть или не играть. По истечении срока Игра начнется и будет сыграна так или иначе!

Звезда стала переливаться всеми цветами радуги; в углу экрана, под левым звездным лучом, возник цифровой таймер и начал отсчет секунд.

— Не, в такую мы с Митькой не играли,— решил Сергей и пошел в туалет. Потом завернул на кухню, взял бидон и вернулся в комнату. Минута, видимо, уже истекла, потому что цифры исчезли.

Звезда тоже пропала, вместе с красными всполохами. Экран чернел космической пустотой, на фоне которой висели два рельефных оранжевых глаза с кровавыми прожилками, под ними плавал большой серый рот. Зрачки — узкие и вертикальные — то расширялись, то сужались. Было тихо в динамиках даже не слышался обычный электрический гул.

— Странная игра,— поежился Петрович,— не детская,— и налил в кружку пива.

— Сергей Петрович,— гнусаво сказал рот,— вот теперь вам пить нельзя. Скоро начнется Игра.

— Что?! — Сергей пролил пиво.— Что?! — Он вскочил на ноги.

— Сидеть! — Глаза вспыхнули, Петровича грубо швырнуло назад в кресло.

— Чур меня! — Сергей хватанул картридж, пытаясь выдернуть его из приставки. Руку ударило током, в комнате запахло грозой.

— Что со мной? Что случилось? — Петрович попытался встать и не смог, он словно прирос к креслу.

— Молчать,— сказал рот. Глаза на экране повернулись влево, вправо, осматривая квартиру.

— Дьявольщина,— прошептал Сергей. Если бы он мог, то перекрестился. Но руки приклеились к коленям.

— Может быть,— равнодушно согласился голос. Губы на экране искривились в усмешке: — Один. Хорошо.

— Отпусти...те меня,— взмолился Петрович. Его уже начало трясти от испуга, сердце подпрыгивало до ключицы, накатила удушающая тошнота.

— Поздно,— губы разомкнулись, показав острые клыки,— вас ведь предупреждали, давая минуту на размышление. Вы не воспользовались. Теперь Игра будет сыграна. Так или иначе.

— Какая еще игра? — тоскливо спросил Сергей.

— Какая вам разница,— равнодушно сказал пот.— Я знаю, какая.

— Господи, что за напасть, я брежу! — Петрович истерично захохотал.— Я сумасшедший! Эй, психи, вот вам компаньон! Подвиньтесь!

— Я сказал — молчать! — рявкнуло с экрана. Где-то в чернильной глубине, за телеглазами, проплыла ярко-голубая галактическая спираль, растаяла.

— Вот оно, вот,— не унимался Сергей,— когда Танька с Митькой случайно погибли, я же душу был готов отдать, чтобы только их вернуть. Дьяволу, черту, кому угодно!.. А теперь сбилось! Ха-ха! На дом доставили. Вот повезло!

— Отчасти вы правы,— гнусавый голос снизился до шелеста,— но только отчасти. Я не дьявол и не черт... А случайностей в жизни — вашей, примитивной жизни — не бывает! Все предопределено, все. Кроме Игры. Но если хотите — считайте, что вам сегодня действительно повезло. Или не повезло. Смотря как Игра выйдет.

— Он еще издевается,— окрысился Петрович,— тоже мне подарочек судьбы.

— Давайте без экзальтации,— раздраженно пробубнили с экрана.— Я здесь, и это непреложный факт. Назад не переиграть. А уж кто я или что я — не ваше дело. Так надо.

— Да что это за игра такая?! — застонал Сергей. Ему было дурно.

— Хм,— губы подернула рябь телевизионной помехи,— самая основная Игра. Вселенская. Которая всегда существовала и будет существовать Добро и Зло — что могущественнее?

— Ну а я при чем?! — заорал Петрович.— Мать вашу, я при чем тут?

— Вы тоже кусочек Вселенной, только маленький, локальный,— пояснил голос,— поэтому законы Игры применимы и к вам. А уж почему именно вы, Сергей Петрович... Когда прохожему на голову падает кирпич, пострадавший после тоже удивляется: почему именно я? Если, конечно, остается жив. Ну хватит, вернемся к основной теме. Как в любой игре, здесь тоже существуют ставки. Вопрос только в том, что вы, Сергей

Петрович, захотите иметь в случае — ха-ха! — выигрыша. Деньги? Власть? Славу? Бессмертие? Или что иное?

— Не понял.— По лицу Сергея катился пот; кажется, он обмочился.

Вместо ответа на экране, между глазами и ртом, побежала текстовая строка: «Меню. Выбор: женщины, деньги, власть, бессмертие. Варианты?»

— А что... Что с моей стороны на кон? — Сергей повертел головой, шея затекла.

— Естественно, ваша душа и разум. Астральное тело, если хотите.— От гнусавого голоса в Сергее, казалось, ныл каждый нерв.— Ваше «я». Доступно?

— Я не хочу играть,— твердо сказал Петрович и попытался встать. Снова запахло озоном, тело передернула болевая судорога.

— Не выйдет.— От этих слов в животе Сергея возник ледяной комок.— Игра будет сыграна. Если вы отказываетесь, я засчитываю вам поражение. Со всеми вытекающими последствиями. Итак?

— Хорошо,— Петрович сухо сглотнул,— но я не хочу этого — власти, женщин...

— Принято,—холодно сообщил голос: клыки сверкнули в оскале.— Чего же вы хотите? Сергей с трудом наклонился вперед:

— Чтобы Татьяна и Митька были живы! Чтобы здесь были, со мной, и без обмана!

Зрачки в апельсинах сузились — там принимали решение.

— Согласен,— выплюнули слово губы,— вам все одно не выиграть. Только три попытки. Только три!

— А чем играть? Как, где? Правила?

— Сейчас узнаете,— в голосе почувствовалось удовлетворение,— сейчас все узнаете. Игра началась! — проревело с экрана, и сознание Сергея растворилось в оранжевых глазах...

* * *

...Дежурный врач, полный седой мужчина, грузно сел на диван, вытер лицо платком.

— Костя, налей чайку,— обратился он к сидящему за столом напротив медбрата,— я сегодня просто вымотался. Шесть ножевых, трое поступили с побоями. И все за полтора часа! Ну и ночь... Вот, еще одного только что привезли: бугай, ему мешки таскать, и — нате вам, глубокое нервное истощение. Полностью отключен, не реагирует ни на что. Сейчас в реанимации.

— Кто привез-то? — безразлично спросил долговязый Костя, уткнув нос в кроссворд.

—Алиев, по вызову. На «седьмой»...—Седой отпил чаю из стакана, блаженно зажмурился.— Баба у этого, у коматозного, просто сумасшедшая

— вместе с маленьким сыном, шестилеткой, среди ночи... Еле от носилок ее оттащили. Сейчас сидит в коридоре, рыдает. Сама небось мужика довела... Кстати, ты у нас вроде в электронике гребешь. Что это такое? — Седой протянул Косте черную коробочку.— Еле из руки у него вытащил. Мертво держал.

Костя осмотрел находку, улыбнулся:

— Картридж. Блок памяти к игровой приставке. У меня такая есть.

— Тогда забирай себе,— решил седой,— после дежурства поиграешь,— и ушел.

Костя кивнул, не глядя сунул коробочку в карман халата и, пригладив рыжую шевелюру, углубился в кроссворд.

ИЗМЕНЕНИЯ

Вчерашний банкет удался. Просто на удивление удался — никто не напился, не орал и не лез с пьяными объятиями к юбиляру. Чинно прошел банкет, душевно. Даже к сладкому столу остались все, хотя к этому моменту застолья Симаковы, например, обычно уходили домой, так как Симаков-глава уже лыка не вязал, а Петренко-холостяк возбуждался от выпитого и убегал на поиски кого-нибудь в юбке.

Однако сам юбиляр, Игорь Степанович, оказался не на высоте — расслабился, разнюнился к концу посиделок, даже опрокинул на себя салат. А кофе так вообще разлил по всему полу, не держала рука чашку: водка и возраст совсем не сочетались!

Короче говоря, выперли Игоря Степановича на пенсию... Ласково выперли, ненавязчиво. Даже банкет в этот раз за свой счет организовали, словно извинялись. А чего здесь извиняться! На пенсию — значит на пенсию.

Так что наутро пенсионер .в законе, Жуков Игорь Степанович, напившись чаю, приступил к разбору подарков. Бывшие сослуживцы не поскупились, и это было хорошо.

— Так-с,— сказал Игорь Степанович, разглядывая расписной поднос,— мило, но не нужно.

— Тэк-с,— неопределенно пробормотал он раскрыв и закрыв сувенирную матрешку Ельцина со всеми предыдущими политиками страны в ее животе, и поставил ее на отложенный в сторону поднос.

Вскоре образовались две кучки, большая и маленькая: в большой были поднос, матрешка, две маленькие картины (репродукции Шишкина и Айвазовского), стопка книг, кукла на чайник и сам чайник. В маленькой лежали книжка с хорошим названием «Сделай сам», набор юного столяра и две коробки конфет.

Игорь Степанович с недоумением вертел в руках последний подарок, не зная, к какой куче его пристроить. Это была книжка в кроваво-красном переплете размером с общую тетрадь. Книжка имела непонятное тисненное серебром название: «Моя жизнь». Жуков полистал ее — она белела чистыми страницами. Правда, кое-где мелькали коротенькие предложения с двоеточиями на конце — без очков Жуков их не понимал.

— Дуська! — протяжно крикнул Игорь Степанович. — А Дуська!

Из кухни выглянула тощая растрепанная жена. Вытирая мокрые руки о подол грязного халата, она раздраженно спросила: — Чего орешь, пенсионерина?

Жуков пропустил «пенсионерину» мимо ушей, потому как еще не решил для себя, хорошо это или плохо — быть пенсионером.

— Ты сюда глянь-ка,— поманил он ее рукой,— чего это?

Дуся подошла, полистала книжку, потрусила ее над полом — может, деньги между страниц заваялись? — и вернула красный томик мужу.

— Дрянь-книга,— сообщила она и ушла на кухню домывать посуду.

— Тю, баба,— плюнул Игорь Степанович, встал, нашел очки, надел их и вернулся к книге.— Ну-ну,— бурчал он, с интересом разглядывая обложку.— «Моя жизнь», надо же! Прямо «Майн Кампф» какой-то. Это кто же мне ее всобачил? Так сразу и не сообразишь. Сидорчук небось... Жадный, зараза! Купил что подешевле и даже внутрь не заглянул. Вон, страницы почти все склеенные...

Жуков поплевал на пальцы и раскрыл книгу. На первой странице чернели всего три слова, расположенные друг над другом, как в анкете: имя (прочерк), фамилия (прочерк), отчество (прочерк).

— Анкета, что ли? — удивился Жуков и заглянул дальше.

На следующей странице действительно было что-то вроде анкетного вопросника: родился, учился, служил... ну и так далее.

— Эй, хрыч старый,— из кухни выскочила Дуся,— а ну-ка, быстро собирайся на рынок, всю картошку твои собутыльники вчера пожрали. А подарков-то каких нанесли, ха-ха! Лучше бы деньгами выдали, в хозяйстве бы уж точно пригодились.

— Отстань! — рявкнул Игорь Степанович. Невзирая на маленький свой рост, сутулую спину и обширную плешь, голос он имел хороший, генеральский. Командный голосище.— Видишь, занят я. С книжкой работаю.— Он демонстративно взял с журнального столика ручку и закрылся от жены книгой.

— Рабо-отничек,— съехидничала та, но в кухню спряталась.

Чтобы не быть голословным, Игорь Степанович начал заполнять графы. Просто так, от нечего делать. Очень уж идти на рынок не хотелось. Ну с первыми графами все было ясно — имя, год рождения... Он застыл на фразе: «Какую бы Вы хотели иметь жену?» Не стандартное: «Жена. Год рождения. Место рождения...», а именно «Какую?..»

— Хи-хи,— растерялся Жуков, поглядел на дверь кухни, шкодливо улыбнулся и натренированной в бухгалтерской писанине рукой стал выводить: «Красивую, как кинозвезда, молодую, умную, ласковую, добрую, любящую». Потом, вспомнив о тяжелых продуктовых сумках, добавил: «Сильную».

И опять захихикал.

— Дуська! — позвал он.— Ты сильная, а?

Двери кухни открылись, и Игорь Степанович, если бы не сидел в кресле, так упал бы точно: в дверном проеме на фоне кипящих кастрюль стояла... стояла... Черт его знает, кто там стояло, но не Евдокия Петровна, факт.

В пене белоснежных кружев, в кокетливом розовом передничке под высокой (Жуков защелкал глазами, как затворами фотоаппаратов) грудью, с ножками (ой-ой!) в черных ажурных чулках и ангельским лицом стояла... э-э... Ну, в общем, стояла.

— Да, милый, сильная, — нежным, чарующим голосом сказала незнакомка, подошла и поцеловала Жукова в губы.

— Дуся? — сдавленно спросил Игорь Степанович, ходуном ходя в кресле от неожиданного сердцебиения. — Это... ты?!

— Я, родной мой, я. Ты сиди, не волнуйся. Закартошечкой я сама схожу. Сейчас, любимый. — И Дуся, Дуся-душенька, упорхнула на кухню.

Скажем прямо, Игорь Степанович даже не ошалел. Его чувства сейчас были более сильными и глубокими — был сейчас товарищ Жуков на грани инфаркта. Но инфаркт он отменил волевым усилием: отключился в обмороке. Когда же Игорь Степанович пришел в себя, то в квартире он был один. На журнальном столике лежала записка: «Миленький, я не стала тебя будить! Жди меня, а я быстренько к маникюрше, в салон красоты, а оттуда прямиком на рынок и домой. Бай-бай, рыбка!» От записки пахло очень приятно, чем-то зарубежным и трепетно юным.

Жуков поднял с пола книжку. Славную дрянную книжку, «Моя жизнь» называется. Раскрыл ее на странице с графой: «Какую бы вы хотели иметь жену?» Но эта графа теперь отсутствовала. Был лишь небольшой абзац: «Жена — Евдокия Петровна, год рождения — 1980, выездная фотомодель журнала «Плейбой». В совершенстве владеет пятью языками: английским, немецким...» И — что самое странное — весь этот текст присутствовал в отпечатанном типографским способом виде. Намертво отпечатанном! Даже пах еще типографской краской.

— Плейбой, значит, — рассеянно сказал Игорь Степанович, вылез из кресла и стал бродить кругами по комнате вокруг письменного стола: книжку он нежно прижимал к ГРУДИ, как любимого котенка или собачонку. Или как бесценный дар судьбы.

— Плейбой, плейбой, — нараспев бормотал Жуков, — плейбоюшка моя... Он остановился перед окном и невидящим взглядом уставился в мусорную стройку напротив. Заснеженный подъемный кран железным скелетом возвышался над недостроенной блочной коробкой; студеной ветер покачивал крюк стрелы. На бетонных блоках сидели рабочие в касках и ватниках: плюя на технику безопасности, они по кругу пили вино из горлышка для согрева. Был обед.

— Все! — надрывно заорал Игорь Степанович, даже оконные стекла задрожали. — Все, с-суки! Вот вы где все у меня! — И схватил воздух в кулак.

Он, конечно, не имел в виду рабочих — эта вермутная мелочь его совсем не интересовала.

Игорь Степанович пододвинул стол к окну, надел свой лучший выходной костюм и сел за стол творить. Или, лучше сказать, изменять свою неудавшуюся жизнь.

Он торжественно, как на алтарь, водрузил книгу на стол и, еле дыша, кончиками пальцев стал листать страницы. Как ни странно, но существующие графы касались только семейного положения и занимали от силы четыре листа. Но зато! Зато вся остальная книга шла под общим заголовком «ПРОЧЕЕ». Все сто листов. Пиши, что хочешь. В конце книги, на последней странице, мелькнула какая-то типографская фитюлька, но Игорь Степанович в волнении ее и читать не стал. Успеется.

С семейным положением он разобрался быстро. Сына у него раньше не было, теперь появился: «...сын — гражданин Челентано, народный итальянский певец и киноактер...», теща (тут Жуков мучительно пожалел, что та теща уже умерла, сделал бы ее папуаской или пигмейкой) — английская королева Виктория, тесть — нынешний президент США, брат — король Малайзии.

Родители Жукова давно умерли, и заменять он их не стал. Так и написал в соответствующем разделе, не мудрствуя лукаво: «...геройски погибли, вдвоем предотвратив Чернобыльскую катастрофу. Дважды (он подумал и переправил — «четырежды») Герои Советского Союза». Тут Игорь Степанович спохватился, вернулся к первой странице, к дате своего рождения. Хотелось ему сбросить лет тридцать. Но, увы, не успел. День его рождения уже официально чернел типографским оттиском.

— Ну и шут с ним,— вовсе не огорчился Жуков,— в примечаниях наверстаю. Так, что у нас дальше?

Дальше шло «ПРОЧЕЕ».

«ПРОЧЕЕ» Игорь Степанович начал с того, что сотворил лето. Зиму он не любил, потому что зимой было холодно. Написал: «Сегодня было лето». И за окном раскинулось синее июльское небо, тополя зашелестели жестяными листьями; рабочие на стройке пороняли каски, вертя головами. Один из них вдруг истошно завопил:

— Допился я, ребята! Вяжите меня! — и стал рвать на груди ватник.

Жуков поморщился и записал рядом на странице: «А стройки не было». И стройки не стало вместе со строителями.

Игорь Степанович покусал в затруднении шариковую ручку, задумчиво уставился в потолок. Потом, вспомнив о возможной панике в городе дописал: «И никто ничему никогда не удивлялся».

Вой сирен, начавший утробно рождаться по всему городу, стих. И перепуганные прохожие, которые только что метались в истерике, спокойно пошли дальше по своим пешеходным делам, расстегнув шубы и обмахиваясь от жары меховыми шапками.

— Мелко! Мелко плаваю! — взвился Игорь Степанович.— Подумаешь, лето! Надо, надо...— А вот чего надо, сообразить никак не мог.

Зазвонил телефон на столе. Жуков взял трубку и сказал:

— Але,— потом вспомнил, что телефона у него нет. Но волноваться не стал.

— Привет, зятек! — с английским акцентом сказали в наушнике: тесть звонил, президент который. Поболтали минут десять о том о сем — Буш

звал Жукова к себе в гости, но тот отказался, сославшись на ремонт ванной.

Жуков положил трубку на аппарат, поглядел на герб вместо телефонного наборного диска.

— Точно! — стукнул себя по лбу Игорь Степанович и оцарапал голову шариковой ручкой. — А чего это я сам не президент? Или там царь? Хочу быть царем!

И начал Жуков быстро писать в книжке: «Я — царь, султан, император, падишах, микадо, касик индейский, гранд испанский...» Он писал самозабвенно, не замечая вокруг ничего. А поглядеть стоило бы! Хотя бы из интереса.

Потому что сидел теперь товарищ царь Жуков в громадном зале с беломраморными колоннами вдоль сияющих изумрудами стен, с золотыми лампадами по углам и хрустальными люстрами над головой. Персидские ковры устилали пол, по которому бесшумно сновали холопы в бархатных livree, солидные министры да советники в черных смокингах и белых рубашках; по углам, охраняя факсы и компьютерную связь со слаборазвитыми странами типа Америки или Японии, высились громадные полуголые янычары в малиновых шароварах с ятаганами наголо — у каждого в носу было по золотому кольцу с крупным бриллиантом.

По бескрайнему, по-английски ухоженному двору-саду цепочкой шел гарем императора Жукова: это было видно сквозь хрустальную стену перед самшитовым столом султана Игоря Степановича. Кто шел в чадре, кто в бикини, кто просто так... И все лица были знакомые, мелькали на кинотелеэкранах когда-то. Почему «когда-то»? А не было теперь кино. И телевидения не было. Кесарь Жуков запретил как разврат. И дискотек не было, балета, и много чего еще больше не существовало.

Гарем охраняли угрюмые омовцы со взведенными автоматами наперевес. Кстати, одна из жен падишаха шла с авоськой картошки. Зачем с авоськой — неизвестно.

Микадо Игорь Степанович на минуту отвлекся от исчерканных листов, мельком огляделся: министры упали ниц, выставив вверх фрачные зады; в углу замерли мудрецы Дивана.

— Прощаю, живите, — милостиво улыбнулся великий Жуков и помахал рукой гарему. Гарем завизжал и радостно кинулся к хрустальной стене, но бойцы ОМОНа оттеснили их назад, к дорожке.

— Идите вы в баню, некогда мне, — буркнул сиятельный Игорь Степанович, и женщины, получив соответствующую команду от сопровождения, побрели туда, откуда шли. В императорскую баню. Их только что помыли для брачной ночи.

Кстати, диктатор Жуков шутя мог бы их всех обслужить в постели за один заход — он особо указал это в книге — и хотел сегодня как раз попробовать. Но дела, дела!

Пора было браться за мировое устройство.

Генсек Жуков помассировал лицо, потер руки — пальцы-то не железные, устали, а еще о-го-го сколько сделать за день надо! Все успеть, все предугадать, все записать, пока есть возможность. А то, тыфу-тыфу, вдруг книжка исчезнет! Или испортится... Лучше было не рисковать. Так что делу время, а потом уж поживем, да еще как!

Кормчий Игорь Степанович лихорадочно писал, аж запарился. Зато здоровье он себе установил отличное, жить и жить! Внешность тоже ничего — Жуков повел могучими плечами, посмотрелся в громадное зеркало, что поднесли ему арапчата. Эх, хорош мужик! Пусть немолод, но статен, высок, демонически красив; главное, что плешь исчезла. В общем, орел-мужчина! Красавец.

Самодержец Жуков, властелин Земного Диска (Землю он, кстати, сделал плоской, на трех слонах, поскольку всегда любил плоские поверхности, с них не свалишься. А звезды упразднил. Чтобы инопланетные захватчики на такое добро не налетели), изволил сделать перерыв и покушать. Потом чуток поплескался в нефритовом бассейне с шипучей минеральной водой, взбодрился и вновь сел за гигантский рабочий стол, на этот раз сделанный из уса чудо-юдо рыбы-кит. На которой стояли три слона. На которых лежал Земной Диск. На котором жил Жуков... и все остальные тоже присутствовали. По необходимости.

Один только раз его побеспокоили: звонил наместник из Атлантиды, просил разрешения начать стройку БАМа — Большой Атлантической Магистральной. А то слонами грузы в порты возить несподручно. Генералиссимус дозволил. Стройте, мол. Валяйте.

Дальше встал вопрос о загробной жизни. От него ведь никуда не денешься, правда? Сделать себя бессмертным Гений Мира просто не сообразил. Как-то в голову не пришло.

Бога Жуков разрешил. Правда, с ограниченной ответственностью. Без права вмешательства в земную и его, Первозванного, личную жизнь. И впрямь, какое же загробное существование да без Рая, да без Бога?

Чертей и Ад солнцеликий Игорь Степанович отменил. Вдруг сам туда попадет? Так что был на небесах отныне сплошной Рай, но отдельный: «люкс» и обычный, бытовой, без ненужных излишеств.

Книжечка постепенно подходила к концу, и БОЛЬШОЙ Брат сильно запыхался, заполняя ее. Он писал уже все подряд, «на прозапас»: запретил синдром похмелья и венерические болезни, голод и страдания от обжорства, разрешил превращение воды в вино, ликеры и пиво; дышать под водой, летать по желанию. Ну, разумеется, только для себя. И все сейчас, немедленно, срочно, мгновенно! Сейчас! Сейчас!

А тут и книжечка закончилась. Под золотую пишущую ручку разгоряченного Великого Вождя попала та самая строчка, что была отпечатана в самом низу самой последней страницы. «Дата смерти...» Тут султан-шах-император по запарке и подмахнул: «Сейчас!»

...«Люкс» ему не достался. Игорь Степанович в Рай вообще не попал. Бог, обиженный на самоуправство Жукова, оставил его за бортом райской

жизни. Правда, крылья ему выдали и лиру тоже дали: обязательный комплект.

Раздосадованный Игорь Степанович с тоской смотрел на свои похороны, лежа на облаке и нервно похлопывая крыльями. А иногда прицельно плевал на головы траурным женам, с которыми так и не переспал. А те думали, что идет дождь.

Усыпальная пирамида почти доставала до облака, где тосковал Жуков: с размахом была построена пирамида! По заслугам... Главная жена, вернее, главная вдова — выездная фотомодел ь Дуся — опиралась на крепкое плечо сына с мужественным итальянским лицом. И никто не удивлялся тому, что сын в два раза старше своей матери. Ведь еще при своей жизни Игорь Степанович успел запретить всем удивляться!

И когда саркофаг с его телом погрузили в пирамиду, и когда весь Диск завыл в один голос: «На кого же ты нас покинул отец родной?», и когда жалобно затрубили три слона под Диском,— тогда перевернулся на своем облаке Жуков с живота на спину, закрыл глаза и сказал:

— А пошли вы все на...— и затренькал себе на лире.

Впереди была Ве-е-е-ечность. Ее он запретить забыл.

ПОВЕСТКА

Леониду Яковлевичу Дидруку до чертиков надоела демократия. Не то чтобы совсем, в полном своем понимании, а только ее материальные последствия — на предмет денег и покушать.

Понять Дидрука было можно. Всю свою жизнь он прослужил прапорщиком в армии, где все было ясно и понятно, кроме неуставных взаимоотношений. Зарплату давали вовремя, одевали, обува; ли. Да и политикой мозги не засоряли. Она всегда была одна и та же: мы — хорошие, они — плохие. И никаких полутонов. По увольнении в запас он получил однокомнатную квартирку в центре города — Леонид Яковлевич был холост,— нормальную пенсию и полную жизненную свободу, то есть узаконенное право бездельничать и пить вино в рабочее время. И тут на тебе — демократия навалилась!

«Друзья по вермуту» после двух-трех совместных бутылок пытались объяснить ему, как теперь стало здорово: по телику то карате с мордобоем, то народные скандалы с забастовками; про политика любого вся подноготная известна, баб голых тоже показывают. Развлечение! Опять же вино в магазинах и ларьках круглосуточно. А что «мерседесы» опять в этом году подорожали на тысячу баксов, так плюнуть и забыть — трамваи пока ходят, когда электричество есть. Дидрук с ними упорно не соглашался, поэтому «друзья по вермуту» иногда били Леонида Яковлевича из-за идейных разногласий, хотя и пили за его счет. В общем демократию отстаивали.

Сегодня Леонид Яковлевич был в особенно плохом настроении, грустный какой-то был. Газету из ящика украли, бутылки в магазине не приняли, пришлось грузчикам по дешевке сдавать. По радио передали, что Ленина в землю вскоре закопают, а Мавзолей по кусочкам иностранцам за валюту продавать будут. На сувениры. Дидрук как это услышал, так весь больным сделался. И решил — баста! Пора с этим кончать. Купил вермута, колбасы, три международных конверта и кучу марок. Зашел напоследок к «друзьям», попрощаться.

— Прощайте! — так и сказал он им.— Может, более и не свидимся.

Те, конечно, перепугались, отговаривать его стали: не вешайся, мол, грешно это, попы отпевать не станут. Плюнь на обиды, не со зла ведь били, а так, для воспитания.

Отмахнулся от них Леонид Яковлевич, закручинился от людской глупости и домой пошел. Даже «на посошок» не выпил. Вот еще, вешаться! Как сами свою алкашную жизнь кончают, так и от других такого же ждут. Дудки!

В прихожей Дидрук смахнул с пальто и шапки снег, разделся, оглядел себя в зеркало — плотный, коренастый, рост средний, усы мокрые,— обтер лицо рукавом свитера и поспешил на кухню.

Кухня, как у всех холостяков, была его любимым местом. Здесь всегда не холодно, еда под боком, стол есть, окно в полстены. Уютно! Леонид Яковлевич поставил вино в холодильник — потом, потом! — заварил чай и приступил к делу.

Перво-наперво он сменил клеенку, застелив стол чистой, праздничной. Следом подмел пол, перемыл посуду. За всеми этими делами на улице стемнело, началась пурга. Снег шелестел о стекло, а на кухне было тепло, ладно. Дидрук принес настольную лампу, погасил верхний свет, критически огляделся вокруг. Порядок, рабочая обстановка! Можно приступать.

Леонид Яковлевич достал конверты из портфеля, стопку бумаги из серванта, заправил авторучку и сел за стол.

— Ну, с Богом,— сказал он сам себе и начал писать письмо.

«Господину Президенту США»,— вывел Дидрук на листе и заколебался. Он очень боялся КГБ, который нынче стал ФСБ, поэтому и прощался с друзьями-субутильниками. Но отступить было некуда, решение Дидрук принял твердое.

«...от бывшего прапорщика бывшей великой страны СССР Дидрука Леонида Яковлевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уже в течение многих лет в нашем государстве|черт его знает что творится. Сплошной развал, разврат и анархия! Гражданские войны, инфляция и рост преступности беспокоят всех честных людей доброй воли, и меня тоже. Больно видеть, как беднеет наше государство, особенно я в том числе. Это, Господин Президент, невыносимо, уж поверьте. Дошло до того, что нам, то есть не мне, а другим присылают гуманитарную помощь. Добро бы, если новые, а то обноски разные. Говорят, в некоторых посылках вообще только кости да кирпичи с матерными записками. Так вот, Господин Президент, я намерен прекратить все это. Много лет ваша страна вела подрывную идеологическую диверсию по поводу нашего социализма «Голосом Америки», Би-би-си и ЦРУ. Ну, подорвали. А что дальше? Дальше, я спрашиваю, что? Испугались того, что наделали? Бучу устроили, а сами в кусты? Нет уж, дорогой Президент, так дело не пойдет! Бросили на полпути завоевание нашей страны, а это не дело.

Я официально требую — завоюйте вы нас полностью, наведите порядок, Христа ради! И царя поставьте над нами, чтобы порядок держал, а то вам за всем нашим государством из своей Америки не уследить, хотя вы там и понавешивали спутников в космосе. И чтобы не рублями пенсию платили, а долларами! Или хотя бы песетами, мне все равно, лишь бы на жизнь хватало.

Даю срок месяц, чтобы письмо дошло. А после жду от вас реальных действий!

Всего хорошего!»

Леонид Яковлевич запечатал письмо в конверт, наклеил на него кучу марок и заполнил адресную графу. Посидел, барабанил пальцами по столу. Потом выплеснул недопитый чай в раковину, налил в кружку холодного вермута. Выпил, закусил колбаской. Подошел к окну — снег да снег, темень подвальная. Даже фонарей не видно. Дидрук вздохнул, сел опять за стол, взял чистый лист бумаги и твердым почерком начал следующее письмо.

«Господину Президенту всех инопланетян от бывшей социально-боевой единицы страны СССР, ныне простого жителя планеты Земля, Дидрука Леонида Яковлевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уже в течение многих лет, то есть оборотов нашей планеты вокруг звезды по имени Солнце, на Земле черт его знает что творится. Политика между государствами ни к хрену, ядерного и химического оружия невпроворот, вся планета ракетными шахтами просверлена. СПИД бродит по планете, призрак страшной гибели всего живого! И наверняка это утечка из чьей-нибудь бактериологической бомбы. А что еще может утечь из другой бомбы?

Загрязнены и моря, и океаны, и реки! Из моего крана пить невозможно, сплошная хлорка течет. Черное море вот-вот взорвется, сероводород в нем так и бурлит! Воздух отравлен машинами и прочим дымом, хотя я совсем не курю. Мутанты поэтому рождаются то там, то тут. И почти все поголовно с двумя головами и тремя руками! А то и того страшнее.

По небу плавают озоновые дыры, и из них идет кислотный дождь, а я зонтик потерял. Ваши НЛО это все знают, но ничего не делают! А это плохо, так как мы однажды взорвемся от накопленного оружия и разнесем все СПИДы, какие ни есть, на другие планеты. Вам же хуже станет! И поэтому я официально требую: завоюйте нас полностью положите конец этим безобразиям в плане экологии и гуманитарной помощи. Чтобы оружия не стало и дышать чистым воздухом можно было. А там наместника какого-нибудь поставите, чтобы он с Марса нами руководил, порядок держал, а то вы далеко, за всем не уследите, хотя и понавешивали свои НЛО по всему космосу.

Даю срок месяц, чтобы письмо дошло. А после жду от вас реальных действий!

Всего хорошего!»

Дидрук крикнул, запечатал письмо и обклеил его марками даже с обратной стороны. Потом крепко выпил, уже не закусывая, и пошел в туалет почитать газету за естественной надобностью. И там, на унитазах, его осенило. Он быстренько закончил чтение, почти бегом вернулся к столу, схватил ручку и, торопясь, стал писать третье письмо.

«Господу Богу от бывшего коммуниста, а ныне простого раба Божьего Дидрука Леонида Яковлевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прости, Господи, что вмешиваюсь в дела Твои небесные и беспокою по пустякам. Но молиться я не умею, не обучен, а тогда как же иначе, как не

из письма, узнаешь Ты о мыслях моих и задумках, о том, как нам с Тобой обустроить Вселенную? Ибо давно уже, со дня сотворения Мира, все идет не так, как надо, боком как-то. Наперекосья. То глобальное перенаселение, то наоборот — мор чумной, то очередная война в Закавказье!

А недавно зачем-то неплановое цунами в Японии приключилось. Да что там говорить — землетрясения тут и там, дома то и дело падают и взрываются! Экстрасенсов да террористов всяких расплодилось, что тараканов, колдуны некрещенные порчу с дурна ума на всех пускают. Нехорошо!

Эх, да не в этом дело. Весь Космос неправильно работает! Сам посуди: в нашу планету недавно чуть астероид не врезался; Солнце, того и гляди, вот-вот погаснет через какой-то миллион лет. Луна не вращается! Марс без воздуха, а мы туда скоро собираемся. Звезд в пространстве без счета, а толку? И вообще, Ты есть или нет? А то мы здесь никак разобраться не можем. Сошел бы Ты, Господи, на Землю нашу грешную, посмотрел, что да как. А здесь и я Тебе пригодился бы, есть у меня, что Тебе, Господи Боже ты мой, сказать или посоветовать. Хотя и всеведущ Ты, Отче наш, а хороший совет — он всегда полезен.

Даю срок месяц, чтобы письмо дошло. А после жду реальных действий, есть Ты там, или Тебя нет.

Всего хорошего!»

Дидрук обклеил марками конверт в два слоя, выпил вина и, ощущая важность сделанного, взял три письма и пошел в мороз, вьюгу к ближайшему почтовому ящику. А оттуда, обмякнув душой, завернул к «друзьям по вермуту», где опять напился и подрался. К утру он напрочь забыл о своих посланиях.

* * *

Ровно через месяц, в тяжелое похмельное утро, в дверь позвонил почтальон. Трясущейся рукой Леонид Яковлевич заполнил бланк, получил в руки большой плотный пакет с золотым тиснением. Но больше, чем письмо — ему никто не писал — Дидрука поразила сам почтальон. Вид у того был ошарашенный, чумной какой-то. Совершенно ненормальный.

— Ты... чего ты... похмелиться хочешь? — с трудом спросил его Леонид Яковлевич. Почтальон замотал головой, повернулся на каблуках и опрометью кинулся вниз по ступенькам.

— Радио послушай, пьянь! В- окно выгляни! — крикнул на бегу почтальон и исчез где-то под лестницами.

Дидрук закрыл дверь, прошел на кухню. Кинув конверт на стол, он включил радио и подошел к окну.

По радио передавали американский гимн. За окном стройными рядами в синем мартовском небе летели космические корабли, блестящие и невероятные. Гимн закончился, динамик вздохнул и с легким английским акцентом радостно сообщил:

— Итак, это сбылось, господа! Настали великие времена: Россия, а также остальные республики бывшего СССР наконец-то включены в состав США на правах суверенных штатов! Земля вступила в Космическую Федерацию с независимым статусом! Началась эра полного уничтожения всех видов оружия и восстановления экологического баланса нашей планеты.

Наместником Земли, с личной резиденцией на Марсе, назначен величайший гений всех времен и народов господин Дидрук Леонид Яковлевич. Это условие поставили представители Космической Федерации, и вся Земля бурно одобряет это решение. Поиски гения продолжаются!

Дидрук минуту постоял, глядя в окно. По радио играли что-то американское; дети во дворе стреляли по космическим кораблям из рогаток. Смутное воспоминание о каких-то письмах всплыло в голове Леонида Яковлевича. Бурный восторг захлестнул его: как есть, в майке и трусах, Дидрук застыл по стойке «смирно», отдавая честь космическому параду за окном. Параду для него лично. Потом открыл окно и заорал вниз прохожим:

— Это я — гений! Я — наместник Земли! Люди, это я! Я все сделал! Я!!!
— После чего окно закрыл. Холодно все-таки. И стал быстро одеваться, чтобы идти принимать правление Землей. Вдруг он вспомнил о пакете на столе. С трудом разорвав конверт, Леонид Яковлевич вытащил глянцевого письмо, написанное золотыми буквами. В правом верхнем углу на фоне голозадного ангелочка стоял сияющий штамп: «Небесная канцелярия». Ниже, крупно:

«ПОВЕСТКА

Кому: рабу Божьему, прапорщику в отставке Дидруку Леониду Яковлевичу.

По рассмотрении вашего заявления с предложением о встрече с Господом нашим уведомляем, что ваш вопрос решен положительно. Посему вечером нынешнего дня, по получении повестки, Господь примет вашу душу в Храм свой на предмет личного собеседования.

Перед явкой вы обязаны:

1. Решить мирские дела.
2. Собороваться.
3. Вымыться, одеться во все чистое.

За невыполнение указанных пунктов будете привлекаться к чистилищной ответственности по закону.

Арх. Михаил».

Леонид Яковлевич сник, надел пальто и побрел в церковь. Собороваться.

До вечера оставалось очень мало времени.

ПРЕЦЕДЕНТ

Когда во втором часу ночи к пенсионеру Виктору Васильевичу постучали в дверь, он открывать поначалу не стал, подумал, что это милиция. Милиции Виктор Васильевич официально ничуть не боялся, потому что у нас самая гуманная милиция на свете, а неофициально избегал ее как черт ладана — да ну ее! Еще оставит без денег и здоровья по своей гуманности...

Но когда стук повторился еще раз, и еще, и еще — причем эдак ритмично, с дробной россыпью, словно на входной двери практиковался красно галстучный пионер-барабанщик,— Виктор Васильевич встал с дивана, накинул халат и пошел, босой, смотреть в дверной глазок.

В глазке было мутно, как будто в него плюнули, но высокая белая фигура за дверью все же просматривалась довольно четко: на ней, фигуре, не было ни погон, ни фуражки, ни камуфляжных пятен. Светилось что-то над головой непонятное, но то, скорее всего, заплеванный глазок от лампочки бликовал.

— Кого там черт среди ночи принес? — вежливо поинтересовался Виктор Васильевич у двери.

За дверью шумно задышали, но не ответили.

— Не пуцу, и все,— твердо сказал Виктор Васильевич, потопал ногами, будто ушел, а сам остался подглядывать в глазок: интересно ведь!

— Ты, Виктор, не делай вид, что тебя нету,— басовито сказали за дверью,— вон, смотришь на меня, а сам того не ведаешь, что смерть к тебе идет! А мне указано разобраться с ней и пресечь неправомерное действие согласно закону... Был сигнал, что, возможно, произошла ошибка. Открывай, человек!

— От человека слышу,— возмутился Виктор Васильевич.— С бандитами я не вожусь, бизнес не веду. За что ж меня убивать-то?

— Мало ли за что,— уклончиво ответили за дверью.— Открывай, дело архиважное!

— Учтите, у меня пистолет есть,— храбро сказал Виктор Васильевич,— и будь... бульктерьер без намордника. «Фас» ему скажу — и все, и загрызет!— Врал, врал Виктор Васильевич! Не было у него ни пистолета, ни тем более дорогого бойцового пса. А был лишь диплом о высшем образовании, старый телевизор «Рубин», продавленный диван и всяко еще по мелочи.

Виктор Васильевич открыл дверь.

— Ну здравствуй, Виктор,— сказал, входя в прихожую, бородатый мужчина (аккуратно бородатый и напрочь лысый) в белом строгом

костюме, белой рубашке со стоячим воротником и белых же мягких туфлях.— Правильно сделал, что впустил меня, правильно, потому как дело безотлагательное, грубое нарушение важной документации — это, знаете ли...

Что там говорил дальше ночной гость, Виктор Васильевич прослушал: он высунулся за дверь, как улитка из раковины, осмотрелся — на площадке никого не было — и запер дверь.

— Собственно, чем обя...— Виктор Васильевич осекся: в коридоре тоже никого не было. Виктор Васильевич трусцой пробежался по кухне и комнате, заглянул в ванную, туалет — исчез белый и лысый-то! Словно и не приходил никогда.

Покачал головой Виктор Васильевич, взяла его оторопь, но тут в дверь опять постучали, громко и размеренно: три раза стукнули, как время отбили.

— Кого там черт...— Виктор Васильевич подкрался на цыпочках к глазку, посмотрел... То, что он увидел, ему не понравилось, совсем не понравилось! Да кому понравится, если он в глазок Смерть в саване и с косой увидит, нда-а...

Глазок в этот раз, зараза, показывал лучше пулковского телескопа, потерли его с той стороны, что ли... Для пущей убедительности.

— Никого нету,— осипшим голосом сказал Виктор Васильевич.— Все ушли на фронт.— И чего он ляпнул ерунду такую, он и сам не знал, ему бы молчать да под диван, подальше от двери, ан нет — высказался! Молодец.

— Открывай, человече,— Смерть блеснула начищенной косой,— инфаркт пришел! Срок тебе, стало быть. Пора! — Сквозь дверную фанеру просунулась костяная рука, нащупала замок и уверенно его открыла; Виктор Васильевич попятился.

Смерть вошла, по-хозяйски- закрыла за собой дверь и, недовольно покачав черепом, взмахнула косой...

— Стоп-стоп! — Между Виктором Васильевичем и «Инфаркт пришел» возник гражданин в белом.— Секундочку! — Гражданин держал в одной руке папку, из которой торчали листки плотной бумаги с золотыми гербовыми печатями, а в другой— раскрытое удостоверение в сиреневых корочках.— Секундочку,— повторил гражданин с папкой,— отдел жизнепресекновения, дежурный юрист...

Дальше гражданин в белом тоже чего-то сказал, но Виктор Васильевич ничего не понял, странно тот сказал, словно из песни строчку промычал. Наверное, представился.

Смерть опустила косу, уперлась глазницами в корочки, спросила коротко:

—Ну?

— Вы можете быть свободны,— спохватился дежурный юрист, обращаясь к Виктору Васильевичу,— пока что свободны, до окончания разбирательства.

Вовремя он это сказал, потому что Виктору Петровичу нестерпимо захотелось на нервной почве в... Понятно, куда захотелось.

— Дальше квартиры не выходить! — рявкнула Смерть.— Выйдешь — убую!

— Можно подумать,— пробормотал Виктор Васильевич и убежал в туалет.

Когда он вышел, облегченный, но неуспокоенный, Смерть и лысый гражданин сидели на кухне, разложив на старом дощатом столе бумаги с печатями, сидели и беседовали. Виктор Васильевич воровато, как кот в голубятне, прошмыгнул за спины сидящих и притих, осторожно заглядывая через белое плечо: на бумагах было написано не по-русски и читать их было неинтересно. Однако Виктор Васильевич продолжал таращиться, потому что ничего другого ему не оставалось.

— ...И следовательно,— тем временем убежденно говорил гражданин из отдела жизнепресекновения, тыча пальцем в одну из бумаг,— пресечение жизненной нити нашего клиента таким образом, как вы предлагаете, будет явным нарушением его судьбы!

— У меня наряд,— угрюмо ответила Смерть,— оформленный и подписанный. Что ж я, самодеятельностью, что ли, занимаюсь? Вот, смотрите.— В костяной руке возникла не менее плотная и не менее золото печатная бумага. Минуту оба — и лысый гражданин, и Смерть — смотрели на бумажки, сличая их.

Молча смотрели, недоверчиво.

— Да, накладочка вышла,— несколько сконфуженно сказала наконец Смерть, а гражданин озабоченно поскреб лысину, кивнул утвердительно:

— А я о чем говорю... Что ж, давайте разбираться, раз в личном деде нашего клиента одно, а в наряде другое.

Дежурный юрист вынул из воздуха белый пухлый том. Смерть, чуть помедлив, достала оттуда такую же толстую, но черную книгу: оба зашелестели страницами.

— Вот, дело Иордана Кривого,— нашел гражданин в белом,— прецедент от восьмого века...

— До или после? — уточнила Смерть.— В смысле, от Рождества.

— До.— Гражданин принялся монотонно читать о некоем Иордане Кривом, то и дело отвлекаясь на ссылки и пояснения, отчего история Иордана Кривого для Виктора Васильевича понятней не становилась.

...Наступало утро, за окном светлело. Виктор Васильевич дремал, прислонившись спиной к стене; за столом шелестели страницами; выискивая очередные ссылки, пояснения, дополнения и поправки к ним, гражданин в белом бубнил не переставая, давя на оппонента. Смерть изредка лишь вяло огрызалась:

— У меня наряд!

На что получала не менее вялый ответ:

— А у меня личное дело!

На улице прогрохотал первый трамвай, Виктор Васильевич вздрогнул и очнулся от волчьей дремы.

— Так нельзя,— уныло сказала Смерть.— Что за бюрократизм, ей-ей! Создали, понимаешь, проблему... Чик — и нету той проблемы!

— Нельзя так,— в который раз не согласился с ней гражданин юрист,— все должно быть по закону, и «чик» — тоже!

— Ну какая, в самом деле, разница,— помолчав, с досадой произнесла Смерть,— умрет ли сейчас ваш клиент от инсульта, как написано в его личном деле, или от инфаркта, как указано у меня в наряде...

Виктор Васильевич похолодел, услышав такие слова. А он-то думал... А оно вон как! Что так, что эдак — крышка... Амба.

— Есть разница,— набылчился гражданин в белом.— Закон есть закон! Действо должно соответствовать документации! И наоборот.

Этот малопонятный аргумент окончательно доконал Смерть. А может, ей просто надоело препираться, сколько ж можно, в конце-то концов!

— Тогда и впрямь остается только одно,— недовольно сказала Смерть,— согласно прецеденту, будь он неладен! Куда деваться... Эхма.— Смерть вздохнула.— Ну, давай.

Гражданин в белом достал из кармана монетку.

— Орел,— сказала Смерть,— мне на орле всегда везет!

— Решка,— не стал спорить лысый гражданин, подбросил монетку: она упала на стол между разбросанными листами, завертелась волчком.

Виктор Васильевич ждал затаив дыхание. И, когда монетка стала останавливаться, когда стала замедлять свое вращение, не выдержал он, упал на колени и закричал в тоске:

— Господи, спаси и помилуй!

Смерть и гражданин в белом вздрогнули одновременно, но не от истощенного крика Виктора Васильевича, нет, а вовсе от другого: монетка крутанулась в последний раз и... И, застряв в щели разошедшей столешницы, замерла. Стоя на ребре.

— Однако,— только и сказал гражданин юрист, в недоумении уставясь на монету.

— Какого черта! — Смерть сначала захихикала, а после загоготала во весь голос, размахивая костяным кукишем перед носом опешившего юриста.

— Надо ж как получилось...— растерянно сказал гражданин из отдела жизнепресекновения, собирая в папку листы с печатями.— Кто бы мог подумать! Невероятно, просто невероятно.— Взяв папку под мышку, он шаркающей походкой направился к выходу из квартиры.

Смерть последовала за ним, со злостью стуча в пол косой точно посохом.

— А я? — пискнул Виктор Васильевич, не веря своей удаче.— Со мной-то как?

— Как-как? — обернулась на пороге Смерть,— Живи! До тех пор живи, пока эти крючкотворцы не рассмотрят твой случай со всех сторон, не

обсудят его, не вынесут по нему особого решения и не создадут очередной дурацкий закон на основе нового пре-це-дента,— с отвращением выговорила последнее слово Смерть.— Тьфу!

— И долго мне... жить? — обмирая, спросил Виктор Васильевич.

— Достаточно,— хмуро ответила Смерть.— Эти ребята никогда не торопятся. Лет пятьдесят возиться будут, эхе-хе,— и вышла, крепко хлопнув дверью.

Виктор Васильевич сел на табурет, уперся локтями в столешницу и уставился на застрявшую в щели монету невидящим взглядом.

И сидел так долго-долго.

Очень долго.

До самого вечера.

СЕАНС

Врач-экстрасенс стоял возле окна. Росточком он был невысок, полноват и весьма зауряден внешне.

Сергей Иванович даже немного расстроился. Конечно, он не ждал, что врач будет ух ты а-ля Кашпировский или Чумак. Но хотелось бы! А так — не врач, а полуврач какой-то, честное слово. В очереди за хлебом на такого наступишь, так и не заметишь.

— Заходите, милейший, прошу вас. — Врач приглашающе поманил рукой. — Не стесняйтесь, пожалуйста. Присаживайтесь.

Сергей Иванович прикрыл за собой дверь, нервно пригладил остатки волос на затылке и преувеличенно бодро прошагал к столу, где и сел в предложенное кресло. Копытов в отличие от доктора рост имел высокий, баскетбольный, прямотаки дядястеповский рост. Но спортом Сергей Иванович не интересовался, поскольку было не до этого — Сергей Иванович очень давно болел, и, видимо, насмерть неизлечимо: господин Копытов обожал выть на луну в полнолуние.

Обычно он выбирал для этого странного занятия глухие, потаенные места — лучше всего в лесу или пустыне. Редко когда на воде, мокро все же. Пока навоеешься всласть, запросто простуду схватишь. Потому, когда болезнь обострялась и Сергею Ивановичу становилось совсем уж невмоготу, он находил законный повод — отгул или отпуск за свой счет — и с полной туристической выкладкой уходил, нет — убегал из дому куда подальше. У него со временем даже выработались любимые маршруты, где ступала только нога Сергея Ивановича. Соседи считали Копытова то ли горным спасателем, то ли беспатентным золотоискателем: при встрече с уважением поглядывали на его могучие плечи, где зачастую высился громадный рюкзак и другое профессионально уложенное необходимое снаряжение. Соседи даже представить себе не могли, до чего Сергей Иванович ненавидит эти нелегкие и порой опасные переходы, с какой радостью он променял бы их на .возможность лежать в тепле у телевизора и сонно глядеть «Поле чудес» или что другое видеожвачное. Может быть, Копытов наконец даже и женился бы, хотя возраст... Как-никак под пятьдесят. Холостяк-одиночка составем. Оно и понятно почему — какая такая жена вынесет нестерпимо воющего на луну мужа, да еще голого, да еще и на четвереньках? Железные нервы иметь надо, стальные прямо-таки нервы. Просто рельсы.

Великую свою тайну Сергей Иванович никогда никому не рассказывал. Очень и очень он этого стыдился. Потому как Сергей Иванович, помимо того что был больным, являлся директором весьма крупной

международной торгово-закупочной фирмы. А больной директор фирмы... воющий директор фирмы... голый директор... э-э... как-то не очень вписывался в международные валютно-торговые отношения. Ну, вообще никак не вписывался! И никогда бы не пошел Копытов ни к какому врачу-недомерку, пусть даже к самому популярному, из новых, если бы не жуткий случай в последнем походе.

В тот раз Копытов случайно вышел к неизвестному ему серебряно-круглому озеру, которое все заросло по ободку камышом и елями. За елями находился темный, редко хожженный людьми лес, волки и громадная луна среди звезд — чудесное место для воющих людей! И вот когда Сергей Иванович, раздевшись до кожи, принял на грудь первую лунную песню, в лесу бубухнули выстрелы. Выть Копытов не перестал, но начал шустро прятаться и маскироваться от охотников: остановить песню он не мог. За ночь было пропето только восемь лунных песен из двадцати — необходимо было спастись. Вот он и спасся... Разбитый, недопетый, утром он с рюкзаком в руке и с перевязанным плечом вышел на охотников, что сутки прятались вокруг озера. Дело в том, что эти мужички выслеживали здесь волка-оборотня.

Местный дед-отшельник, простая душа, пообещал приезжим тузам спяну необычную охоту. Дед-то был не виноват — внук приволок ему на сохранение ворованный видик и штук десять кассет с фильмами, все о ликантропах, то есть оборотнях. С недалекого ума, наглядевшись кинопакости, самодельный лесничий и организовал охоту на оборотня. Явно дед сбрендил на почве дурных видеофильмов, но факт остается фактом: вернулся домой Сергей Иванович озадаченным и угрюмым. Без афиши, по знакомству, сделали ему операцию на плече и вынули попавшую на излете в Копытова крупную серебряную пулю. Рана зажила на редкость быстро, а из пули отлил Копытов себе тонкое колечко на память об этом случае и крепко задумался. Дальше так жить было нельзя!

Вот потому сидел сейчас Сергей Иванович напротив толстенького врача и мучился опасениями — а надо ли было сюда приходить? Чем тут помогут-то? Деньги платить придется бешеные, факт, а будет ли толк — неизвестно.

— Эдуард Ильич, экстрасенс-гипнолог,— добродушно представился доктор.— А вас, как меня предупредили, величают Сергеем Ивановичем, так? Верно?

— Верно,— сухо кивнул головой Копытов,— величают.

— Зря вы так, батенька.— Голос доктора звучал укоризненно.— Расслабьтесь, почувствуйте себя комфортно. А лучше прилягте на кушетку, Пожалуйста.— Он протянул руку в сторону диванчика у стены.

Сергей Иванович с сомнением прикинул размеры лежанки, но лег. Диванчик оказался почти впору, ноги лишь слегка высывались за край.

— Так,— доктор сел рядом на низкий стульчик, сложил руки на груди,— что беспокоит?

— Знаете, мне просто неудобно...— заерзал по дерматину-плечами Копытов.—Очень неудобно, право.

— Что неудобно? Лежать на кушетке или рассказывать о своей беде? Другой кушетки предложить не могу,— пошутил Эдуард Ильич.— Давайте, миленький, давайте рассказывайте.

Сергей Иванович решил: расскажу все, но если этот помпон хоть краем рта улыбнется — уйду и будь что будет! Повешусь.

— Вою я,— осторожно сказал Копытов, глядя в серьезное лицо врача,— каждое полнолуние вою волком на луну. И ничего не могу сделать с собой, ничего! Что со мной? Вы знаете, что?

Ничего не изменилось в лице доктора, только чуть-чуть удивленно приподнялась левая бровь и тут же легла на место.

— Интересно,— нейтральным тоном сказал Эдуард Ильич,— очень интересно. И давно это с вами?

Копытов обмяк душой — врач не смеялся. «Вот же умница»,— умилился Сергей Иванович и стал исповедоваться. Вещал он долго, часто возбуждался, пытался соскочить с лежанки, один раз даже завыл в полную силу,— кажется, свою любимую, восьмую лунную. Но за окном разлаялись выгульные собаки, расшумелись их владельцы, и Копытову пришлось прерваться. Перейдя на шепот, директор фирмы закончил свою удивительную повесть, показал шрам на плече, колечко на пальце и умолк, печально поедая глазами экстрасенса. Гипнолог беззвучно жевал губами, задумчиво косился на окно. За окном тополиным пухом метелил июнь, у горизонта собиралась гроза.

— Что делать? — задал Копытов врачу великий русский вопрос и заплакал. Эдуард Ильич промокнул ему глаза марлевой салфеткой, ласково положил руку на плечо:

— Сейчас, прямо сейчас — ничего особого делать не будем. Надо подумать.— Экстрасенс подошел к столу, достал из выдвижного ящика пухлую папку. Эдуард Ильич разложил на столешнице ворох мелко исписанных листов, цветных диаграмм и углубился в чтение.

Сергей Иванович перевернулся на живот и с надеждой стал взирать на писчебумажный завал: документациям Копытов верил, самому сколько бумаг приходилось составлять!

— Так, ясно,— доктор хлопнул ладонью по бумагам,— вот теперь и начнем.

— Брюки снимать? — расстегивая ремень, деловито спросил Копытов.

— Это зачем? — поразился врач.

— Укол делать,— уверенно решил Сергей Иванович.— Как же без уколов-то? Положено.

— Ни-ни,— гипнолог погрозил пальцем,— у меня — без уколов.

Копытов пожал плечами, затянул брючный ремень и опять лег на кушетку. Врач сел на прежнее место, помолчал.

— Вы, господин Копытов, слышали что-нибудь о реинкарнации, последовательном переселении душ? — мягко осведомился Эдуард Ильич.

— Что за поповщина! — возмутился Сергей Иванович.— Жизнь, она одна,и надо прожить ее так, чтобы...

— Знаю, читал,— остановил его врач,— однако парапсихологический опыт многих исследователей показывает, что этих жизней можно прожить не одну, и даже не три — просто мы их не помним. Впрочем, это уже вопрос скорее религии и философии. Мне же нужно только одно — практическое использование такого опыта. Сейчас, милейший Сергей Иванович, я погружу вас в гипнотическое состояние, транс, и мы осторожно пойдем назад, через все ваши предыдущие реалии, к самым истокам.

— Зачем? — полюбопытствовал Копытов. Ему самому вдруг стало интересно.

— Там узнаете зачем,— уклончиво ответил гипнолог.

Он положил левую ладонь на лоб пациента, правой быстро провел перед глазами Копытова. Тот моргнул от неожиданности.

— Спать! — натужно сказал Эдуард Ильич. И Копытова не стало. Ну не совсем, конечно,— кусочек его сознания с интересом наблюдал за появлением странных картинок, не понимая их.

...Колдун сидел нечесаный, грустный, искоса поглядывал на монашку.

— А как же твоя религия? Она же меня не признает, дева. Как тут быть-то?

— Ой, дедушка, помоги! — Голос монашки срывался. Она то бледнела, то краснела.— Помоги, ради бога. Не могу я больше волчицей быть, бьют меня сестры, ох и бьют!

— Ладно,— колдун налил в кружку коричневой жидкости,— посмотрим сейчас, кем ты там раньше была-то. Пей, говорю!..

...Ну вот все было у чукчи Эенко: чум был, жена была. Олени, однако, были. Винтовка была. Водку в факторию завозили часто. Что ж еще охотнику надо? Живи и радуйся. Ан нет — ни с того ни с сего то и дело великая напасть с Эенко случалась: быть ему хотелось по-волчьи! Спасу нет как хотелось. Свои же собаки однажды из-за этого вытья чуть не разорвали. Пошел Эенко к шаману.

— Худо, однако,— умно сказал ему шаман.— Камлать, понимаешь, надо. Может, до смерти. Снежный волк в тебе сидит! Буду выгонять.

Часа два шаман колотил в бубен, плясал и пел, мухоморными да поганочными отварами больного пользовал. И добился своего — ушел Снежный волк! Но и Эенко помер. Однако.

...Голодная волчица лежала на холме и смотрела на желтую луну. Давно уже никто не приходил на ее зов, давно она не танцевала в брачном танце. Холодный ветер дыбил на ней шерсть, пустой ветер, без запаха еды. И от лютой тоски, от черной глубокой печали подняла она морду и завyla, жалуюсь небесному кругляку на постылую свою жизнь.

— ...проснуться,—услышал Копытов и проснулся. Он недоуменно посмотрел на толстяка в белом халате, сел и потрусил головой. В голове ощутимо гудело.

— Э, я вспомнил! — обрадовался Сергей Иванович.— Вы — врач, а я... Кто же я? Монашка? Чукча? Волчица? — задумался Копытов.

— В данный момент — Копытов,— подсказал гипнолог и подмигнул: — Теперь вам ясно, в чем дело, почему воете-то?

— Да вроде ясно,— уныло ответил Сергей Иванович.— Ну и что?

— Понять— значит победить,— убежденно сказал Эдуард Ильич.— Поверьте, теперь вам будет гораздо легче! И мне — вас лечить. Еще пара терапевтических сеансов — без таких глубоких, по|гружений, естественно,— и вы будете здоровы.

— Правда? — не поверил Копытов.

— Правда,— кивнул врач. За окном гроыхнуло, запахло озоном: начиналась гроза.

— Мне пора,— засобирился Сергей Иванович,— я без зонтика. Значит, до встречи?

— Обязательно,— улыбнулся экстрасенс,— я позвоню вам. Обязательно.

Копытов, радостно ухмыляясь, расшаркался и бегом припустил из кабинета по коридору, вниз по лестнице.

Гроза разгулялась. Дождь лупил по оконному стеклу, молния серебрила листву. Эдуард Ильич осторожно закрыл дверь, защелкнул замок и подошел к стене напротив окна.— побелка на стене в этом месте вытерлась до штукатурки. Медленно, как во сне, доктор встал по стойке «смирно», прислонился к стене, развел руки до уровня плеч, склонил набок голову. И застыл в этой трудной позе.

На ладонях у него выступили кровавые стигмы, на лбу проступили царапины.

У Эдуарда Ильича была своя беда — грозу он мог переносить только в таком положении. И потому он опасался заглядывать в свои предыдущие жизни. Очень опасался.

А вдруг?..

СОН

В половине четвертого утра Валерия Игоревича разбудил бес.

Нагло разбудил: выдернул из-под головы подушку да и хряпнул ею Валерия Игоревича по животу.

Валерий Игоревич испугался, проснулся и ничего не увидел, потому как было темно.

— Кто тут? — обмирая, спросил Валерий Игоревич темноту.

— Я тут, — сказал бес. — Что же ты, гад, вытворяешь? Совсем крыша съехала, что ли?!

Валерий Игоревич повращал головой и заметил на фоне светлых штор знакомую рогатую фигуру.

— А, — успокоился Валерий Игоревич, — бес... Чего приперся-то, ухват ходячий?

— Сам ты ухват, — огрызнулся бес. — Еще и издеваешься, да? Слушай, я тебя как человека прошу: прекрати видеть сны!

— Не-а, — зевнул Валерий Игоревич, — это мне неподконтрольно... А чего стряслось-то?

— Не помнишь? — с угрозой спросил его бес. — Совсем-совсем ничего не помнишь?

— Отстань, — сонно ответил Валерий Игоревич, — спать хочется...

— Не спи! — с ужасом воскликнул бес. — Хватит с нас, хватит! Давай переоформим договор, а? Умоляю, давай, а? Я и бланк подготовил... Вот, только распишись! Мол, отказываюсь от овеществления моих сновидений, а взамен беру счастье, бессмертие и золото!

— Пшел вон, — пробормотал Валерий Игоревич, проваливаясь в сон, — ка-а-азел. — И уснул.

...И снилось Валерию Игоревичу счастье, бессмертие и золото.

...И ад в который раз приснился: там вся рогатая нечисть — строим и с песней — все так же шла и шла в задницу.

К Люциферу.

ТУЗ

Небольшой обшарпанный звездолет медленно пятился от Гончих Псов. Впрочем, пятиться дальше было некуда — позади хищно скалилась протуберанцами Большая Медведица (саму Медведицу из-за ее безразмерной пасти видно не было)... Да и фиг с ней, с той Медведицей: позади были карточные пираты! Что, несомненно, являлось для капитана Ивана Кармикова (тридцать лет, рост сто девяносто, косая сажень в плечах, волевое лицо, глаза серые, не женат) гораздо большей неприятностью, чем Гончие Псы, Большая Медведица и Похмельный Стрелок, вместе взятые. Потому как от звездных монстров — при удачном повороте дел — можно было откупиться ненужными членами экипажа, а пропажу списать на несчастный случай: вывалились в иллюминатор, и все тут... Или прикинутьсядохлым: звездная братия дохлые космолеты не всегда кушала, иногда брезговала... Или аккуратно взорвать двигатели и сделать вид, что ты — новая маленькая звезда. А маленьких не обижают!

В общем, имелись варианты.

Но спастись от карточных пиратов нормальному звездолету было практически невозможно: свою жертву они всегда преследовали до конца! Потому что карточным пиратам и самим деваться некуда: прибьют в случае неудачи — те, кому они в карты проигрались на одно желание... Вот и звались такие отчаянные пираты «карточными». Иногда — «забубенными». По-разному звались, но суть у них всегда оставалась одна, нехорошая. Мало ли какого туза навесили им выигравшие!

— Помощник, что там с Гончими Псами? — свирепо крикнул Иван в микрофон. — Сколько до них?

— Один световой фут, сэр капитан, — донеслось из динамика.

— Точнее! — рявкнул капитан.

— Двенадцать световых дюймов, — отрапортовал Помощник. — Э-э... виноват, сэр капитан, все забываю, что вы из российской директории и не запрограммированы на английскую систему мер, ноль целых запятая три тысячи сорок восемь светометра! С хвостиком.

— То-то же, — успокоился Иван. — Тридцать сантиметров — это еще куда ни шло... Можно и водки выпить. — Капитан приложился к пластиковой фляжке, висевшей у него на боку. Вообще-то раньше он хранил фляжку в протезе ноги, но с тех пор как живодееры из Проксимы Хаббла арестовали Ивана за неуплату пошлины и в качестве пытки-наказания насильно отравили ему ногу, прятать фляжку стало негде. Что порой вызывало осложнения на таможне: всяк норовил угоститься на халяву!

Этот чертов рейс с самого начала пошел как-то криво, боком: мало того что не дали команду из живых людей, сославшись на то, что у Ивана слишком часто кто-нибудь из наемной команды выпадает в иллюминатор — вот идиоты! — так еще и Помощника дефектного подсунули, сдвинутого на англосаксонской праистории; за неделю полета неутомимый Помощник окончательно задолбал Ивана своими «сэрами». Хотя и собран был тот Помощник вовсе не в Англии, а на китайской частной фабрике... Как подозревал Иван — на игрушечной.

— Сэр капитан! — вдруг заверещал динамик, и Иван чуть водкой не захлебнулся.— Сэр капитан!

— Чего тебе? — силло поинтересовался Иван Кармиков, завинчивая пробку фляжки и страдальчески морщась: закусить он не успел. Впрочем, закуски все равно не было, остатки ушли минут десять тому назад.— Ну?

— Сука,— радостно доложил Помощник,— как есть сука!

— А ты сам-то знаешь что после таких слов, ширпотреб китайский?! — взъерился Иван.— Знаешь?

— Теперь знаю! — не менее радостно доложил Помощник.— Ширпотреб китайский согласно вашему определению, сэр капитан! Наименование записано в соответствующую ячейку судового журнала, сэр!

Хотел было Иван уточнить свое нечаянное определение, расширить его по-русски, но передумал: ячейка как-никак... Пишут.

— Ты мне ругаться позвонил или зачем? — ласково спросил Иван, поглядывая в экран заднего обзора: карточные пираты были уже близко. Даже чересчур.

— Так сука же, сэр капитан! — затараторил Помощник.— Звездная! Мимо несется! Все Псы на нее стойку сделали, сейчас та-а-а-кое будет, такая собачья свадьба, что чертям тошно станет, сэр!

— Главное, чтобы мне тошно не стало,— ответил Иван, с подозрением принохиваясь к собственному дыханию.— Паленая водка, мать ее... Нет, все же надо было не в коммерческом брать,— верно подметил Иван.— Сдохну, блин, сейчас! — Но отвинтил крышку и допил оставшуюся водку: если подыхать, так лучше пьяным...

Гончие Псы действительно отвлеклись на суку, припустили за ней с таким лаем, что Большая Медведица захлопнула пасть и, на всякий случай убралась подобру-поздорову на свое историческое место: собачья свадьба вещь непредсказуемая, могут и покусать больно!

Путь был свободен, настала пора удирать дальше.

— Помощник, "полный ход! — приказал Иван.— Живо!

— Куда, сэр капитан? — поинтересовался верный Помощник.— Вперед или назад, сэр? А если вверх или вниз, то надо задать необходимое значение тангажа. Уточните, сэр! Плииз.

— Вперед! — завопил сэр капитан, треснув кулаком по панели управления.— Сам не соображаешь, что ли!

— И незачем так стучать, сэр,— хладнокровно сказал Помощник.— Все равно уже ничего не получится: нас взяли на abordаж. А вопрос я задал из интереса, не более. Любопытно, знаете ли!

— Скотина ты после этого, а не помощник — горько произнес Иван, падая в кресло и доставая из-под него запасную фляжку с водкой.— Дерьмо вежливое, вот ты кто.

— Записано, сэр капитан,— промурлыкал Помощник.

В коридоре забухали сапоги, и пираты ворвались в рубку управления. Ворвались и столпились удивленно озираясь по сторонам: посмотреть было на что! Одних только пивных этикеток по стенам было наклеено немереное количество, не считая обязательных порнографических открыток и звездных карт.

— Ну, чего вам? — хмуро спросил Иван Кармиков, хотел было нервно смять флягу, но вовремя вспомнил, что она полная.— Ладно, поймали — так давайте не тяните! Какой вам карточный должок насчет первого встречного звездолета повесили, а?

Вперед выступил интеллигентного вида представительный мужчина в золотых очках и во всем остальном тоже недешевом: главарь, скорее всего. Или его заместитель.

— Достопочтимый сэр,— вежливо начал представительный (от «сэра» вздрогнули и Иван, и панель управления Помощника. Но оба по разным причинам),— сталося так, что именно вам предстоит решить одну научную проблему, разобраться с которой пожелал некий почтенный муж, с коим мы имели честь недавно общаться в казино неподалеку отсюда. Сразу отмечаю все возможные с вашей стороны ненужные вопросы по поводу того достойного человека, сэр.— Главарь-заместитель надменно вздернул подбородок.— Вас оно не касается.

— Не касается,— согласился Иван, прикидывая, что за туз сейчас будет разыгран. Вряд ли простой! Слишком уж вежливое и торжественное начало...

— Необходимо выяснить, куда в конечном итоге попадает весь мировой свет,— многозначительно изрек представительный в очках.— И попадает ли он на самом деле туда, куда он попадает? Короче: где находится конец света?

— Опаньки,— только и вымолвил Иван, отвинтил крышку запасной фляжки и приник к горлышку; пираты ждали, то и дело сухо сглатывая. онечно, Иван вел себя по-хамски, нехорошо себя вел, но плевать ему было на условности! В конце концов, не он их на abordаж взял, а они его. Перебьются!

— И как быстро надо это сделать? — поинтересовался Иван-капитан, баюкая ополовиненную фляжку в руках.— У меня фрахт, глюксометры на Даумею Три везу, а они нежные, могут испортиться!

— Фрахт официальный? — деловито спросил главарь-заместитель.

— Вот еще,— возмутился Иван.— Контрабанда, разумеется!

— Тогда все в порядке,— заверил его собеседник.— Доставку груза берем на себя, а положенные вам комиссионные переводим в Галактический Банк. На ваш расчетный счет, конечно.

— Хорошо,— воспрянув духом, ответил Иван.— Забирайте, а я...

— А вы, уважаемый сэр,— с нажимом сказал представительный,— сейчас же полетите выяснять, где находится конец света. И не вздумайте сбежать, милейший! Нашим информатором будет самый надежный источник, обмануть который вам не удастся. Попробуете с нами шутить — в порошок сотрем! Мучительно и насовсем.

— И кто этот стукач? — откровенно удивился Иван, потому что он и представить себе не мог такого типа, которого нельзя напоить и обмануть.— Кто?

— Ваш Помощник, сэр,— любезно сообщил главарь-заместитель.— Ведь так его зовут, да?

Иван, опешив, кивнул.

— Никакой фантазии,— усмехнулся представительный и махнул рукой: — Действуйте!

Немедленно в рубку, растолкав штурмовой отряд, ворвалась свора яйцеголовых в белых халатах: Иван едва успел поджать ноги, как те споро развинтили все панели Помощника и, потыкав в него паяльниками, тестерами, плоскогубцами и отвертками, тут же собрали все обратно.

— Честь имею.— Очкастый говорун, к которому Иван враз потерял всяческое мало-мальское уважение за его подлое вредительство, развернулся и вышел из рубки.— Забрать глюкометры и отшвартоваться,— гулким эхом донеслось издалека.— Быстро-быстро, скоты! Это ограбле... тьфу! Это приказ!

— Эй-эй! — всполошился Иван.— Вы ж мой расчетный счет не записали! — И кинулся догонять пиратов.

...Лететь было скучно. Помощник напрочь позабыл все свое англосакское высокомерие, да и русский язык заодно: говорил он теперь мяукающим голосом и произносил весьма удивительные птичьи слова, которых Иван ни хрена не понимал. Видимо, на нервной почве с Помощником случился электронный инсульт и он впал в свое китайское детство.

— Конец света, конец света,— бормотал себе под нос Иван, от помрачения чувств швыряя хлебными катышками в экран,— где ж его найдешь, тот конец света... Хотя бы подсказал кто! А то отправили неведомо куда: лети, мол, Иван, узнавай, не то приедем. А я что, научная экспедиция какая? — Иван с горя достал из-под пульта управления очередную запасную флягу, взялся было за крышечку, но тут Помощник предупреждающе зачирикал нерусским голосом.

— Чего? — Иван-капитан приник к экрану: неподалеку, впереди по курсу, маячил усталый путник в потрепанном скафандре, с котомкой на плече и с выдавшим виды реактивным посохом под мышкой. Маячил и интернациональным жестом просил подвезти его автостопом.

— Тормози! — приказал Иван. К счастью, спятивший Помощник четко понимал все его команды, чем здорово напоминал бессловесную дрессированную собаку. Что Ивана вполне устраивало.

Путник, отряхнув с ног звездную пыль, вплыл в гостеприимно открывшийся перед ним люк; через пару минут, постукивая посохом по палубным бронеплитам, неожиданный попутчик вошел в рубку управления. Помощник немедленно включил маршевые двигатели, и они полетели дальше. Куда — непонятно, но полетели.

— Здорово, дядька! — поприветствовал его Иван. Путник снял гермошлем, и Иван поправился: — Здорово, дед! Куда направляешься, старче?

Путник был в возрасте: седой, длиннородый с лукавым воровским взглядом... Хороший дед! Свой человек.

— А куды придется, сынок.— Дед сел в кресло второго пилота, неудобно поерзал, привстал и вытащил из-под себя одну из потерянных Иваном — невесть когда — запасных фляжек; Иван даже удивился, ну надо же! Сколько раз там сидел, а ничего и не заметил... Ох, непрост был дед, непрост! Иван его сразу зауважал. Настолько зауважал, что и жадничать не захотел.

— Свезло тебе, дед! Раз нашел фляжку, то пей сколько хочешь. Дарю! — Это был жест невероятнейшей доброй воли. Кто бы ляпнул Ивану раньше, что он на такое способен, не поверил бы и по шее накомстил врану. А тут нате, произнес и языком не подавился. Чудеса!

— Благодарствую.— Дед развязал котомку, достал нарезанного сальца, располовиненную луковку и краюху черного хлеба: в кабине остро запахло чем-то ностальгически-щемящим, то ли шашлычной, то ли дежурной забегаловкой.

Минуту посидели, прикладываясь к фляжкам; дед протянул закуску Ивану, тот не отказался, похрустел луковицей. Вскоре, как и положено, потекла неторопливая беседа двух бывалых путешественников.

— Слышь, дед,— сказал Иван.— Меня вот Иваном зовут. А ты кто?

— Жид,— представился дед.— Вечный Жид.

— Просто жид или жидомасон? — уточнил Иван: как человек исконно русский, он с определенным недоверием относился ко всем масонам — на всякий случай.

— Просто Жид,— успокоил капитана дед.— Это имя такое, своеобразное. А Вечный я потому, что бессмертный, так уж получилось.

— А-а,— протянул Иван,— это хорошо! Ты, поди, за свою жизнь много чего повидал, да?

Дед отнекиваться не стал. Тогда Иван предложил выпить еще чутков, они и выпили, а затем поведал Иван-капитан Вечному Жиду свою печальную историю: сначала о мизерных вознаграждениях за свой нелегкий и опасный труд поведал, о травмах производственных пожаловался, заодно и ногу отросшую предъявил; о жизненной своей

неустроенности тоже сказал... В общем, расположил к себе вечного странника, на жалость взял. Как и задумывалось.

А после Иван о главном заговорил. О пиратском тузе, на него повешенном. Все рассказал деду-всеведу, как на духу! И, разумеется, совета попросил — зря, что ли, водкой его поил? Дед это тоже понял, не дурак был.

— Слушай, сынок.— Вечный Жид порылся в котомке, достал из нее засаленную космическую карту.— Есть способ тебе помочь, есть! Я-то уже, почитай, всю Вселенную пешком обошел, за малым где не был... Вот тебе моя личная путеводная карта с природными каналами-гипершлюзами, . они крестиками помечены, видишь? — Дед потыкал пальцем в карту.— Никто тех каналов, кроме меня, не ведает: сам, сам их нашел! Теперь смотри— за звездой Бетельгейзе свернешь сюда, потом сюда, а здесь...— Вечный Жид подчеркнул ногтем,— здесь и найдешь то, что тебе нужно.

— Конец света, что ли, найду? — любопытствовал Иван Кармиков, разглядывая карту.

— Конец не конец, а что-нибудь да найдешь,— уклончиво ответил дед.— Место странное, непонятное, наверняка к твоему вопросу прикасаемо. Более ничего сказать не могу по умственной малограмотности, ты уж извини старого... О, сынок здесь останови.— Вечный Жид глянул на экран.— Как раз приехали! Ну, спасибо, дорогой.— Дед поспешил к выходу из звездолета, на ходу стараясь пристегнуть гермошлем, но ему мешала длинная борода.

— Эй, дед Жид! — крикнул ему в спину Иван.— А как же ты сам без карты?

— Обойдусь,— махнул рукой вечный дед,— голова мне на что? Все в ней, родимой.— Жид хлопнул дверцей люка и был таков.

Иван напоследок посмотрел, как бодро шагает в пустоте Вечный Жид, с кдтомкой на плече, с посохом под мышкой, с развевающейся на солнечном ветру бородой и с гермошлемом в руке — что ему станется, бессмертному-то! — и полетел дальше, искать конец света.

Сверясь с проложенным по карте маршрутом, добрался Иван до звезды Бетельгейзе, свернул в тайный канал-гипершлюз, выскочил неведомо где — там и звезд-то не было, сплошная темнота,— нашел на ощупь второй канал, загнал в него звездолет и... И прибыл куда-то, хрен его знает куда.

В зал какой-то прибыл.

Зал был необъятный: лепной потолок терялся в вышине, затянутый легким облачным маревом; ряды потолочных ламп напоминали малые солнца; ровный белоснежный пол тянулся вдаль и пропадал в том далеком далеке, даже горизонта не было видно. Звездолет оказался настолько мал по сравнению с залом, что Иван невольно втянул голову в плечи, ожидая, когда его прихлопнут тапкой вместе со звездолетом. Как наглого таракана.

Однако движения нигде не наблюдалось, и это обнадеживало.

Посидев минут пять и решив, что в таком месте можно обойтись без скафандра, Иван-капитан вооружился очередной запасной фляжкой, открыл люк и отправился на разведку: а что оставалось делать?

Разведывать особо ничего не пришлось — за кормой звездолета обнаружилось приличных размеров здание с внушительной мраморной вывеской над входом: «ИЧП Бундов: созидание, разрушение, прочее» и чуть ниже: «Не шуметь!»

Подивившись странной архитектуре — здание в здании, придумают же! — Иван Кармиков открыл дверь под вывеской и вошел в дом. С первого взгляда Иван понял, что попал куда надо: здесь, здесь сводились стрелки всего сущего! Потому что половину дома занимал здоровенный пульт управления со всякими самосветными диаграммами в окошках, разноцветными кнопками, ползунковыми регуляторами, стальными маховичками и прочей технической дребеденью. Надписи под диаграммами лишь подтверждали догадку Ивана — да взять хотя бы такие невразумительные, как «Время прямое-обратное-вывернутое», «Пространство обычное-свернутое-искривленное», «Пи-векторная рециркуляция ноосферы», — ясен пень, что к производству водки они никакого отношения не имели! То есть приборы были жутко умными и для пустого трогания пальцами не предназначены: Иван к тем кнопкам и прикасаться не стал. А решил Иван-капитан найти зрителя этого хозяйства и обо всем его самого порасспросить.

Зритель нашлся в соседней комнате, где он, зритель, бросив на произвол сложную технику управления мирозданием, самым наглым и бесстыдным образом дрых на казенном диванчике, лежа на боку и счастливо улыбаясь во сне. Как Иван ни старался — и окликал, и по щекам похлопывал, и горлышко открытой фляжки под нос зрителю подсовывал, — но разбудить его так и не смог.

— Видать, хорошо на грудь принял, — сообразил наконец Иван. — Ну, понять можно: один при такой скуотище! Только святой не запьет. — И, прихлебывая на ходу из фляжки, пошел разбираться самостоятельно, что к чему.

Собственно, особо разбираться не пришлось: все и так было понятно. Почти. Главное, как решил Иван, сводилось к равновесию всего сущего — света и тьмы, добра и зла, мужского и женского начала, силы и бессилия, и так далее, и тому подобное...

Со светом Иван тоже разобрался быстро: не было у света никакого конца! И начала тоже не было — звезды-солнца тот свет излучали, черные дыры тот свет поглощали и неведомым образом назад в солнца перекачивали. Всего-то! А шуму-то, шуму сколько из-за таких пустяков...

Иван даже вспомнил, что еще в школе об этом в одной умной книжке читал: «Круговорот света в природе» называлось. Или воды? За давностью лет припомнить верное название Иван не смог, да не очень-то оно ему и нужно было...

Правда, судя по диаграмме «Свет и Тьма: приход-расход», энергии солнцами-звездами излучалось все же чуть больше, чем поглощалось дырами, то есть впустую народный свет расходовался, не по-хозяйски! Хоть немного, но впустую. Эх, недоглядел смотритель, проспал... Поцокнал Иван языком озабоченно, но всерьез будить парня не решился: тот с бодуна такого мог здесь понаворочать, что после ни одна ремонтная бригада не восстановила бы! Подкрутил самостоятельно нужный маховичок, посмотрел на диаграмму, кивнул удовлетворенно: даже лучше получилось, чем предполагал,— здравая экономия во вселенском масштабе вышла. Полезная.

Сходил Иван в соседнюю комнату, положил возле смотрителя запасную флягу, почти полную,— проснется человек, то-то радости будет! — сел в звездолет и полетел к карточным пиратам на доклад: туз отработан, гуляй, братва, смело! «Заодно и о своих комиссионных узнаю» — так думал Иван-капитан, минуя последний канал-гипершлюз и потягивая водку из запасной фляжки, черт ее знает которой по счету...

И не заметил Иван, как растаяла в его кармане засаленная звездная карта. А и заметил бы, не огорчился — и пострашнее глюки за свою жизнь видел!

Вечный Жид —вернее, тот, кто назвался так при встрече с Иваном,— сидел на гладкой поверхности черной дыры, задумчиво глядя на далекие звезды. Сидел терпеливо, положив на колени посох, без шлема, с отвращением жуя постылый хлебушек с луком. В какой-то момент звезды моргнули и заметно потускнели. Тот Кто Назвался кивнул доволью:

— Молодец, Иван-капитан! Я в тебе не ошибся,— и мелко захихикал.— Пираты бы не потянули, слишком глупы, а ты молодец! Хотя дурак тоже. Что, Буддов, выкусил? Тоже мне: никак нельзя, запрещаю изменять, не войдешь в пультовую... конец всей жизни везде и навсегда, эхма... Можно! При грамотном подходе все можно, даже то, чего никак нельзя... Ну-с, наконец-то мои славные, мои деликатесные сурсики перестанутдохнуть от светового обжорства.— Тот Кто Назвался встал и крепко стукнул посохом в черную поверхность: — Говорю вам, живущим во всех дырах черных: эй, вы, сурсики, не теряйте время даром — плодитесь и размножайтесь! На радость мне, лично,— сел на реактивный посох и улетел по своим делам прочь: надо было подождать, пока те сурсики вес нагуляют.

ХРАНИТЕЛЬ

Иван Сергеевич сидел почти голый в своем любимом кресле, лениво попивая холодную дорогую водочку «Абсолют», и осоловело смотрел мультики Диснея по видику, когда к нему в дверь постучал Хранитель. Требовательно постучал, по-милицейски громко. Ногой. Только поэтому Иван Сергеевич и пошел открывать. Иначе — ни в коем случае. Никогда и ни за что. Потому как все дела на сегодня были отменены, сотовый телефон вместе с пейджером засунуты под подушку, obsлyга отпущена, телохранителям дан выходной.

Сегодня Иван Сергеевич отдыхал. Отдыхал просто, без выкрутасов — тихо надирался под телевизионные мявы и бубухи. По-английски надирался, в одиночку. В этом, как считал Иван Сергеевич, был свой особый кайф, тонкое очищение души водкой. Алкогольный катарсис, стало быть. Можно, дойдя до кондиции, поорать матерно, можно поплакать и повыть, можно голым по квартире побегать или чего другое смешное учудить — ни одна сволочь и слова не скажет. И это очень хорошо. Никто и никогда не должен был видеть Ивана Сергеевича расслабленным, мягким и тем более непозволительно пьяным. Потому что работал товарищ Смагин местным «крестным отцом». Вернее, даже не «отцом», это слишком громко, а скорее «папиком» — так его за глаза и называли им опекаемые. Иван Сергеевич, конечно, знал о своей кличке, но только добродушно посмеивался — пусть себе! Слава богу, хоть не «мамиком» кличут.

Дело, которое он крепко держал в руках, приносило ему немалый доход, хотя большая часть денег, само собой, уходила «наверх». Но Смагин по этому поводу не переживал и комплексами не страдал. Лично ему на жизнь вполне хватало. Скажем прямо — на хорошую безбедную жизнь. И вообще Иван Сергеевич никогда никому ничего плохого не делал, был человеком добрым и незлобивым. Если когда кого и убивал, то только лишь в состоянии сильного душевного волнения или по служебной необходимости. Именно из-за его миролюбивого характера и деловых качеств его все и уважали — и опекаемые, и вышестоящие. С некоторыми из них Смагин даже дружил, если они вписывались в народную поговорку: «Дружба — дружбой, а денежки — врозь».

Женат Иван Сергеевич никогда не был. Возможно, именно благодаря этому он сохранил здоровый оптимизм, веру в личное светлое будущее и крепкое здоровье. И заодно массу вредных холостяцких привычек. Но, разумеется, женщины в его жизни были. Однако ни одна из них даже не подозревала, что Иван Сергеевич имеет такой странный нерусский порок

— раз в месяц лечить свою душу немереным количеством водки и полным одиночеством. Под детские мультфильмы.

Все — и две горничные, и телохранители, и приходящие подруги — считали, что в такой особый день Иван Сергеевич медитирует среди свечей и курительных палочек, общаясь с Богом. Отчасти они были правы. Но только отчасти. Короче говоря, в день «медитаций» никто не смел беспокоить уединение и покой Смагина.

Иван Сергеевич прервал процесс катарсиса, решив, что случилось что-то из ряда вон выходящее, и открыл бронированную дверь. Даже в глазок не взглянул. Да и кого ему было бояться?

На пороге, приложив мятую фетровую шляпу к груди, стоял грустный тщедушный человечек — остролицый, худососый, в засаленном кофейного цвета костюмчике на голое тело. Босой. Пыльный уличный ветер взбил волосы гостя в грязный петушиный гребешок.

— Кто стучал? — грозно спросил Иван Сергеевич поверх головы человечка, обводя налитыми кровью глазами пустую жаркую улицу; воробы от его взгляда горохом попадали с веток акаций и улетели прочь из города.

— Я, извините,— пискнул гость в волосатую грудь Смагина,— шел, понимаете, вижу — у вас вакансия. Дай, думаю, попробую. Авось...

Смагин посмотрел вниз и наткнулся на добрый, лучистый взор Хранителя.

— Ты кто? — сипло спросил Иван Сергеевич, мысленно прикидывая, что сделать с нахалом — просто дать пинка и прогнать или сначала все же убить.

— Я — ангел-хранитель,— торопливо представился человечек,—зовут Сема, временно безработный. Я, понимаете, шел мимо, а у вас...

— Так. Ангел. Понятно. Пшел отсюда,— отрывисто приказал Смагин и стал закрывать дверь.

Сема испуганно ухватился лапкой за холодную створку и, придерживая ее двумя пальчиками, затараторил:

— Здесь какая-то ошибка. Вы меня не поняли! Я — настоящий ангел. Охраняю заблудших, оступившихся. Всех охраняю! Тех, кто захочет, тех и охраняю. Я — Хранитель шестого класса. Не ахти что, но вы меня понимаете?

Иван Сергеевич, порывкая невнятное, в это время изо всех сил тянул на себя стальную плиту двери. Бицепсы у него вздулись, на лбу выступил пот, но проклятая железка с места не сдвигалась.

— Ах, извините,— спохватился Хранитель и отпустил створку. Дверь встала на место с динамитным грохотом, штукатурка вокруг сварного косяка лавиной осыпалась на землю.

Иван Сергеевич грузно упал на пятую точку и проехал задом наперед метр с лишним по скользкому паркету прихожей, слегка оглушенный акустическим ударом.

— Я тебя, мать твою,— заорал он, медленно поднимаясь с пола.— Иди сюда, ублюдок недомерочный! Сейчас бить тебя буду, и очень больно!

— Всегда к вашим услугам! — В прихожую, прямо сквозь дверь, мелко семеня и светясь улыбкой, вбежал радостный ангел Сема.— Сколько душе угодно. Бейте меня, бейте! Ломайте! Крушите и убивайте. Только на работу возьмите, ладно?

Смагин тупо посмотрел на запертую изнутри входную дверь дома, на человечка возле себя, полошадиному помотал головой. После чего встал, деловито подтянул трусы и принялся со знанием дела выполнять предложенную гостем программу. То есть бить его, ломать, крушить и убивать. На все про все Ивану Сергеевичу потребовалось ровно двенадцать секунд. Как говорится, не успела спичка догореть. Плюнув на то, что осталось от бестолкового гражданина Семена, Смагин пошел за телефоном, вызвать людей по «спецуборке». Заодно надо было еще обмозговать, куда девать труп. Возможно, как обычно — на городскую свалку или в какой дальний канализационный люк. Куда-нибудь.

— А я живой,— мягко сказали за спиной Смагина,— можете пощупать.

Иван Сергеевич на миг застыл, дернул щекой и пошел дальше.

— Галлюцинация,— сказал он сам себе,— я свой удар знаю.

Внезапно откуда-то сбоку вынырнул Сема, целый и невредимый. Он резво обогнул отшатнувшегося папика и юркнул поперед него в холл. Когда озадаченный Смагин вошел следом за ним в комнату, первым делом он увидел Хранителя: сладко улыбаясь, Сема призывно протягивал к нему руки.

В одной из них был зажат сотовый телефон, в другой — граненый стакан, доверху полный водки.

— Вот, возьмите. Вы же позвонить хотели, да? Но сначала давайте выпьем за наше знакомство. И за мое чудесное воскрешение. Будьте любезны! Иван Сергеевич, от неожиданности став по стойке «смирно», автоматически взял протянутый стакан. Не отводя взгляда от целенького, без царапинки ангела шестого класса, Смагин залпом осушил емкость. После чего лукаво погрозил Семе пальцем и упал в обморок. Плашмя упал, по стойке «смирно».

— Экие мы нервные,— вздохнул Хранитель, встал на колени и принялся приводить папика в чувство, ласково похлопывая его по толстым щекам.

Через десять минут слегка помятый Иван Сергеевич полулежал в кресле, уронив руки за подлокотники, и, закатив глаза, вполслуха внимал Семену. Изредка Смагин все еще нервно вздрагивал всем своим крупным телом. Сема, по-турецки сидя рядом на журнальном столике, заливался соловьем, то и дело жадно прикладываясь к бутылке с «Абсолютом».

— Ангелы-хранители есть не у всех. Не-ет, не каждому дано такое счастье! Только у избранного есть свой Хранитель соответствующего ранга и класса, который помогает ему в сей юдоли слез и страданий, на тернистом пути грешной земной жизни. Направляет, так сказать, и

облегчает жестокие удары слепой судьбы, кои неминуемо оставляют незаживаемые раны в эфирной материи душевной субстанции столь хрупкого создания, коим имеет быть человеческое существо, кое...

Иван Сергеевич гулко сглотнул, ткнул рукой в сторону столика.

— Ангел хренов,—пробулькала Смагин,—где твои крылья?

— Ась? — переспросил Сема, отставляя бутылку в сторону.

— Крылья где? — Смагин вяло взмахнул руками.— Махалки заплечные. И нимб — где?

В голове у Ивана Сергеевича наконец прояснилось, и он почувствовал себя несколько неуютно. А еще почувствовал Смагин, что происходит какая-то лабуда. Но в чем кроется подвох, пока не понял.

— Крылья?

Хранитель неловко слез со столика, молитвенно сложил руки у груди, возвел очи горе и придал лицу постное выражение. На миг Семину фигуру заволокло туманом; тусклое золотое сияние озарило комнату — перед Иваном Сергеевичем стоял ангел. Самый настоящий ангел с крыльями, нимбом, в белом просторном хитоне, с густо наложенной на лицо золотой пудрой. Правда, хитон был несколько несвеж, крылья в пятнах сажи и растрепаны, а нимб висел криво,, залезая на левое ухо. Одно слово — шестой класс, он и на небесах шестой.

— Ну как? —осторожно осведомился Сема, косясь на папика подведенными сурьмой глазами.— Убедил?

— Убедил,— кивнул Смагин,— впечатляет. Только краску с морды сотри, а то на гомика смахиваешь.

Сема послушно обтер лицо полой хитона, отчего хитон нарядней не стал.

— Ладно,— вздохнул Иван Сергеевич,— хватит здесь вместо лампочки сиять. Переодевайся взад и садись на стул. Я вот только штаны надену, а после потолкуем. Такое просто необходимо отметить! Выпьем, ангел, черт возьми!

Первые четыре рюмки Смагин употребил подряд и быстро, ощущая странное, почти физическое удовольствие от вкуса водки. Впрочем, эти чувства он приписал своим расстроеным нервам;

Сема не отставал, но пил спиртное как воду, стаканами, громко причмокивая и постанывая от наслаждения. Словно только из пустыни выполз.

— А теперь, Сема,— Иван Сергеевич отодвинул рюмку, вкусно закусил сыром и закурил,— давай по порядку. Кто ты такой есть и почему ко мне привязался? Что ты ангел, это я понял, можешь больше не фокусничать. Но твой вид! Но этот ужасный костюмчик, водка стаканами... как это понимать? Может, ты падший ангел?

— Не смей про меня так говорить! — взвизгнул Сема, давясь и брызгаясь водкой.— Падший ангел, он навсегда падший! А я как-никак шестого класса, с.перспективой архивного восстановления. В конце концов, у меня действующая лицензия!

— Ясно,— кивнул Смагин, хотя ничего не понял,— продолжай.

Хранитель не торопясь допил, со второй попытки надел стакан на горлышко пустой бутылки и, глядя поверх стакана, горестно задумался, раскачиваясь на стуле.

— М-да,— сказал бутылке Сема,— такие вот дела.— И замолк.

— Ты не увиливай! — возмутился Иван Сергеевич.— Давай дело говори. Водку жрать да рожу лица пудрить каждый дурак умеет. Хочу историю послушать!

Ангел поднял на Смагина взгляд. Добрый, ласковый, полный муки и слез. И папик внезапно понял, что Сема пьян в доску. Вдрабадан. Как поп на Пасху.

—Эк тебя,—удивился Смагин.—Ты хоть поешь немного.— И протянул ангелу сыр на вилке.

— История! — Сема выпрямился и хотел властно оттолкнуть вилку, но промахнулся: пустая бутылка вместе со стаканом от удара упали под стол.— История! — кисло повторил Сема и саркастически усмехнулся.— Какая там, блин, история... Интр-риганы! Везде вр-раги.— Он заскрипел зубами.— Я, браток, был когда-то архангелом первого ранга с двойным нимбом, отцом-основателем Ордена фиолетового пера, приближенным к подножию Его трона, м-да-а... И вот,— Сема широко развел руками,— шестой разряд. Дальше некуда.

— Да уж,— сочувственно кивнул растроганный Смагин,— фиолетовое перо — это конечно. Это потеря.

— Ну и миртовую ветку им в зад! — вдруг развеселился Сема.— Подумаешь! Зато я теперь сам по себе, ни перед кем не отчитываюсь. Мы, браток, которые шестого класса,— костяк и основа всего сущего. На нас ваши судьбы держатся, только на нас. Кого больше всего на свете? Кого Бог более всего любит? Правильно. Он любит простых людей, а более всего пьяниц да дураков. Ибо они самые беззащитные и безответные. И именно к ним приставляют ангелов-хранителей в первую очередь, которые...— Сема неожиданно икнул.— Минуточку,— Хранитель сграбастал остатки сыра с тарелки и сунул их разом в рот,— закушусь...

— Рубай, паря, рубай.— Иван Сергеевич достал еще одну бутылку «Абсолюта» из холодильника, споро нарезал хлебца, полукопченой колбасы, брынзы.— Видать, крепко тебя жизнь потрепала. Ишь как с голодухи закосел-то!

Сема согласно кивнул. И, кренясь набок, потянулся к бутылке.

— Э-э, так не годится,— папик снял тяжелый пузырь со стола и поставил его на пол, за свое кресло,— сначала поешь. Кстати, что ты там бормотал насчет вакансий? Мол, место у меня свободное да чтобы я взял тебя на работу. Вроде бы я никакого объявления на дверь не вешал. И, кстати, у меня свой ангел есть или как?

— Или как.— Сема старательно слепил себе десяток корявых бутербродов и теперь лопал их почти не жуя, в промежутках между глотками косноязычно просвещая Смагина.— Нету у тебя ангела. Был да

сплыл. Ты, видно, совсем плохой человек, раз от тебя Хранителя отозвали. А у тех, у кого ангела нет, над головой .черный столб стоит. Мне объяснили когда-то, что это значит по-научному, да я теперь не помню. Ведаю одно, что через такой столб от человека жизненная сила уходит. Потихоньку, полегоньку, очень незаметно уходит. Испаряется. Иногда десятилетиями... но испаряется. Это ежели столб короткий. А у тебя, между прочим, такой столб! Ого-го столбяр. До облаков.

— Что же такое получается,— холодея, пробормотал Иван Сергеевич,— значит, я почти покойник? Так, да?

Сема согласно угукнул, старательно прожевывая колбасные шкурки.

— И много нас таких... со столбярками? — еле шевеля языком, пролепетал папик.— В городе нашем есть еще такие? Сколько их?

— Не очень много.— Хранитель облизал пальцы и вытер их о пиджак.— Совсем чуток. Ты один.

— Мать моя,— убито сказал Смагин, на ощупь достал бутылку из-за кресла и щедро налил себе в бокал.

— А мне? — заканючил Сема, деликатно подталкивая кулачком свой стакан поближе к папику.

— Значит, умру я скоро? — Папик проигнорировал намек, погруженный в невеселые смертные думы,— Испарюсь на фиг. Был Смагин — и нету. Оби-и-дно!

— Зачем «испарюсь»? — неподдельно удивился ангел.— А я на что? У тебя вакансия, у меня — крайняя необходимость трудоустроиться.

— Что? — вскинулся Иван Сергеевич, вмиг просветлев лицом.— А и то верно. Ой как верно! Ты — мне, я — тебе. Все правильно! Ты мне, значит, жизнь... А я тебе? Какой твой интерес?

Сема настойчиво пододвинул стакан. Папик налил не скупясь, с горкой накатил.

— Если я не буду работать,— Хранитель одним мощным глотком уронил в себя пахучую жидкость, промокнул губы рукавом,— меня вычеркнут в падшие ангелы. Вот так.— Он рассеянно высморкался на пол, растер соплю босой ногой.

— Хм,— Смагин сделал вид, что ничего не заметил,— а что твой бывший... э-э... опекаемый? -

— Помер,— равнодушно ответил Сема,— Самоубийство. Назло мне специально выпил пузырек дихлорэтана. Теперь вот, если в течение сорока дней не пристроюсь к кому-нибудь, то мне конец. Полный как с помрачением нимба, навсегда и во веки веков. Аминь.— Сема с трудом перекрестился, уронил голову на грудь и затих.

Иван Сергеевич взял Сему за шиворот и легонько потрусил его вверх-вниз: Сема запрыгал на стуле как поплавок.

— Па-апрошу не отключаться, пока мы не решили главный вопрос моей жизни! — Папик постукал ангела по голове вилкой.— Немедленно включись, кому говорю.

— Разумеется.— Сема, не открывая глаз, вытащил из внутреннего нагрудного кармана сложенный вчетверо листок бумаги и сунул его в пупок Смагину: — Ознакомься и распишись. На предмет сотрудничества,— после чего сложился пополам и упал со стула.

— Ишь ты, святой дух, а нажрался как грузчик,— метко заметил Иван Сергеевич, разворачивая пергаментно плотную бумагу.

То, что документ был нечеловеческого происхождения, Смагин понял с первого взгляда. Золотые буквы текста висели над бумагой; под текстом, в глубине листа, на бархатно-черном фоне плыли объемные разноцветные звезды и блеклые туманности. Сам договор в общем-то был совершенно стандартным, выдержанным в классически бюрократическом стиле. Там и сям мелькали набившие Смагину оскмину канцелярские перлы типа: «мы, нижеподписавшиеся», «вышеуказанная сторона», «заказчик», «исполнитель». Иван Сергеевич внимательно прочитал документ. Смысл написанного сводился к тому, что Хранитель шестого класса берет на себя обязательство охранять заказчика всю его, заказчиковую, жизнь от случайных увечий, травм, неплановых смертей и беременностей в меру своей профессиональной ориентации и умения. Заказчик в свою очередь обещает не чинить Хранителю препятствий в его спасительной деятельности. В самом низу текста мелким шрифтом было допечатано примечание, где мимоходом отмечалось, что в случае неразрешимой конфликтной ситуации между заказчиком и исполнителем возможен пересмотр договора в вышестоящей инстанции с автоматической заменой Хранителя на другого, не меньшей категории.

Договор Смагину очень понравился. Хороший был договор, надежный. Самое главное в нем было то, что от него, от папика, ничего особо и не требовалось. Живи себе и в ус не дуй. Иван Сергеевич взял шариковую ручку и размашисто расписался под текстом, перечеркнув своей подписью пару звезд и одну крабовидную туманность. Буквы подписи сразу налились золотом, воспарили над бумагой: договор приобрел силу и... растаял в руках папика.

— Подписал? — Сема чертиком выскочил из под стола, ошалело заплясал на месте, дробно отстукивая пятками морзянку: — Вот заживем теперь!

— Да ты, мерзавец, никак трезвый? — удивился Смагин.— Притворялся, что ли?

— Ни в коем разе,— замотал головой Сема.— Все в натуре было! Просто теперь меня никакая спиртяга брать не будет, коли я официально стал на работу,— не положено! Я же за алкоголиками приглядываю,— виновато закончил он.

— Как это? — озадачился папик.— Но я ведь не алкаш.

— Будешь,— радостно успокоил его ангел,— я тебе помогу. Мой профиль — обслуживать только горьких пьяниц и конченных алкоголиков. Иначе у нас с тобой ничего не выйдет, останешься без моей охраны и со своим черным столбом. Хочешь со столбом?

— Не хочу,— уныло ответил Смагин,— и водку ведрами пить не хочу.
— Захочешь,— уверенно пообещал Сема,— ох как еще захочешь...

* * *

Прошел год. Нет, пролетел — шумно, бестолково и ужасно быстро, как веселый пьяный мойщик окон с десятого этажа. Иван Сергеевич и не заметил смены времен года, да и до того ли ему было! Ох не до того...

Смагин изо дня в день сражался за свою жизнь, за свое право на существование — он пил водку, пил отчаянно и много. Архимного. Потому как ежели Иван Сергеевич хоть день был ненажратый, то Хранитель Сема вроде бы как оказывался не у дел. И в такие дни с Иваном Сергеевичем происходили некоторые неприятности. Не смертельные, нет — тут ангел Сема был на высоте,— но мерзкие и досадные. В один из таких дней Иван Сергеевич неожиданно узнал, что им «наверху» весьма не довольны и он, как бы это помягче сказать, теперь несколько понижен в должности. Говоря казенным языком — наказан в дисциплинарном порядке за развал работы и срыв регулярных платежей. Но Смагин только горько усмехнулся в ответ на это сообщение. Последнее время его волновало совсем другое: его волновал только Сема. Вернее, присутствие Хранителя при Иване Сергеевиче. А точнее, непростой, тяжелый вопрос: как жить дальше?

И вот ведь какая гадкая получалась закавыка: если Смагин, устав от беспробудного пьянства, вдруг бросит пить, то, значит, Сема не сможет выполнять свою работу — быть ангелом-хранителем при пьянице. И тогда его, Сему, могут отозвать, и останется трезвый Иван Сергеевич один на один со своим черным столбом и недовольным начальством. А если пить так и дальше, как требовал от него Сема, то на хрена, скажите, пожалуйста, такая жизнь нужна? Проснулся — надрался— уснул? Никакой романтики.

Пока Иван Сергеевич мучился шекспировскими страстями — «Пить или не пить? Вот в чем вопрос...»,— жизнь шла своим чередом. Летом Смагина известили, что он... э-э... уволен. Выброшен из дела раз и навсегда. Хорошо хоть не убрали вовсе — у братвы эти вопросы решаются просто. Видимо, «наверху» посчитали, что нынешний Иван Сергеевич, алкоголик и бездельник, опасности для бывших партнеров не представляет. А может, что и другое решили, но Сема надежно прикрывал своего подопечного.

В начале осени у Смагина сгорел дом. Сгорел дотла, вместе с бронированной дверью и кроватью, в которой Иван Сергеевич в пьяном, естественно, виде курил на сон грядущий. Кровать была единственным предметом, который имелся в пустом доме, все остальное было давно продано и пропито. А теперь не стало и кровати. И дома тоже не стало. Это было очень обидно, тем более что Смагин собирался пустить к себе на постой квартирантов и жить дальше на вырученные от аренды деньги. Вернее — пить. Или, на худой конец, продать дом. Увы, и еще раз увy, мечты и планы Ивана Сергеевича рассыпались горячим пеплом. Одно хорошо — сам Иван Сергеевич в пожаре совершенно не пострадал. Даже не обжегся!

И пришлось Смагину в конце концов устраиваться на работу. Очень унижительную для человека его запросов и бывших возможностей работу — истопником в лицей. С испытательным сроком в два месяца. И это было хорошо — хорошо, что вообще взяли! Потому как слава у Смагина — бывшего папика, бывшего крутого, бывшего денежного — была худая. Неважная нынче слава была: слава городского сумасшедшего. Полного придурка и дебила. А все потому, что Иван Сергеевич не стеснялся прилюдно поносить ангела Сему за его сволочную специализацию — помощь исключительно пьяницам. И спорить с Хранителем прилюдно не стеснялся. А так как Сему видел лишь он один, то... в общем, люди косо смотрели на Ивана Сергеевича, считая его инвалидом рэкетирского труда. Человеком с пулей во лбу.

Директор элитарного лицей был одним из прежних «опекаемых» Ивана Сергеевича и взял Смагина на черновую работу скорее всего не из жалости, а из глубокого, неподдельного чувства злорадства. И по-человечески его можно было понять: приятно, елки-палки, когда тот, кто годами верховодил над тобой, вдруг оказался на дне, да еще в твоём полном подчинении! Вернее, не на дне, а в подвале, в бойлерной, среди угля. Впрочем, какая разница! Главное — что в подчинении. В шестерках. И Иван Сергеевич за два месяца всласть хлебнул этого подчинения.

Огонь гудел в чугунной утробе водогрейной печи. Подвальный сумрак черным сырým туманом висел по мокрому углам, таился за коробами с углем. Голая лампочка одиноко мерзла под цементным потолком, тускло освещая саму себя. Бойница уличного окошка была забита снегом, на улице мела пурга. Смагин сидел на табурете возле огненной пасти печи — здесь было теплее — и старательно пытался налить портвейн в щербатый стакан. Стакан и горлышко бутылки совмещались через раз, гуляя по сложным и непонятным траекториям; ватные брюки на коленях были уже мокрыми от пролитого вина.

— Твою мать! — раздраженно сказал Смагин и, швырнув стакан в стену, выпил остатки вина из горлышка. Сразу стало как-то легче и теплее. И лампочка вроде бы засветилась чуть ярче — в подвале заметно посветлело. Но это была не лампочка.

— А, явился,— неприятным голосом проскрипел Иван Сергеевич, глядя на Сему, вышедшего откуда-то из стены,— давненько тебя что-то не было. Может, еще кого охраняешь? На полставки. Бла-а-агодетель! — Смагин икнул и зло плюнул под ноги ангелу. Сема — впрочем, он давно уже требовал, чтобы Иван величал его Семеном Григорьевичем, но Смагин игнорировал это заявление — брезгливо повел плечом, отстраненно посмотрел на Ивана Сергеевича и скривил рот в кислой улыбке.

Выглядел Сема в подвальной грязи совершенно неуместно. Можно сказать, нелепо: очень чистенький, очень опрятный, упакованный в богатые, явно новые ангельские шмотки — он светился ровным золотым светом. Как новогодний елочный апельсин с подсветкой. Да и ростом Семен Григорьевич вроде как стал повыше. И лицо свежее — щеки

Хранителя были тщательно припудрены золотой пылью. Белоснежные крылья, перышко к перышку, беззвучно сложились за его спиной. Идеально ровно посаженный нимб мягко сиял над Семиной макушкой пригашенным солнечным светом.

— Ты... ты чего это такой? — с подозрением рассматривая ангела, хрипло спросил Смагин. — Праздник какой, что ли? Божеский.

— Я давно такой, — сквозь зубы процедил Сема, с неприязнью глядя на Ивана Сергеевича. — Ты просто не обращал на мою внешность внимания. Конечно! Нахрется, понимаешь ли, с утра, глаза водкой зальет — и вся ему радость. До ангелов ли тут! А я его охраняй, доглядывай. Заботься! Тьфу, зараза.

— Э, э, постой, — ошарашенно уставился Смагин на Хранителя и даже привстал с табурета. — Ты чего несешь? Сдурел, что ли? Я же... У нас ведь договор... Ты же по пьяницам специалист!

— Ну и что, — фыркнул Сема, небрежно стряхивая пальчиком с плеча невидимую соринку. — Ну специалист. Но любить вас, алкашей, не обязан. Да-с. Мало, что ль, вас под моей опекой было! Все равно одним заканчиваете... — Ангел с отвращением повел вокруг себя рукой. — До чего докатился, подумать только! Истопник. Угольщик. Р-рванина! — Сема топнул ногой. — Осточертел ты мне. Видеть тебя не хочу.

— Погоди-ка, — закипая, тяжело встал Смагин, отпихнул ногой табурет. — Ты, значит, сделал меня таким, а теперь — ага! Через губу со мной разговариваешь, нос воротишь. Брезгуешь, да?

— Целоваться мне с тобой, что ли? — огрызнулся Сема, без видимой причины отряхивая хитон. — Того и гляди перепачкаюсь тут у тебя, как крот...

— А с чего это ты вдруг такой знатный стал?! — заорал наливаясь кровью, Иван Сергеевич. — С каких хренов ты такой чистый да гладкий стал, а? Да ты же сожрал меня, сволочь! Ты же мной, моим достатком и моей жизнью, все время питался, гад. Как же я не раскусил тебя сразу?! — Смагин хлопнул себя по ляжкам, истерично захохотал. — Нет, вы только посмотрите на него! Все, все высосал из меня, жизнь мою у меня украл. Ах ты вампир... — Иван Сергеевич качнулся вперед, хватко сжал руки на чистенькой золотистой шее и грузно упал на угольную кучу: пальцы его схватили лишь воздух.

— Ваши обвинения абсолютно безосновательны, — почему-то переходя на официальный тон, сурово молвил Сема, рассеянно почесывая шею. — Кроме того — бездоказательны. И оскорбительны. Мне горько слышать такие унижающие мою честь и достоинство слова от существа, ныне недостойного называться высоким званием творения Божьего.

— Ты Бога сюда не привинчивай, — прохрипел Смагин, с трудом становясь на колени, — он не фраер, он — всеведущий! Я тебя не достану — Бог накажет.

— М-да, — сказал Семен Григорьевич, равнодушно разглядывая потеки на потолке, — накажет. Эт точно... А между прочим, для вашего сведения,

мне давно предлагали перейти в первую лигу с повышением до второго класса. С архивным восстановлением. А я отказался. Из-за порядочности своей отказался. Чтобы за вами доглядывать.

— Что?! — страшно завыл Смагин, обхватив голову руками и раскачиваясь, словно в трансе.— Что ты украл у меня? Чем ты заплатил за свое проклятое восстановление? Моей душой?

— Фи,— ехидно усмехнулся Хранитель,— красть души — это не по моей части,— но, однако, потупился. И лицо в сторону отвернул.

— Что охраняем, то имеем,— шепотом, холодея от своих слов, сказал Смагин,— а охранял ты мою душу...

— Какая душа! — чересчур поспешно возмущился Сема.— Вы о чем? Вы хоть эту душу видели? Щупали ее? Да не брал я у вас ничего, больно надо. Сначала сами определитесь со своей душой — есть она у вас, или ее вообще никогда не было, а потом обвиняйте. Тоже мне прокурор нашелся.

— Падаль ты,— устало сказал Иван Сергеевич, становясь на ноги.— Крыса. Не нужен ты мне. Убирайся. Я от тебя отрекаюсь.

— Эй-эй, минутку,— заволновался Сема,— так нельзя. Вы же своими необдуманными словами можете наш контракт разорвать! Не нравлюсь я вам — ладно, бывает. Сейчас переоформим договор и разойдемся чинно-благородно. Как говорится — я вас больше не знаю, а вы меня.

— Э, да ты боишься,— удивился Смагин, даже лицом посветлел,— боишься, гнида,— и захихикал, грозя ангелу кулаком.

— Я не за себя боюсь,— быстро затараторил Сема, нервно округляя глаза,— я за вас опасаюсь. Я уйду — другой придет, согласно договору. И кто знает, чем это все закончится!

— Боишься,— убежденно повторил Иван Сергеевич, не слушая Хранителя.— Небось за то, что со своими обязанностями не справился, по головке-то не погладят. И, стало быть, тю-тю архивное восстановление, ведь верно? Ха! Отр-екаюсь, и баста!

— Не смейте! — испуганно взвизгнул Сема.— Не см...— И пропал. В подвале сразу стало темно и скучно.

— Прищучил гада,— удовлетворенно пробормотал Смагин, широко улыбаясь чему-то своему, тайному,— надеюсь, я ему крылышки серьезно прищемил...

И тут Смагина вывернуло, выплеснуло прямо на табурет — вином и желчью. Рвало страшно, словно выливалось из Ивана Сергеевича все выпитое им за прошедшие времена, вся та пакость, которой он травил себя, изо дня в день травил. Минут через пять отпустило: Смагин наконец сумел спокойно вздохнуть.

— Ни капли,— невнятно пробормотал он, утирая рот рукавом ватника.— Никогда! Ни...

Ровное серебристое сияние всполохом залило подвал.

— Что? — встревоженно завертел головой Иван Сергеевич.— Опять?!

— Не волнуйтесь,— чистый нежный голос колокольчиком прозвенел в промозглом воздухе подвала,— это я, ваш новый ангел-хранитель.

И перед Смагиным в облаке искристых звездочек возникла девушка. Разумеется, ангел. Разумеется, прекрасная. Большого Иван Сергеевич определить не смог — у него зарябило в глазах от частого мельтешения искр.

— Меня зовут Леля,— мягко проворковала Хранитель,— и у вас со мной не будет никаких проблем. К счастью, я специализируюсь не по алкоголикам.—Леля, воздушно и беспечно ступая по заблеванному полу — она даже не поморщилась! — подошла-подплыла к Смагину и ласково погладила его теплой ладонью по чумазой, колкой щеке.— Глупенький, ах какой ты глупенький! И зачем тебе нужен был этот ужасный Сема, не понимаю. Но ничего, Леля теперь рядом, Леля присмотрит за тобой,— Хранитель сладко поцеловала Смагина в лоб.— Ты будешь мною доволен. Всегда— доволен. И все будет хорошо. Всегда —хорошо...

И Иван Сергеевич внезапно почувствовал — да. Теперь все будет хорошо. Теперь — хорошо... Хоро...

Медленно-медленно Смагин опустился на колени, медленно-медленно огляделся по сторонам остывшим взглядом.

— Ту-ту,— сказал Иван Сергеевич, с любопытством коснувшись пальцем пустой бутылки из-под портвейна,— палавозик. Ту-у-у! — И, пыхтя и пуская от усердия из носа сопливые пузыри, завозил бутылкой по скользкому полу.— Чух-чух. Чух!

— Ай умница! — восторженно всплеснула руками Леля.— Какой у нас славный дурачок получился. Чудненький малыш! Прелесть.

Смагин тихо захныкал.

— Ну вот,— озаботилась Лелечка,— надо же, мы описались, ай-ай! Ну ничего, ничего. Тетя Леля для того здесь и находится, чтобы Ванечку от неприятностей охранять, за милым Ванечкой присматривать. Тетя Леля Ванечку любит, очень любит. И будет любить. Всегда. До самого конца.

Но Ванечка не слушал добрую тетю Лелю — он увлеченно игрался в паровозик.

В стеклянный.

ШАБАШКА

Вид у профессора был академически стандартный: бородка, очки, лысина, пухлый живот и тапочки с махровым халатом.

— Вы профессор Штейдер? — казенным голосом спросил Малявин, не вынимая «беломорины» изо рта.— У вас, что ли, кран течет? — И переложил чемоданчик с инструментами из руки в руку.

— Ви ест... водоремонтник? — Профессор с подозрением оглядел стоявшего перед ним верзилу в замасленной спецовке, сбитых башмаках и облаке свежего винного дурмана.

— Их бин,— скупой доложил Малявин,— яволь. Больше по-немецки он ничего не знал, а «Гитлер-капут» для общения с жильцом из четыреста пятого номера люкс не годилось. Вдруг он профашист какой, из банды этих... «бритоголовых».

Вон и лысина есть. Так что Малявин, бормоча «битте, битте», отодвинул профессора чемоданчиком в сторону и напрямик двинул в ванную.

Видит Бог, не вовремя сломался кран в этом хреновом четыреста пятом: кочегар Серега Петушков вчера похоронил тещу и сегодня с утра, весь пьяный и радостный, поминал в столярке «незабвенную и дорогую», наливая всем подряд. «Незабвенная» завещала Петушкову трехкомнатную приватизированную с телефоном, в центре. Подарок судьбы, честное слово!

Народу в столярке собралось достаточно, даже притащился шестидесятилетний ассенизатор Хромов, народный умелец по халявной выпивке. От угощения никто не отказывался, и конечно же, через час забыли и про тещу, и про наследную квартиру, потому что вновь всплыли важные, вечные темы — зарплата, бабы, футбол и политика. Душевно сидели, славно, даже не заметили, как Петушков упал под верстак и уснул.

Помешала коридорная, гримза Капустина. Не дозвонившись по внутреннему в столярку, она не поленилась спуститься с четвертого этажа в подвал, где устроила безобразный скандал.

— Все! — возмущалась гримза.— Лопнуло мое терпение. Буду жаловаться директору гостиницы! — И еще много чего наговорила всем присутствующим плохого, унижающего гордость и достоинство человеческое. Н-да-а, неприятно как-то получилось, очень даже неловко. Поскольку была Капустина не только мелкой начальницей, но и родственницей Петушкова. Дальней.

Малявину же Капустина сказала:

— Жорка, ты вроде здесь самый трезвый. Значит, задание тебе. Срочная заявка от жильца из четыреста пятого. Немец там живет, профессор, Кран у него сорвало, заливает номер. А под ним в триста пятом тоже какой-то научный пуп живет, из Англии. Может случиться международный скандал. Так что быстренько! — И, хлопнув дверь, сердито убралась из подвала.

Быстренько! Ха, разогналась. Пока Жора собрал инструмент в дежурный чемоданчик, очнулся Петушков, залез на табурет и налил всем портвейна еще раз по кругу, выпил тоже. После чего опять упал под верстак.

— Слушай,— задумчиво сказал Малявину интеллигент Хромов, который прочитал в свое время много ненужных для его профессии книжек— курс доллара сейчас ого! Дойчмарки поменьше, в пол-ого, но тоже ничего. Неужто фашисту за бесплатно кран менять будешь? Вернешься без марок— не друг ты мне будешь, не друг! — И погрозил стаканом.

Хотя Хромов все одно не был другом Малявина, Жорик призадумался. И в этой задумчивости поднялся на четвертый этаж.

Поломка оказалась пустяковой — сломался вентиль. Пять минут работы, если ты дурак и дойчмарки тебе не нужны. Жора перекрыл воду, разложил инструменты на кафельном полу и сосредоточенно, не торопясь отвинтил хромированный кран, после чего полностью его разобрал. Профессор Штейдер маялся за широкой спиной сантехника, то и дело пытаясь заглянуть через его плечо на бронзовые детали в раковине.

— Что есть с кран? — в конце концов озадаченно спросил Штейдер левую лопатку Малявина.

— Капут кран,— рассеянно сообщил Жора и стал бесцельно перекидывать инструменты, потом залез в чемодан, побренчал запасными крановыми частями, оглянулся на профессора.— Надо идти... искать... Понимай? Профессор раздраженно постучал тапочкой по полу.

— Ви должен! Я опоздать конференция. Тороплюсь, очень.

Жора развел руками, поник головой.

— Вентиль менять надо. Прокладка сгнила, резьба лопнула... вот.— Он ковырнул пальцем вентиль, расстроено поцокал языком.

Штейдер задрал брови, скривился:

— Делайт что надо. Я платить.

— Вот! Это дело,— обрадовался Малявин.— Есть тут у меня, для себя лежала... Так сказать, от сердца рву...

Скоро кран стоял на месте. И даже не капал.

— Все,— сообщил Жора, уложив инструменты на место,— сказка, а не вентиль. Век стоять будет.

— Век не надо,— отмахнулся профессор,— я скоро уезжать,— и ушел в комнату. Малявин проследовал за ним, деловито обтирая руки тряпкой. И остолбенел. Он даже предположить не мог, что можно сделать из обычного номера, хотя бы даже и люкса.

Обтянутые черным, с серебряными вензелями, бархатом стены зала частично оказались закрыты высокими резными шкафами с книгами за стеклянными дверцами; громадный массивный стол с темномраморной столешницей монументом высился посреди просторной комнаты, заваленный странными вещами: свитками рукописей, колбами, латунными ретортами на фарфоровых подставках; высокие готические кресла мрачно таились по углам, над одним из них висел обрамленный тяжелым золотым багетом поясной портрет седого старика в черной хламиде. Камин в стене мерцал живым огнем.

— Камин,— растерялся Жора и уронил тряпку. Каминов в гостинице не было и быть не могло по правилам противопожарной безопасности. Даже электрических.

— Богато живете, герр профессор,— пробормотал Малявин,— это что же, по спецзаказу вам номер оформили?

— Что? — быстро переспросил Штейдер и уставился на сантехника.

— Камин, стол. Портрет.— Жора потыкал пальцем в воздух.

— Ви видеть? Видеть, да? — вдруг оживился толстяк, расплылся в улыбке, приподнялся на цыпочках и дружески похлопал Малявина по плечу.— Он видеть! Фантастик! — радостно сообщил профессор портрету.

— Эй! — Жора отшатнулся от неожиданности.— Вы того! Без рук! Я на работе.

Профессор животом бойко подтолкнул сантехника к креслу, приглашающе помахал рукой:

— Расслабляйт, сидеть, битте.

Малявин и сел с испугу. Очень уж странно вел себя Штейдер.

«Свихнулся на почве крана,—печально понял Жора,— экие они нервные, иностранцы-то». И с сожалением посмотрел на бедного безумного немца. Безумный немец в это время лихорадочно ковырялся в бумажной свалке на своем необъятном столе, небрежно расталкивая стеклянные колбы, и шипел ругательства на родном языке.

— Вот, йест! — Штейдер повернулся к Жоре, семена подбежал к нему: в руках профессор держал небольшой стеклянный шар матового цвета.

— Держать,— искательно попросил немец,— не больно. Нихт.

Жора пожал плечами, взял шар и мельком заглянул в раскрытые ладони профессора. Дойчмарок у того в руках не было. Обидно.

Шар был похож на маленький плафон из тех, что дежурно светят в подъездах и которые так любят расстреливать из рогаток мальчишки. Малявин равнодушно покатал плафон в своих ладонях и неожиданно почувствовал тепло, идущее из него. Жора уставился на шар. Внутри матовой безделушки разгорелся неяркий свет, словно там зажгли свечку.

— Йа! Йа! — одобрительно закричал Штейдер, хлопая себя руками по маховому пузу.

— Свет! Ви видит — свет! Колоссаль.

— Фокусник чокнутый,— сантехник сунул шар профессору,— гони, что обещал, да я пойду. Меня кореша ждут, вино — дринк, дринк.— Жора наглядно пощелкал себя по горлу.

Профессор не глядя положил шар на стол в бумаги, расстроено упал в кресло напротив, помолчал немного.

— Ви пьяниц. Какой жалость,— вздохнул погода Штейдер.— Чисто русский вариант: как талант, так и пьяниц.

— Какой талант? — очень даже заинтересовался Жора. Пьяницу он пропустил мимо ушей, не так еще обзывали. Ну пьянь, ну и что. Работа такая, вредная. А талант... Это хорошо. Это деньгами пахнет, ежели со знанием использовать. Вот только какой у него талант? Весьма интересно. Весьма.

Штейдер закурил и, путаясь в падежах, рассказал Малявину странную историю. Оказывается, он, профессор Штейдер, потомственный маг, очень сильный «подпольный» колдун. В Россию он, собственно, приехал ради любопытства, заодно и на симпозиум по парапсихологии (последнего слова Жора не понял), куда уже опоздал из-за поломки. Но это ерунда, потому как случайно найти самородного и очень сильного мага — редчайший случай. А Малявин и есть маг. Колдун-сантехник.

Жоре очень понравилась речь. Он даже как-то и ростом сразу стал выше и живот попытался выкатить, как у Штейдера, но не получилось.

— Только маг видеть мой реальный квартир,— доверительно сообщил профессор, обводя рукой вокруг себя.— Я все свое носить с собой. Привык комфорт, так. Только маг зажигать пробный шар, так. Ви — русский колдун. Р-распутин!

— Ты это брось,— сразу обиделся Малявин.— Вино пью, есть такой грех. А жене не изменяю. Почти.

— Наин,— замахал руками профессор,— это не так, не в тот смысле. Ви — чародей. Необученный, но очень сильный. Ви иметь магический потенц. И вот — пьешь водка! Зачем? — Он укоризненно поглядел сквозь стеклышки на Жору.

Малявин заскучал. Дойчмарками пока не пахло, а остального он толком не понял. Странно это все звучало, страшновато. Безумно. Вспомнились вдруг разные самодельные колдуны, что одно время крепко дурили народ со сцен и телеэкранов. Тьфу!

— Ви не понимает,— запальчиво продолжал профессор, сердито тыча сигаретой перед собой.— Все ваш телеколдун, что вы думает,— эстрада. Фокус! А ви — настоящий, одаренный маг. Человек с большой буква. Натюрлих. Нужны деньги? Тьфу. Женщины? Тьфу, тьфу. Сколь надо! Вот слава — нет. Настоящий маг — нет слава, телевизор. Ви — «подпольный». Тайный. Но очень нужный многим. Ви должен вступить в наш орден. И к нам из ваша странный страна шнелль. Соглашайсь немедленно! Уеду. Ведь.

— Э... э...— просипел замороченный Жора,— их бин не хотит. А пока за работу, плиз.

Штейдер раздраженно всплеснул руками, сплюнул со злости и сунул Малявину в руку зеленую купюру. С двумя нуликами.

— Думкопф,— почти ласково говорил профессор, выпихивая Жору из номера,— идиот, русский бестолоч. Иди, водка пей!

— Но-но,— вяло огрызался Жора, поскольку чувствовал себя сейчас несколько странно,— ты русских не трогай! Мы вас в сорок пятом...

Тошно было Малявину, но непонятно отчего — то ли продешевил он, то ли вином отравился. Непонятно.

Малявин медленно спустился в подвал, в столярку, деревянно прошагал к драной табуретке, осел на нее. Ассенизатор Хромов разведенными в разные стороны глазами поглядел мимо него.

— Мар-р-р-ки? — по-пугаичьи выдавил он из себя.

— Еще по сто! — крикнул Петушков, на четвереньках выбираясь из-под верстака и снова обморочно падая назад.— Портвейн! Три семерки! Незабвенная! С телефоном!

Жора разжал кулак, неспешно расправил перед глазами купюру. Сто долларов.

— Ого,— сказал Хромов,— пьем, пьем. Что фриц?

Малявин ословело перевел на него взгляд, налил в стакан вино, выпил.

— Фриц,— хрипло произнес Жора,— он и есть фриц. У него портрет Гитлера во всю стену. И форма эсэсовская. Пулемет на кровати. Бритоголовый. Он, гад, приехал к нам диверсии устраивать. С крана и начал.

— Вербовал? — невнятно и деловито спросил Хромов.

— Вербовал,— согласился Жора и еще раз выпил,— но я...

— Дорогая! — заорал Петушков и опять уснул, сунув морду в еловые стружки.

— Хромов,— тихо сказал Малявин, уставившись взглядом в пол,— ты веришь, что я — человек с большой буквы? Чародей?

— Точно,— сразу согласился ассенизатор,— экзе хомо. Се — человек. Сто баксов наколдовал. Умница. Пошел на хрен,— и тоже уснул.

Жора сложил руки на коленях, подумал минут десять в этой школьной позе. После с трудом переоделся. Тяжело хватаясь за перила, поднялся на четвертый этаж, сунулся в запертый четыреста пятый.

— Куда, Малявин? — заорала гримза Капустина, выныривая из-за коридорного угла.— Претензий нет. Кран в порядке. Молодец.

— Клавка, где немец? — шепотом спросил Жора.— Где он?

Капустина уперлась твердым пальцем в его грудь, толкнула Малявина к лестнице.

— В аэропорт уехал твой немец. Злой был — страсть, все тебя поминал. Я и кран проверила, думала, из-за него лается.

— Клавка, нужен он мне, нужен...

— Нажрался, так и ступай в свою конуру.— Грымза развернула Малявина лицом к лестнице, подтолкнула коленом: — Пшел!

И Жора пошел...

Говорят, видели его после в фойе аэропорта, где он дрался с таможенником. И еще говорят, что уехал он странным образом в Германию и теперь вовсе не пьет. Большим человеком стал!

А вот Петушков после белой горячки врал, что видел Малявина связанным в психушке, где он. Петушков, от вермута лечился. Хромову врал. И Капустиной. Но кто же ему поверит? Кто?

Содержание

ГОНЕЦ	2
ПИВОТЕРАПИЯ	87
ВЕЗУНЧИК.....	88
ВИЗИТ.....	97
ЖЕЛАНИЕ.....	104
ЗАБАВА.....	108
ЗАВТРА.....	116
ИГРА.....	124
ИЗМЕНЕНИЯ.....	130
ПОВЕСТКА.....	137
ПРЕЦЕДЕНТ.....	142
СЕАНС.....	147
СОН.....	152
ТУЗ.....	153
ХРАНИТЕЛЬ.....	161
ШАБАШКА.....	173
СОДЕРЖАНИЕ	179